МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ГЕНРИ ЛАЙОН

ОЛДИ

ЗОЛОТАРЬ

или

ПРОСИТЕ, И ДАНО БУДЕТ...

ТЕХНО-ФЭНТЕЗИ

НОВИНКА!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сын-студент провинциального редактора попадает в реанимацию. Видно, что над юношей изрядно глумились: разбита голова, переломы обеих рук… Но следователь хочет закрыть дело под явно надуманным предлогом. Поиски обидчиков сына приводят Золотаря в загадочную фирму «Авгикон» и дальше — в Зазеркалье Интернета, где виртуальные баталии оборачиваются кровавой реальностью…

Жесткий, бескомпромиссный роман «Золотарь» — зеркало, где мы отражаемся такими, какие мы есть, во всем своем величии и неприглядности.

- Генри Лайон Олди
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
    - ДЕНЬ ВТОРОЙ
    - ДЕНЬ ТРЕТИЙ
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
    - ДЕНЬ ВТОРОЙ
    - ДЕНЬ ТРЕТИЙ
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    - ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
    - ДЕНЬ ВТОРОЙ
    - ДЕНЬ ТРЕТИЙ
  - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
    - ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
    - ДЕНЬ ВТОРОЙ
    - ДЕНЬ ТРЕТИЙ
  - ЭПИЛОГ

Генри Лайон Олди
ЗОЛОТАРЬ
или
ПРОСИТЕ, И ДАНО БУДЕТ…

С языком, с человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя; словесная речь человека — это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом.

Владимир Даль

Довлеет дневи злоба его…

Евангелие от Матфея

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВОЗЬМИ СЫНА ТВОЕГО, ЕДИНСТВЕННОГО

И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама и сказал ему: Авраам! Он сказал: вот я. Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе.

Бытие, 22

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
ДОРОГА ПОД ЗЕМЛЮ

1

— Это квартира Золотаренко?

— Да.

— Александр Игоревич?

— Да, это я.

— Ваш сын в больнице.

В первые минуты я всегда паникую. Пожар, увольнение, тень в подворотне — стопор, хоть кричи. Мечтаю спрятаться под одеяло, моргаю, как дурак. Бабушка в детстве звала меня «те́фтелем». С ударением на первое «е». Моя бывшая утверждала, что в миг опасности я становлюсь похожим на морскую свинку. Уж не знаю, почему, но меня это дико обижало.

Потом я прихожу в себя. Делаю все, что положено. Но вначале — тефтель, и баста.

— В больнице?

— В институте неотложной хирургии. Знаете, где это?

— Знаю…

— Приезжайте. В холле главного корпуса вас встретят.

— Что с ним? Он жив?

— Он в реанимации. На него было совершено нападение. Приезжайте, это не телефонный разговор…

— Вы врач?!

Гудки. Нет, это не врач. А кто? Милиция? Все было просто прекрасно, и сразу стало так плохо… Дурная привычка мыслить цитатами. Память сразу подсказала, как дальше: «…обул он белые тапочки и ушел навсегда.» Пародия Иванова на Асадова. Сейчас ее уже не помнят. Надо побриться. Некрасиво ехать в больницу заросшим…

Господи, о чем я думаю!

Мыльная пена из флакона. Завтра сменю лезвие, это затупилось. Хорошо, что у меня газовая колонка. Всегда горячая вода… Антошка в реанимации. На него напали. Тихий, смирный ботаник Антошка. Наглая, пьяная гопота. Что у него можно было забрать? Мобильник? Стипендию? Часы? Куртку? Куртку я ему подарил в прошлом году, она еще совсем новая…

— Твою мать!

Порезался. Ничего, ерунда. Прижгу туалетной водой.

Зимой надо долго одеваться. А я еще специально тянул время. Ждал, пока сойдет девятый вал паники. Шерстяные рейтузы. Теплые носки. Рубашка. Какие-то ублюдки измордовали моего сына. Найду, из-под земли достану… И что? Джинсы. Свитер. Я и в школе драться не умел. Не снайпер. Не следопыт. Не ветеран локальных заварушек.

Никто.

Мститель ты хренов, Золотарь.

Утешительно светился монитор. Мимоходом я бросил взгляд на текст, выведенный на экран. *«Как и вся молодежь, облажающая магической силой, Эльдар был отличным бойцом, хотя и не таким, как Берендил, который служил телохранителем короля. Все ждали войны. Владыки Светлой и Темной части мира скрипели во сне зубами, мечтая…»*

Первую редактуру этой ахинеи я уже сделал. В оригинале все было гораздо круче. Войны ждали так, что согласование падежей считалось дурным тоном. «Не имею привычки, — сообщил автор в личной переписке, — перечитывать свои тексты. В книге важна мысль, а не то, как кого обозвали.» К счастью, издательство дало мне карт-бланш — править текст, не советуясь с гением. Ему отправят на сверку все целиком. Гамузом, как говорила моя бабушка. И гений примет без возражений. Разве что скрипнет в интернете, что я убил его драйв и засушил живость языка.

У него в оригинале владыки скрипели не зубами.

Исправить опечатку в слове «облажающая»? Ни за что. Она имеет шанс проскочить мимо корректора. Книга выйдет в свет, и я получу удовольствие. Наверное, только я — больше никто не заметит.

Золотарь! Ты полный придурок!

…шевелись!

Ботинки. Шарф. Старая дубленка. Надо взять денег. Санитары, врачи, медсестры — свора вымогателей. Тут десятка, там сотка. Тысячи за операцию. Капельница за свой счет. Наша бесплатная медицина — самая дорогая в мире. Ну не самая, это я вру. Но если сравнить мою зарплату со ставкой редактора в каком-нибудь «Baen Books»…

Кепка.

Наличности дома было в обрез. Цапнув НЗ — три сотни долларов, отложенных с лета — я вылетел на лестничную клетку. Там копошилась тетя Паша — хмурая, вечно простуженная уборщица. Подъезд скидывался по «пятаку» с квартиры, арендуя ее на месяц.

— Доброе утро!

— Здрасте, теть Паш. Извините, я очень спешу…

— Ага. Я уже.

Освобождать лестницу она не торопилась. Стояла на карачках, елозила тряпкой. Одна ступенька, другая; третья… Прыгать через нее? Я не кенгуру. А тетя Паша — тот еще барьер. Подберут меня внизу, свезут в реанимацию за казенный кошт. Сэкономлю на такси.

Паника отступила на заранее подготовленные позиции. Ее место занял юмор — черный и вонючий, как гуталин.

— Тетя Паша! Дайте пройти!

Ей следовало играть в театре. Вы бы видели, с каким кряхтением она поднялась, вытерла трудовой пот, как посторонилась, обдав меня презрением… Будь я режиссером, велел бы ей хлестнуть негодяя тряпкой — и аплодисменты обеспечены. Но я не был режиссером. И сын мой ждал в больнице.

Улицу я пролетел галопом.

— В неотложку!

— Пятьдесят гривен.

— Сорок!

— Сорок пять и поехали.

— Быстрее!

Быстрее не получалось. Центр встал. Одна пробка рассасывалась, другая возникала. Я уже пожалел, что отказался от метро. Не надо было торговаться с таксистом. Выиграл пятерку и сглазил поездку. Это рефлекс — не соглашаться на сумму, которую водитель назвал первой. И никогда не требовать включить счетчик. Дороже выйдет.

Мысли жужжали мухами, нелепыми в феврале. Намекали, что жизнь продолжается. Фортуна незлобива. Расслабься, мужик, обойдется, заденет легким испугом…

В кармане зазвонил мобильный.

— Да, слушаю!

— Золотаренко Александр Игоревич?

— Да!

— Ваш сын в больнице.

— Знаю! Он жив?

— Он в реанима…

— Я уже еду!

— Хорошо…

Похоже, на том конце удивились. Голос другой, визгливый. Первый говорил сочным басом. Что у них там за бардак? Звонят по два раза… А мне каково? Снова услышать: «Ваш сын…» — и ждать самого страшного.

Если позвонят еще — ей-богу, пошлю матом.

2

В дрожащих лужицах плясало солнце. У машин «Скорой помощи», расстегнув куртки, курили водители. Двое санитаров, судя по ухмылкам, из морга, клянчили сигаретку. Без особого успеха. Один качнулся наперерез Золотарю, рассчитывая на акт милосердия, но Золотарь мотнул головой — не курю! — и прошел, считай, пробежал мимо.

Он уже жалел, что оделся так тепло. Февраль дразнил намеком на весну. Все гадали, продержится солнышко до марта — или ждать похолодания. Заключали пари, спорили; сыпали примерами из прошлого.

Золотарь числился в скептиках.

Он остановился, желая успокоить сердце. Напротив, в больничном саду, пустом и черном, совершал моцион качок в спортивном костюме. Нижняя челюсть бедняги поддерживалась жутким устройством, похожим на инструмент пыток. Качок мерил сад легкой рысью, тупо глядя перед собой. Следом, не отставая, чинно трусили дамы в пальто — юная, молодая, в летах. Дочь, жена и мать. Или мать и две сестры. Проведать явились, апельсины принесли. Хотя какие ему апельсины! — кефир, овсянку…

Все молчали: качок — из-за челюсти, дамы — из солидарности.

— Александр Игоревич? Долго вы…

Высокий мужчина в длинном, до пят, кожаном плаще улыбался странным образом. Казалось, он еще не решил, что ему делать. Улыбка располагает к тебе собеседника, это да. Но у человека несчастье, сын пострадал, и лыбиться, в общем-то, ни к чему…

— Что с Антоном? Вы в курсе?

— Чистильщиков, — представился «кожан», протягивая руку. Пожатие у него было крепкое и бережное, как у отставного борца. — Вадим Петрович. Вы, главное, не волнуйтесь. Да, хорошего мало. У Антона Александровича черепно-мозговая травма. И переломы обеих рук. Лучевая кость правой, запястье левой. Врачи уверяют, с руками все будет в порядке. До свадьбы заживет. С головой сложнее…

Золотарь сперва не понял, о ком речь. Загадочный Антон Александрович не ассоциировался у него с ботаником Антошкой, как он с детства привык звать сына. Переломы, черепно-мозговая…

— Меня пустят к нему?

— Нет.

— Жаль…

— Попробуйте завтра. Скажите, Александр Игоревич… Вашему сыну в последнее время никто не угрожал?

Что значит — в последнее? Год? Пять? После развода Антон остался с матерью. Бывшая не упорствовала, разрешала «мужичкам» видеться вдосталь. Летом они вдвоем ездили отдыхать: Крым, Карпаты, пансионат в Старом Салтове. В прошлом году выбрались в Ригу. Бродили по старой части города, слушали Баха в Домском соборе. Смеялись — здоровяк в камуфляже после концерта с восторгом рассказывал седому спутнику, отцу или деду:

«Слушай, как она! И руками, и ногами! Я помню эту мелодию — она была в „Томе и Джерри“… Класс!»

— Так угрожали или нет?

— Не знаю. Вряд ли. Антон — тихий мальчик. Бесконфликтный. Как по мне, даже слишком.

— Рохля? Вы извините мою бесцеремонность, но я вынужден…

— Нет, не рохля. Просто он склонен уступать дорогу.

— Может, в частной переписке? На интернет-форуме?

Чистильщиков глядел, не моргая. Глаза у «кожана» были, как две лужицы. Только без солнца. В серой глубине мерцал интерес: холодный, деловой.

— Я не в курсе. Посмотрю, вдруг найду что-нибудь…

— Если найдете, свяжитесь со мной. Вот моя визитка.

Визитку Золотарь сунул в карман, не читая.

— Кочарян! — заорали из окна второго этажа. — Прекратите физкультуру! Вам нельзя!

Качок в саду отмахнулся могучим кукишем.

— Кочарян! Я к кому обращаюсь!

Дамы, словно только и ждали гласа свыше, вцепились в упрямца — замедлив, а там и остановив марафон. Старшая бранилась, средняя убеждала, младшая рыдала. С достоинством качок перешел на шаг, еще раз ткнув кукишем в адрес окна. Словно из нагана выпалил.

В окне воцарилась тишина.

— Дурак, — неожиданно сказал Чистильщиков. — Нет, каков экземпляр… Всего доброго, Александр Игоревич. Вы идите, вас ждут в холле. Там, — он указал пальцем на третий этаж, — наверху, ваша жена.

— Бывшая, — машинально поправил Золотарь. — Мы в разводе.

И удивился, потому что Чистильщиков успел куда-то сгинуть.

За стеклянными дверями от регистратуры к нему метнулся

капитан — юркий, будто хорек. Золотарь ни разу в жизни не видел хорька, тем более хорька в милицейской форме. Но не с крысой же сравнивать? Ментов он терпеть не мог с детства; вернее, с юности, когда его, ошалевшего от портвейна и свободы первокурсника, избил патруль в ночной Ялте.

Били просто так, от избытка сил. Даже задерживать не стали.

— Золотаренко? Это вы?

— Я.

— Капитан Заусенец, — хорек строго посмотрел на Золотаря, намекая, что шуточек не потерпит. — Я звонил вам насчет вашего сына.

В сравнении с басом Чистильщикова ломкий тенор Заусенца был жалок. Руки собеседнику капитан не подал. Зато все время поправлял кашне, выбивавшееся наружу из-под ворота казенной куртки. Белое, кашне напоминало флаг сдающегося гарнизона.

— Спасибо.

— По предварительной версии, ваш сын подвергся нападению хулиганов. Состояние стабильное, но…

— Я знаю. Черепно-мозговая травма, переломы обеих рук.

— Знаете? — неприятно моргая, заинтересовался капитан. — Откуда? Вы говорили с врачами?

— Нет. Я говорил с вашим сотрудником.

— Сотрудником?

— Ну да. Он позвонил мне первым. И встретил здесь, у входа.

— Он представился? Вы сможете его описать?

— Смогу, — гаденькое подозрение кольнуло в сердце. Вот так откровенничаешь с кем ни попадя, а потом выясняется, что продал родину и семью. — Рослый, в плаще. Судя по рукопожатию, очень силен физически. Глаза… Погодите! Он оставил мне визитку…

— Позвольте полюбопытствовать?

Старомодный оборот речи не вязался с внешностью капитана. Словно на гипсовом бедре «Девушки с веслом» вдруг обнаружилась авторская подпись: «François-Auguste-René Rodin».

— Вот…

Отобрав визитную карточку, хорек долго изучал ее. Золотарь смотрел капитану через плечо, благо тот был ниже на полголовы. «Чистильщиков Вадим Петрович. Отв. дир. АС „Авгикон“». Два телефона, факс. Е-мейл. Нам скрывать нечего, утверждала визитка. Мы — люди солидные. В директорах ходим. Звоните нам — мы на все руки мастера.

На все сломанные руки…

— Панин? — капитан извлек мобильник и набрал номер. — Это Заусенец. Слушай, Чистильщиков из ассенизаторов? Что?

Ого… Да, тут так и написано: ответственный директор. А хрен его знает, за что он ответственный. За рафинированное дерьмо. Ладно, бывай.

Отключив связь, он внезапно улыбнулся:

— Не волнуйтесь вы так. Все в порядке. Этот ваш Чистильщик вне подозрений.

— Мой? — возмутился Золотарь. — Почему мой, когда он ваш?!

— Он не наш. Возьмите карточку. У меня к вам есть вопросы. Скажите, вашему сыну в последнее время никто не угрожал?

3

— Это ты во всем виноват.

— Перестань.

— Ты. Если бы у ребенка был нормальный отец!

— …то с улиц исчезли бы все подонки. И в темных «сквозняках» пели бы Окуджаву. Возьмемся за руки, друзья…

Бывшая заплакала. Оружие, против которого я был бессилен. В финале нашего совместного забега она часто обнажала этот меч. Казалось бы, мог привыкнуть. Семь лет после развода. Казалось бы, мог забыть. Ан нет, сразу чувствуешь себя виноватым.

Кто сына искалечил? — ты, Золотарь.

Вот такая логика.

Чтобы не брякнуть лишнего, я встал и отошел к окну. За спиной всхлипывали. В голливудовских фильмах больницы — райские кущи. Светлый коридор, деловитые медики, зеленые, приятные глазу халаты. И стеклянная дверь, сквозь которую видно кровать с пострадавшим. У нас иначе. Пахнет «столовским» борщом и хлоркой. У входа на этаж, за дряхлым столом, скучает жирная медсестра. Двери выкрашены белилами. Свинцовыми, как мерзость жизни.

Ничего не видно, никуда не пускают.

— Лучше бы он сам упал, — вздохнули за спиной. — Или авария.

— Почему?

— Его били, Саша. По голове. По рукам. Железным прутом.

— Откуда ты знаешь?

— Про прут? Я не знаю. Я закрою глаза и вижу… Когда авария, не так дико. Некого винить, разве что бога. А тут — живые люди. Незнакомые. Встретили, остановили, решили развлечься. Я даже не знаю, что сделаю, если увижу их…

Когда я услышал про бога, понял: бывшая на грани. Недавно она сделалась религиозна. Заезжий пастор — улыбка рекламного агента, хватка бульдога. Молитвенный дом, собрания, ячейки. Библия наизусть. Миссионерский пыл. Рвение неофита. Попытки вовлечь меня и Антошку. К счастью, я оказался ленив, а Антон — благоразумен.

Если она готова винить бога — дело швах.

— Где ты их увидишь?

— В милиции. Или на суде. Не знаю… Наверное, ничего не сделаю. Мне страшно, Саша.

— Ладно тебе… Не трави душу. Антошке этим не поможешь.

— Ты иди домой. К нему все равно не пустят.

— А ты? Пошли, я подвезу тебя на такси.

— Я еще посижу. Я клиентов отменила, день свободный.

Когда мы подали заявление, с нас смеялась вся округа. Редактор и маникюрша. Дельфин и русалка, как поется в известной песне, не пара. Три раза не пара. А у нас любовь. Страсть. Общность интересов — черт ее знает, откуда она взялась. Мы гуляли ночами. Я читал Самойлова:

— Поворожи, цыганка,
На картах погадай,
Ограбь меня до нитки,
Но молодость отдай.

Обобранный до нитки,
Неловкий, молодой,
Поеду я в пролетке
С лошадкою гнедой…

Бывшая, тогда еще будущая, смеялась. Она умела чудесно смеяться. Зачем тебе молодость, спрашивала она. Ты и так молодой. Зеленый, как огурчик. У нее был талант. Банальности оживали в ее речи.

Расписывались мы на третьем месяце. В марте родился Антошка.

— Скажи-ка мне, извозчик,
Куда меня везешь?
Ведь у меня в кармане
Один несчастный грош.

Извозчик мне ответит:
— Не можешь — не плати.

Ведь сам не знаешь, малый,
Куда тебя везти…

Пять лет счастье ехало с горки вниз. Мальчишка, подложивший картонку под тощий зад. Еще пять лет счастье тупо смотрелось в зеркало. Морщинки, красные глаза, первая седина. «Это я? — размышляло оно. — Счастье?» Мы не скандалили. Не повышали голос. Просто разучились радоваться друг другу.

Привычка не спасала.

Вот последний год — тот да, эпоха ссор. До сих пор стыдно перед Антошкой. Она плакала. Я кричал. Придуманные обиды, ерундовые поводы. И сразу — в крик. Во мне жила странная агрессия. В какой-то детской пьесе у главного злыдня в башке торчал серебряный гвоздь. Если злыдень регулярно не делал гадости, у него болела голова. У меня болела голова, если я не кричал на жену.

Разбежались мы до странного легко. Все — плач и крик — прекратилось с подачей заявления. Словно выключили энергию. И Антошка, десятилетний мудрец, принял ситуацию без демонстраций. «Знаешь, папа, — сказал он мне, — так лучше.» Парень унаследовал талант матери. Он говорил банальности, как истину. Новорожденную, свежую истину.

Возможно, так оно и было.

— Не молодой, не старый,
Не мертвый, не живой,
Обобранный до нитки,
Я побреду Москвой.

И вдруг — знакомый дворик,
Где сушится белье.
— Привет, мой друг Татьяна!
Пусти меня в жилье!

— Не пущу, Саша. Не надо.

— Это стихи.

— Я помню. На жилье не рассчитывай.

Захотелось наорать на нее, как в былые времена. Я с трудом сдержался. Черт дернул за язык! — последнюю строфу я произнес вслух. Бывшая восприняла это, как намек. «Не молодой, не старый…» Вместе со злобой на меня обрушилась реальность. Минуту назад между нами стояла стена. Я переживал, суетился, спешил, но не верил. «Кожан», хорек, качок с челюстью были

персонажами книги. Я не писал эту книгу, даже не читал — я ее редактировал.

Неудачный оборот, тяжелая фраза…

Меня взяли за шкирку, уложили между страницами — и прихлопнули. Типографским прессом. Плоский, ломкий, как засушенный лист, я смотрел в окно на больничный сад. И боялся обернуться.

— Я отойду печальный —
Все вспомнил, все забыл.
— Тебя, мой друг Татьяна,
Так мало я любил!

Забыто — не забыто.
И больно. И светло.
И то, что будет после,
Уже произошло.

Дежурная медсестра с любопытством поглядывала на нас.

— Вот деньги, — я достал позорные триста баксов. — Больше нет. Возьми, вдруг понадобятся. Если что, я раздобуду еще.

Деньги бывшая взяла, не чинясь.

— Звони в любое время. Днем, ночью…

— Хорошо.

— Если дождешься врача, звони сразу.

— Да.

Диалог без смысла. Я такие вычеркивал. Или сокращал без жалости.

— Может, чайку? — вдруг спросила медсестра. — С коржиками?

4

Обратно он решил ехать на метро.

Минут семь пешком от неотложки до Деревянко, если не будет троллейбуса. Еще три остановки, и — здравствуй, «дорога под землю», как поет Гарик Сукачев. «Прекрати! — одернул он сам себя. — Накаркаешь! Какая еще „дорога под землю“? Антошка выкарабкается…»

Двусмысленный оборотец засел в голове. Поездом циркулировал по лабиринту извилин. «Осторожно, двери закрываются!» — и грохочущая темнота.

Троллейбусный круг пустовал. Оскальзываясь через два шага

на третий, Золотарь двинулся прочь от больничного комплекса. За заборами текли звонкой капелью обледенелые ветки вишен и абрикосов. В сосульчатых «бородах» искрилось по-весеннему яркое солнце. Пускало в глаза стайки «зайчиков», желая растормошить хмурого прохожего. Человек в ответ лишь щурился с досадой и топал дальше.

Перекресток.

За светофором ждет троллейбус.

«Дорога под землю, в ступени и стены, — хриплый, бандитский голос Сукачева бесом сидел на плече. Хихикал, подначивая. — Дорога под землю, в норы железных кротов…»

— Попал! — молодецки заорал в ухо краснощекий крепыш. Он хотел крикнуть что-то еще, но поперхнулся и закашлялся. Золотарь шарахнулся от идиота, едва не угодив под колеса. Он уже нырял в нагретое телами, душное нутро троллейбуса, когда в спину долетело:

— Попал… кхы-кхы!.. ПАПАЛНЕНИЕ счета!

Впервые за сегодняшний день Золотарь улыбнулся. От тряски и духоты его развезло, как пьяного. Он едва не проехал свою остановку — вскинулся в последний момент, расталкивая народ, вывалился наружу…

«Дорога под землю, в норы зеленых змей, дорога под землю, в Ад!»

В метро он неожиданно успокоился. В переполненном вагоне «я» исчезло, теряя неповторимую индивидуальность. Боль? страх? ожидание? — все растворилось горсткой соли в бочке воды. Пассажир, человек без лица.

Один из.

Равнодушен, как Кей, сложивший из льдинок слово «вечность», он глядел на толчею курток, дубленок и шуб. Глаз вычленял из общей «пассажирности» тех, кто даже в людской каше закуклился в особый, личный кокон. Пышная дама уткнулась в карамельный «покет» Донцовой. Очкарик, вдавлен в угол соседом-амбалом, прикипел взглядом к дракону на обложке «Фэнтези-2009». Верзила в ветровке, легкой не по сезону, азартно терзал кнопки мобильника. Телефон в ответ разражался немелодичными трелями.

При известной доле воображения в них можно было распознать выстрелы. Пиф-паф, ой-ой-ой, привезли меня домой…

…застиранные простыни. Капельница. Кислородная маска. По экрану ползет зеленый червячок. Дергается из последних сил…

Он столько раз видел это в кино, что на миг поверил: да, я побывал в палате Антошки. Это его червячок. Его капельница. Призрак больницы, мелькнув в черном стекле дверей, сгинул без

остатка. Дыхание сбилось, уши заложило пробками, как в самолете. Стоявший рядом старик повернул голову: кто это тут сопит? Он кивнул старику: все в порядке. Нервы. Извините.

И стал глазеть на девушку со смартфоном.

Мышка в скафандре, пришло на ум сравнение. Тонкий стилус бойко сновал по клавишам. Тык-тык, так-так. «В интернете сидит, — Золотарь старался думать о чем угодно, только не о сыне. — Молодцы провайдеры! Связь уже в метро действует…»

Стилус завис в воздухе — муха в киселе.

Миловидное лицо девушки сделалось мертвым. Злой шутник нажал тайный выключатель, погасив все краски. Где-то там, в сетевом трёпе, возник доброжелатель, не пожалевший для мышки «незлых тихих слов». Как говорят заядлые блоггеры:

«Это Интернет, деточка. Тут могут и нах послать!»

Поезд тряхнуло. Стоящие посыпались друг на друга, хватаясь за что попало — поручни, соседей, чужую сумку… Кто-то охнул. Кто-то стал просить прощения. Очкарик уронил книгу с драконом под ноги амбалу. Дамочка отвлеклась от Донцовой. Верзила матерно выругался — должно быть, недострелил монстра.

Лишь мышка не участвовала в кавардаке. Она была не здесь. Восковая кукла из собрания мадам Тюссо. Спящая Красавица, Снегурочка, ледышка. Но вот кровь заиграла в жилах, на щеки вернулся румянец…

Когда лицо девушки ожило, в нем появилось что-то хищное. Взмах волшебной палочки превратил мышку в разъяренную, загнанную в угол крысу. Свистящий вдох, складка меж бровями, губа закушена белыми, острыми зубками — и стилус рухнул на клавиатуру, как коршун на добычу. Он мелькал над смартфоном, разя без промаха. Игла хунгана Вуду, насылающего проклятие на свою жертву.

Коли, сладенькая, куклу. В глазик коли, в сердце, в печень.

Умри, враг.

…вашему сыну в последнее время никто не угрожал? В частной переписке? На интернет-форуме?..

— На следующей выходите?

— Что? Нет, не выхожу…

— Станут у дверей, раскорячатся!..

— Ты это кому, тетка?

— Да уж не тебе, сопляк…

Из динамиков лился казенный баритон. При выходе из вагона он рекомендовал не забывать личные вещи. Здесь вам не сказка, намекал баритон. Здесь дорога под землю. Помните, как у

Гарика?

Дорога, где живет многоглазый, многозубый зверь.

5

Меня колотило, как в лихорадке. Едва не пролил кофе на клавиатуру. Тебе бы пожрать нормально, Золотарь. А ты кофе хлещешь! Мало трусит, да? Надо успокоиться. Вдох. Выдох. Глаза закрыть.

Вдох.

Выдох.

Когда я входил в ЖЖ Антошки, руки уже не дрожали. Сын часто бывал у меня, летом жил неделями. Бывшая не возражала. Вход в свой журнал Антон прописал с моей машины. Щелчок по ссылке — и логинишься автоматом. Доверял отцу. Знал: не стану я в подзамочных постах рыться.

…что значит — «знал», «доверял», «бывал»?! Типун тебе на язык! Знает, доверяет; был, есть и будет! Расстрадался, тряпка? Отставить.

«Recent entries».

Молодец, парень, аккуратно блог ведет. К каждому сообщению — заголовок, тэги проставлены. Вчерашний постинг. 10.36. «Сыр есть, мужик?» Что у нас здесь? Давай, грузись!.. Фотография. Здоровенная ворона, нахохлившись, косится на камеру.

Read comments:

Прикольна!:)

А лиса где?

Ты ей сыру дал? Заслужила!

Чем снимал? Цифрой?

Здравствуй, дедушка Крылов, борода из ваты!

Дальше…

«Спамеры задолбали! Мочить козлов!»

Ну-ка, ну-ка…

«Спам задрал. Лезет через все фильтры. Сунулся в ящик, а там — как в анекдоте: в вашем спаме почты не обнаружено. Френды, среди вас хакеры есть? Давайте вычислим самых злостных спамеров — и завалим их мэйл-бомбами! Кто что думает по этому поводу — отписывайтесь в комментах.»

Read comments:
+1!
+100!
+1000!!!
Спамеров — в газенваген!
у меня друган хакер я спрашу
Antique, отпишись мне на мыло из профиля, есть идея :-))))

Antique — это ник Антошки. Он у него везде одинаковый: и в ЖЖ, и на форумах. Не найду зацепки тут, полезу там шерстить. Закладки Антон оставлял…

Фигня это. Надо живьем вычислять и фэйсы чистить.
Плюс пицот!

Мы присутствуем при уникальном явлении, подумал я. Рождение письменного бытового разговорного языка. Это не жаргон. Это вялость интонаций. Косноязычие на уровне орфографии. Бухтение. Заикание. Шепелявость. Компенсация в виде орды смайликов. Отсутствие знаков препинания. И, как исключение — нашествие грозных знаков восклицания.

Эрегированные фаллосы, они торчали повсюду.

Да ладно, Dubar'… Кто их отлавливать будет? Их надо через сеть давить, на их территории. Вреале такому морду начистишь — сам же и сядешь.
Че зассал? Всех завел и в кусты?
Deleted post
Deleted post
Deleted post
Юзер Dubar' забанен за нарушение правил данного журнала — многократный мат в комментах.

Зацепка? Вряд ли. За бан в ЖЖ рук не ломают. Previous 20… Глухо, как в танке. Полистать френд-ленту? 877 человек. Антошка-то, оказывается, без малого «тысячник»! Ну и как прикажете этот «френдятник» перелопачивать?

Тут на год работы…

Мы пойдем другим путем, как завещал дедушка Ленин. «Френды» в ЖЖ — это, конечно, не друзья в традиционном понимании. Так размываются языковые понятия. Скоро на вопрос «Что такое дружба?» станут отвечать: «Это когда юзер у меня во взаимных френдах». Но «френды» — как минимум, не враги. Они не станут подстерегать тебя в темной подворотне.

Посмотреть списки «френдоцида»? А вот те хрен, Александр Игоревич! Нет у твоего сына такого списка. Где ссылки на форумы? Ага, сообщества. *Chtochitat* — я и сам иногда заглядываю. *Onizaebali*, *pornozadorno*, *rubooks*, *rupelevin*, *rupreved*… *ruslovechki*, *ruxyu*…

Кофе остыл. Ничего, и холодный сойдет.

Перекусить? Нет, потом.

Знаю за собой эту дурость. «Упертість», как говорила моя бабушка. Если проблема не решается, упрусь рогом, как в стену, и — кто кого. В итоге что-то, да сломается: стена или рог. Врешь, не уйдешь! Всю сеть перетрясу, но найду…

Буквы прыгали перед глазами. Время текло сквозь пальцы. Рука на «мышке» онемела. Оружейный форум. Что тут мой ботаник забыл? Хотя… Я в его возрасте тоже балдел от оружия. Кроме «воздушки» в тире, стрелять было не из чего. А сейчас плати деньги — и на линию огня. АКМы и СВД, «кольты» и «Steyr AUG» — стреляй не хочу!

…АКМСу — круче всех!

Это кто ж такую мудрость написал? Некто ublu_doc. Говорящий ник у товарища. Ага, Antique в комментариях отметился…

ublu_doc: *АКМСу машинка крутая до не могу! и нехрен на нее гнать наши в чечне из нее вахабов немеряно ложили!*

morpeh: *А ты не путаешь? Может, АКС-74У под 5.45? Они похожи…*

ublu_doc: *нифига не путаю! под 7.62. поливает ахренеть!*

Antique: *morpeh прав. У АКМСу отдача такая, что точно стрелять очередями нельзя. Только одиночными. И перегревается быстро. После пары магазинов плеваться начинает. Их с производства давно сняли.* **To ublu_doc:** *Ты хоть сам-то в руках его держал? Стрелял?*

ublu_doc: *держал не сомневайся! а ты только хуй свой в руках и держал. сходи пописай на колючку подрочи на монитор и баиньки*

Antique: *Это твой распорядок дня? :-)*

ublu_doc: *твой, обсос, твой! тебе ж девки не дают потому что у тебя хер с мизинец*

Antique: *А ты сосни моего хуйца, узнаешь, мал ли мизинец.*

ublu_doc: *мамаше своей вставь, гы… вставишь, и будет тибе щасте. а мамаше — радость. ей если и вставляли, так дурное чмо когда тибя строгало*

Antique: *За базар ответишь? В реале? Ты писал, что мы*

землячки. Если ты мужик, жду тебя в субботу, в 12:00 у кафе «Рио», на Петровского. Там и выясним, у кого длиннее.

ublu_doc: *убей сибя ап стену, придурок! жди, я приду. и ап стену твоей тупой головенкой. еще и руки переломаю. штоп не тыкал в клаву. будешь дрочить с переломом…*

6

За окном стемнело.

В свете фонаря роился снег. Выбирали новую Снежную королеву — суета, мельтешенье, нервная пляска. К вечеру подморозило. Лужицы схватились тонкой коркой. Одно за другим загорались окна. Из машины хрипел портяночный шансонье. Владимирский централ, ветер, ясное дело, северный…

На столе лежал выбор.

В отличие от Чистильщикова, капитан не оставил визитки. Спросил в регистратуре лист бумаги, получил рецептурный бланк без печати, на обратной стороне записал два номера, служебный и мобильный. Буркнул: «Звоните, если вдруг…» — и пообещал вызвать на неделе. Вот уже час Золотарь названивал хорьку. По служебному вначале рявкнули, что капитан Заусенец на совещании, а потом и вовсе перестали отвечать. Мобильный откликался женским мурлыканьем: «Абонент находится вне зоны…»

Вне зоны, и слава богу, зло подумал Золотарь.

Чертовски не хотелось звонить Чистильщикову. АС «Авгикон» — что это значит? Ассенизационная служба? Автобусная станция? Акционерное собрание? «Если найдете, свяжитесь со мной…» Обождать до завтра? С утра продолжить поиски хорька? Шило в седалище требовало: немедленно!

Позвонить бывшей?

Бред.

Хлебнув остывшего чая, Золотарь набрал номер, указанный на визитке первым. С полминуты никто не отвечал. Затем возникло соединение — и тишина. В недрах тишины, далеко-далеко, Мэри Поппинс шепотом пела про ветер перемен. В сочетании с ветром северным, продолжавшим дуть с улицы, это было уникально.

— Есть кто-нибудь? — с робостью, удивившей его самого, спросил Золотарь.

И, выждав секунду-другую, добавил странное:

— Ау, да?

В ответ зарокотал приветливый бас:

— Добрый вечер, Александр Игоревич! Что-то нашли?

— Добрый… Да, нашел.

— Ну вот видите! — обрадовался Чистильщиков. — Угрожали?

— Не просто угрожали. Обещали сломать руки. И убить об стену. Думаете, совпадение?

— Не знаю. Где вы эту пакость обнаружили?

— Могу бросить ссылку.

Золотарь решил, что капитан не будет на него в обиде. Разглашение? — форум в свободном доступе, читай, кто хочет. Такого дерьма в сети — хоть лопатой греби.

— Буду признателен. Мой е-мейл есть на визитке. Кто угрожал, известно?

— Какой-то ублюдок.

— Александр Игоревич! Я понимаю, вам сейчас тяжело. Но я спрашивал о другом…

— Он так подписывается: ublu_doc. Латинскими буквами. Нижнее подчеркивание перед «док». Это юмор. Славный мир, веселый мир. Все шутят.

— И все шутят одинаково, — легко продолжил Чистильщиков цитату. — Извините, благородный дон, я не сразу вас понял. Юзер-инфо?

— Разная чушь. Инопланетянин. Ничего ценного, кроме дня рождения. Щенок, двадцать лет. Если не соврал, конечно.

— Ладно, я пробью по своим трубам.

По трубам. Другой сказал бы: по каналам. А каким тоном он произнес: «Где вы эту пакость обнаружили?» В комнате сразу завоняло, словно на той стороне открылся привокзальный нужник.

Дорога под землю, где лежат трубы.

Надо найти способ оградить себя от несомненного обаяния Чистильщикова. Три минуты беседы, и ты готов довериться незнакомому человеку. Он вежлив, предупредителен, он читал те же книги, что и ты. Он хочет помочь.

Вы — одной крови.

Будь осторожен, Маугли. Сожрут лягушонка с потрохами…

— Где это произошло? — спросил Золотарь. — Вы в курсе? Я хотел узнать у следователя, но забыл. Случаем, не на Петровского? Возле «Рио»?

— Нет. Пушкинский въезд. Шестой дом, подворотня у магазина парфюмерии.

— Когда?

— Утром. В районе одиннадцати. Точнее не скажу.

— Откуда вы все это знаете?

— Вы не доверяете мне, Александр Игоревич. И правильно делаете. Не бойтесь, мы с вами не обсуждаем ничего, что могло бы причинить вам вред. Я получил эти сведения в милиции.

— Кто вы?

— Ассенизатор.

— Я не расположен к шуткам.

— Понимаю. Но я действительно ассенизатор. Ассенизационная служба «Авгиевы конюшни». Поверьте, юмора здесь меньше, чем кажется на первый взгляд.

— Выгребными ямами заведуете?

Проснулась злость. Если бы Чистильщиков стоял напротив, Золотарь бы его ударил. Хотя «ударил» — это фигура речи. Обругал? — тоже вряд ли. Ну хорошо, всем видом показал бы, что собеседник переступил черту. Ассенизатор, которому менты докладывают обстоятельства дела. Бас, рост, красивые глаза — отчего ж не доложить?

— Заведую, — вздохнул Чистильщиков. — Ох, и вонючая у меня работа, Александр Игоревич! Не шанель, нет, не шанель. А что делать? Кому-то ведь надо… Извините, мне пора. Будут новости — отзвонюсь. Ну и вы нас не забывайте.

— Погодите! Мне сообщать капитану?

— О чем?

— Про ублюдка!

— Не беспокойтесь. Я сам все передам. И ссылку перешлю. До свиданья!

Гудки.

Некоторое время Золотарь сидел, глядя в окно. Ночь, улица. Фонарь. Аптеки нет, зато есть «Second hand». Хорошо бы выпить. В такой ситуации герой всегда пьет. Виски, коньяк; текилу. Ром и кальвадос. В баре нашлась початая бутылка водки, куда для аромата были добавлены корочки лимона. Сойдет, мы не герои.

Мы так, погулять вышли…

Он выпил пятьдесят грамм, поморщился и зашлепал на кухню. Мысль о яичнице была очень привлекательной. В холодильнике есть кусок сала. И лук. Готовя еду, он вслушивался, не зазвонит ли телефон. Пусть это будет бывшая. Пусть она скажет, что с Антошкой все в порядке.

Никто не позвонил.

ДЕНЬ ВТОРОЙ
ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ ГОЛОВУ НАЗАД

1

«…Эльдар и Берендил сошлись в центре арены. Их мечи уперлись друг в друга напружиненными лезвиями. Взгляд первого уткнулся в глаза второго, а затем Эльдар вышел из трудного положения прыжком через голову назад. Юноша чуть не упал, но успел отразить клинок, намеченный в шею. Мечи закружились в причудливом танце, который так восхитил пьяного менестреля, что он вскочил с насиженного места…»

Как будем спасать «напружиненные лезвия»? Написать без затей: их мечи скрестились? Автор заругается. Скажет: примитивно. Для Берроуза, значит, не примитивно. Для Муркока, для Вальтера Скотта… Нет, у Скотта иначе:

— А копья скрестились и застили свет,
Но путь себе граф прорубает мечом…

Ладно, сделаю художественный образ: «Их мечи скрестились, упруго подрагивая.» Гению понравится. Ему по душе эротические аллюзии. А что взгляды мечей, один из которых уткнулся? Тоже скрестились? Нельзя, тавтология. Ну, допустим, взгляды встретились. Мечи скрестились, взгляды встретились…

И разошлись, как в море корабли.

С прыжком через голову назад все ясно — обратное сальто. Если угодно — ловкое обратное сальто. Потрясающе ловкое, энергичное, самое обратное в мире сальто. Каждому существительному — по три прилагательных. Во-первых, это красиво…

Телефон громко запротестовал.

— Да! Слушаю!

— Саша! Антончик очнулся!

Раньше я готов был убить бывшую за «Антончика». Слышать не мог. Бесился, так раздражало. А сейчас — ей-богу, расцеловал бы.

— Как он?

— Доктор говорит, выкарабкается. Сашенька, я всю ночь не спала, молилась… Это знак. Я сердцем чую, это знак нам с тобой. Мы неправильно живем. Нет, ты не подумай, я тебя назад все

равно не приму. Я о другом. Нам надо пересмотреть все, абсолютно все…

— К Антошке пускают?

— …все ценности. Они ложные. В них нет спасения…

— Пускают или нет?!

— Пока нет. Можешь не ездить. Я же понимаю, ты занят… Все, что надо, я принесла. Лекарства купила, кефир, санитарке дала десятку, чтоб ухаживала. Представляешь, она еще и фыркнула! Что мне, мол, ваша десятка! Я с нее не разбогатею… А сколько надо было дать? Как ты думаешь?

Бывшая тарахтела, как швейная машинка. Я не слушал ее. Антошка выкарабкается. Остальное не имело значения. В такие минуты веришь чему угодно. Доктор сказал, доктор знает, что говорит. Она молилась, а я, сволочь, водку пил. И совесть за глотку — цап…

— …надо бежать. Я тебе позже перезвоню.

— Если вдруг пустят, поцелуй за меня Антошку. Я…

— …опаздываю! Эта Лямцер — ты ее помнишь? — такая вредная…

— …постараюсь заехать…

Отбой.

За окном лежал снег. На крышах гаражей, ветках деревьев, на дешевеньких «аттракционах» детской площадки. Двор-патриций закутался в белую тогу. Лохматый барбос, дурея, кувыркался в сугробе. Сосед с третьего этажа прогревал свою «Волгу». Оба старенькие, и сосед, и машина…

Жизнь продолжалась.

«Мечи закружились в причудливом танце…» Чего я придираюсь? Ну, закружились. Ворчун ты, Золотарь. Канцелярская крыса. Выворачиваешь гениям руки, бьешь по темечку учебником грамматики. А они уходят из трудного положения прыжком через голову назад. Тебе за это еще и платят…

…выворачиваешь руки… по темечку…

Номер телефона, выписанный мне по рецепту, сам лег под пальцы. Не то чтобы я не доверял обещанию Чистильщикова. Доверяй, но проверяй, как говорила моя бабушка.

— Капитан Заусенец! — бодро отрапортовали с той стороны.

— Доброе утро. Это Золотаренко. Помните? У меня сын…

— Помню. Только коротко, у меня мало времени.

Хорек был чертовски неприветлив.

— Я вчера… нашел… — мямлил я, теряя нить разговора. — Антону угрожали! На форуме… К вам я не дозвонился.

— Я был на совещании.

— Чистильщиков обещал вам передать. Он забыл, да?

— Мне все передали. Не беспокойтесь.

— Ну и что?

— Ничего. Если вы понадобитесь, я вас вызову. До свидания.

— Погодите! Вы выяснили личность…

Хорек сбежал. Ладно, пойдем в обход.

— Алло! Вадим Петрович? Это Золотаренко.

— Здравствуйте, Александр Игоревич, — рокотнул в трубке бас ассенизатора. — Вы извините, я сейчас очень занят. Я вам перезвоню минут через десять.

И я остался наедине с Эльдаром и Берендилом.

«Отшагнув правой ногой достаточно далеко и вытянув назад левую руку, Эльдар коротко, несильно — но быстро уколол соперника в правое бедро, защищать которое латной перчаткой на левой руке было не слишком, скажем так, удобно, а больше, по сути, нечем. Сперва он хотел попробовать дотянуться до внутренней стороны левого бедра, где можно нанести, если знать анатомию, гораздо более опасные для жизни повреждения кровеносной системы организма…»

Вот это я ненавидел больше всего. Зуб даю, описание поединка гений утянул с какого-нибудь оружейного форума. И трясся над каждым словом, как Сирано де Бержерак над «Агриппиной». Сразу вспоминается знаменитое:

«Я протестую при мысли, что изменит он одну хотя бы запятую…»

Звонок.

— Да!

— Это я, — Чистильщиков был краток. — Мы проверили вашего ублюдка, Александр Игоревич. Стопроцентное алиби. Студент из Новосибирска. С сентября никуда из города не выезжал.

— Это точно?

— Без вариантов. Дурак, но безобидный. Если не считать всякой байды на форумах…

— Он мог к кому-то обратиться! Нанять…

— Киллера? Банду отморозков? Вы — взрослый человек, Александр Игоревич. Разумный человек. Вы не хуже меня понимаете: никого ублюдок не нанимал. И в Харьков тайком не ездил. Здесь другое…

— Совпадение? Сдуру брякнул на форуме, а тут какие-то гопники — руки, голова…

— Это не телефонный разговор, — вдруг сказал Чистильщиков. Голос его потускнел, утратил глубину. Я слушал запись: старую, магнитофонную, с осыпающейся ленты. —

Давайте так. Я тут кое-что пробью до упора. И свяжусь с вами. Нам надо поговорить.

Он помолчал и добавил:

— Кажется, вы мне подходите.

Это было похлеще, чем прыжок через голову назад.

2

С минуту Золотарь тупо глядел перед собой. Очнувшись, с брезгливой злостью ткнул пальцем в кнопку «Off» — словно клопа раздавил. Он изо всех сил старался убедить себя, что и знать не желает, для чего он «подходит» Чистильщикову. Левое веко нервно дергалось.

Экран монитора.

Черные буквы-букашки.

Они разбегались по накрахмаленной простыне, не желая складываться в «напружиненные мечи». Через четверть часа Золотарь в сердцах плюнул. Вытер дисплей носовым платком и опять взялся за телефон.

Длинные гудки тоскливо ползли в никуда. Их караван, качая горбами, исчезал в недрах телефонной сети. Капитан Заусенец трубку брать не желал. Категорически. Закипая, Золотарь перенабрал номер. Представилось идиотическое: хорек, весь в черном, копируя агента из фильма «Матрица», уклоняется от бьющих в него вызовов.

Еще одна попытка.

В ответ квартира взорвалась отчаянной трелью. Не телефон — дверной звонок. Золотарь кинулся в коридор, надеясь, что это явился злополучный капитан.

— Кто там?

— Золотаренко? Налоговая милиция!

Глазок зажали ладонью. Ничего не разобрать. В животе закопошился мерзкий холодок. Что, брат? Не подал декларацию за прошлый год? Собрать справки по издательствам — та еще морока. Время терпело — до конца марта. Какого черта? Изменили сроки подачи?!

Автоматным затвором лязгнул замок.

— Уклоняемся, гражданин?

— Я не…

— Купился! Купился, лопух!

В прихожую, хохоча, как бешеная гиена, ввалился Кот — Костя Семенюк, бывший одноклассник. Разя перегаром, он стал хлопать «лопуха» по плечам: с маху, от души. Будто задался

целью выбить всю пыль, скопившуюся за годы бумажной работы. Как при этом Кот ухитрялся не уронить сумку, откуда выглядывала бутылка «Прайма», оставалось загадкой.

Бутылок Семенюк не ронял никогда.

— Сдрейфил? Усрался? Не боись, старик — отмажем! Адвокат я, или где? Давай, шевели копытами! За стол! Накатим по маленькой…

— У меня работа…

— У всех работа!

— Мне редактуру…

— Всем редактуру! Что ты ломаешься, как целка?

Слабые попытки сопротивления были пресечены в зародыше. Если Семенюк с таким же напором выступает в суде… В школе оба слыли хулиганами — стреляли из «воздушки» голубей и подкладывали на тротуар картонную коробку с кирпичом внутри.

Пнёшь — детям радость.

Опомнившись, Золотарь с удивлением обнаружил, что сидит за столом на кухне. В руке — рюмка, на столе — нарезка салями, ржаной хлеб и банка огурцов. Набор «Выпей сам», мечта холостяка.

— Со свиданьицем! Будьмо!

Семенюк дернул кадыком, заглатывая водку, и смачно захрустел огурчиком.

— Чё поделываешь? Буквари правишь?

— Я учебниками не занимаюсь.

— Темнота! Букварь — это книга. На фене. Понял?

— Ты юрист или бандит?

— С кем поведешься, с тем и наберешься! — беззаботно отмахнулся Кот. — Тяпнем по второй, а? За бог с нами и хрен с ними!

«Ну и напьюсь. И ладно,» — с ухарской обреченностью подумал Золотарь, закусывая кружком колбасы.

— На жизнь хватает? С редакторских-то дел?

— Не жалуюсь.

— А мне не хватает, — Кот пригорюнился. — Полста штук зелени надо. Чтоб судьей стать. Хочу — судьей!

— Зачем, ваша честь?

— Судья — это круто! Знаешь, какие дела можно ворочать? Главное — вступительный взнос наскрести.

— Ты б меньше квасил! — вдруг озлился Золотарь. — День на дворе, а ты уже хорош.

— Сегодня — можно! Старик, я дело выиграл! Такое дело, что… Наливай!

Только сейчас Золотарь обратил внимание, что гость облачен

в шикарный костюм. На шее, сбившись набок, болтался «осиной» расцветки галстук. Стрижка «ёжиком» и пунцовая физиономия делали Кота похожим на «братка», принарядившегося на корешову свадьбу.

— …вчера шеф день рожденья справлял. Натрескались, ясен пень, так, что сила морская! В хлам. А у меня процесс — клиента по хозделу отмазываю. С утра, прикинь! Встаю — бодунище, мама не горюй! Ну, там, умылся, «алказельтцером» закинулся… Как в скафандр влез, не помню — и в суд. Сижу, ни хрена не соображаю! Что за дела, чего мой клиент нарулил — нет, ты понял? Ва-аще. По нулям. В бумаги сунулся — строчки плывут. Наливай! Шоб наша доля нас не цуралась!

Уестествив очередную стопку, Кот шумно выдохнул.

— Короче, вышел, рот открыл — и тут меня пробило! Всё, чему в юрке учили. Поперло! Термины-шмермины — как из рога! Такую пургу несу, что на уши не натянешь. А остановиться не могу. Гляжу — все слушают, типа кивают… А меня на ржач пробивает. Хоть пасть затыкай. Ладно, закончил. Типа клиент всегда прав. И что ты думаешь? Оправдали! По всем статьям! Выхожу покурить, а рядом судья дымит. Ну, смеется, Костян, ты дал копоти! И давалкой обзывается…

— Поздравляю!

— Будьмо! Старик, если что — обращайся. Разрулим в лучшем виде! Я ж вижу, смурной ты. Проблемы? У меня глаз, понял? Давай, колись! Будем решать твои проблемы…

3

…зачем я ему все это рассказываю?

Кот — нормальный мужик. В целом. Но чем он мне поможет? Посочувствует, наобещает сто коробов — и через пять минут забудет. Тефтель ты, Золотарь, правильно бабушка говорила. Распустил нюни — и язык за компанию. Всегда было интересно, что это за «нюни»? Слюни — понятно, сопли — тоже… Надо будет у Даля посмотреть. Или у Ожегова.

О чем ты думаешь, придурок?!

А Кот слушает. Не перебивает. Даже рюмку отставил. Кивает: типа, валяй дальше. Сеанс психотерапии! «Вы хотите об этом поговорить?»

Да, хочу!

— Проблему понял. Менты, ясен пень, палец о палец. Так?

— Не знаю. Капитан мне телефон дал…

— Ну?

— Не дозвонишься. Трубку не берет.

— Из какого он отделения?

— Я не спросил…

— Удостоверение хоть показал?

— Показал.

— Фамилия?

— Заусенец.

— Ни хрена себе фамилия. Хуже твоей.

— Кот, блин!

— Не кипятись. Телефон, фамилия, звание есть. Если что, вычислим. Без проблем.

— Если — что?

— Если понадобится. Не раскисай, старик. Выпьем за твоего Тоху! Пусть оклемывается пацан…

Странный все-таки обычай: пить отраву за здоровье. Но пьешь — и веришь: сбудется. Выздоравливай, Антошка… Кот, словно подслушав, лукаво жмурится, сует в рот сигарету. Чиркает зажигалкой. Прячется в облако табачного дыма — одна чеширская ухмылка светит во мгле. Черт, теперь в прокуренной квартире спать! А, пускай. Не требовать же от Семенюка, чтоб он курил на балконе?

— Менты — ментами, а я твое дело тоже пробью.

«По своим трубам!» — чуть не брякнул я.

— Подозреваемый есть? Менты сказали?

— Я его сам нашел. Через сеть.

— Хакеришь?

— Иди ты! Пошерстил в интернете — и набрел.

— Чё за крендель? Ментам сообщил?

— Какой-то урод из Новосибирска. Ник — ublu_doc. Молодой, да ранний. Антошке угрожал: руки переломаю, голову пробью. Так и случилось. В точности. А капитан, зараза, трубку не берет.

— Ублюдок? Клевое погоняло! Адрес, фамилия?

— Не в курсе. Страницу с угрозами сохранил. Ссылки, профиль этого подонка… Да, главное: у него алиби. Из города не выезжал…

— Откуда малява?

— Сорока на хвосте принесла.

Не рассказывать же ему о Чистильщикове?

Кот, задумавшись, мнет «бычок» в блюдце с остатками салями. Хмурится, кривит губы. Голову рукой подпер — не держится голова. Роденовский Мыслитель после литры мозгового допинга! Встрепенувшись, он хватает бутылку. В рюмки Кот попадает с трудом.

— За успех нашего безнадежного дела!

Водка клокочет в глотке, словно Кот решил прополоскать горло. Сила воли у него железная: сдавшись, водка обреченно ухает в желудок. На лице Семенюка проступает удовлетворение: врешь, не возьмешь! Есть еще порох в пороховницах!

— Вот… флэшка…

Кот пытается извлечь флэшку из кармана брюк. Корячится, пыхтит. И начинает валиться набок. Подхватить его я не успеваю. Вялой жабой он плюхается на паркет. Лежит. Булькает.

Смеется.

— Жив?

— Все зашибись, старик… я тут отдохну… а ты на флэшку… сбрось… Ну это… Муйню с инета, про козла. Ну, ты понял…

В руке его обнаруживается связка ключей. Вместо брелока прицеплена флэшка в кожаном чехольчике.

— Сейчас сброшу. Давай, подниму.

— Не-а! Я полежу. А ты иди…

Бреду к компьютеру. На экране крутится скринсейвер — лабиринты старючего «Вольфа». С пятого раза удается попасть флэшкой в разъем USB-порта. Так, страница, ссылки… Набиваю комментарий: «*Antique — сетевой псевдоним Антона Золотарева, пострадавшего. Ublu_doc — сетевой псевдоним подозреваемого*.» User info ублюдка…

Все, порядок.

Кота я обнаруживаю за столом. Видать, отлежался. Он сосредоточенно разливает остатки «Прайма». К счастью, по рюмкам.

— А тебе не хватит?

— Мне? В самый раз. Счас допьем, возьмем еще пузырь — и по бабам! Давай флэшку. Записал? Молоток! У меня кореш в Новосибе есть. Клиент. Бывший. Крутой бандюган! Он мне по жизни должен. Я его от червонца отмазал. С кунфу… с кунфискацией. Он так и сказал: Костян, за мной не заржавеет! Разобраться там с кем, долг выбить — кидай маляву! Вот я ему и маякну. Его пацаны твоего мухомора на раз вычислят!

Врешь, Котяра. Нет у тебя никакого кореша из Новосибирска. Нет «крутого бандюгана». Если ты работаешь по хозделам местного значения… Адвокат? — так, авокадо. Вот и хочется иногда побыть звездой. Советником Аль Капоне.

— Алиби-шмалиби… Приставят волыну к бестолковке — расколется. Обосрется и расколется. Я тебе говорю! Ты мне веришь, старик?

— Верю. А вдруг это и правда не он?

— Чё, обделался? Не боись, брат. Я корешу маякну, пусть они аккуратно. Если не он, мочить не станут. А если он… Чего

изволите? Ручонки обломать? Дырку в башке? Можно еще паяльник в жопу… Пацаны его из-под земли…

Кот стервенел, тряс опустевшей бутылкой, грозя расколотить рюмку. Редкие капли падали на скатерть. В итоге Кот сунул бутылку под стол и вперил в меня мутный взгляд.

Зомби из фильма Джорджа Ромеро.

— Из-под земли! Знаешь, какие там пацаны? Мафия! Все схвачено…

Ну да, «у нас все схвачено, за все заплачено». Сейчас выяснится, что наш корешок — крестный отец новосибирской «Коза Ностра», глава синедриона хакеров, резидент ЦРУ, «Моссада» и «Газпрома», а заодно борец с жидопришельцами!

И все-таки, черт возьми… Как же хотелось поверить! Обычно говорят: увидел, словно наяву. А я вдруг увидел, словно на экране. Сижу у монитора, а мне ролик крутят. Простенький, ютубовский, черно-белый. Прямоугольник мелкого окошка, и в нем ломают ублюдка. Ублюдок валяется в луже, и его, значит — каблуками. Не торопясь.

Пальцы.

Запястья.

Локти.

Его ломают, а я смотрю. Рядом Антошка сидит. Здоровый, веселый. Молчит, правда. И пахнет от него… Больницей, что ли? Стариковский запах, кислый. Нет, это не от него. Это мне Кот огурец сует, надкусанный.

— Все понял, Кот. Из-под земли достанут, паяльник вставят и в землю закопают. А мне счет выставят, за услуги. По сицилийскому прейскуранту.

— Какой счет? Все бесплатно! Он мне должен па-жиз-ни! Нет, ты понял? Па-жиз-ни! Мне. Должен! А ты — мой дружбан. Значит, и тебе должен. Логика! Я в юрке учил — ло-ги-ка! Шмогика! Все даром! На халяву, плиз! И никто не уйдет!

— Почему никто? Уйдет, как миленький… Я такси вызову. Поедешь домой, баиньки. Развезло тебя, Котяра, не по-детски…

— Меня? Развезло?! Ты гонишь, старик! Мы идем по бабам!

Спорить с пьяным Котом бесполезно. Надо соглашаться, и все делать тихой сапой. Тогда получится. А иначе упрется и начнет куролесить. И «мало не покажется никому!», как обещал рекламный слоган какого-то «мясного боевика».

— Хорошо, идем по бабам. Только не идем, а едем. На тачке.

— Вот за что я тебя люблю, Золотарь…

На мое счастье, такси нашлось возле самого подъезда.

— Шеф, свободен?

— Ну? — двусмысленно буркнул дремавший за рулем

водила, амбал с бычьей шеей. — Куда ехать?

— На проспект Правды. Отвезешь этого деятеля.

Я указал на обнявшего дерево Кота.

— А не блеванет? — засомневался водила.

— Да ты что, шеф! Он же адвокат!

— А-а… Ладно. Сажай адвоката.

Странный аргумент произвел на водилу неизгладимое впечатление. Он сразу проснулся, расцвел и, ухмыляясь, замурлыкал на все лады: «Сажай адвоката!.. адвоката сажай…» Зато Кот на свежем воздухе, напротив, увял и покорно дал загрузить свою тушку на заднее сиденье. Даже номер дома пробормотал.

— Счастливо!

Как там пел Сличенко? Ехали на тройке с бубенцами…

4

…Mozilla Firefox… Bookmarks… Antique's Journal… Enter! Friends…

МВД запретит псевдонимы?
(17 comments)
СУП маздай! Куды податься? :(((
(97 comments)
(no subject)
(3 comments)
Флешмоб
(11 comments)
С Днем Рожденья!!!!!!! :-)
(21 comments)
ацкий отжыг на башроге (сцылко внутре)
(42 comments)
лытдыбр
(0 comments)
Френды! Antique в больнице!!! :-(((
(25 comments)
Enter!

Read comments:

Chainik: *Френды! Antique в больнице!!! :-(((Какая-то гопота избила до полусмерти.*

Foma: *Это точно? Откуда инфа?*

Chainik: *Точно. :-(Инфа из первых рук. Был в реанимации,*

вроде сегодня в общую должны перевести. Я к нему собираюсь.

singularity_sky: *позвони когда соберешся, я стобой.*

cyber_jack: *блин уроды! их хоть нашли тех козлов?*

Chainik: *Не знаю.*

Matilda: *Ужас какой! Он жив? Что с ним?*

Chainik: *Жив. Вроде, сотрясение и два переловма. Обе руки. Навещу — отпишусь подробней. Если в палату пустят.*

Matilda: *Ты там привет от нас всех передавай. Пусть скорее поправляется!*

Chainik: *Передам обязательно.*

less_nick: *Блин, все с завтрашнего дня начинаю с собой ствол носить! Гопота достала! Сунутся буду мочить!*

Vovchik: *+1!*

Dubar': *как бы теба смого из твоего ствола не замочили. гы >:-E*

Dubar': *ваш антик сам норвался. а нефик было звиздеть в сети нипаделу! дозвизделса! гы!*

Foma: *Дубарь, ты чмо! Человек в реанимации, а ты радуешься, урод. :(Гляди, сам дозвездишься…*

Deleted post

Deleted post

Deleted post

Chainik: *Юзер Dubar' забанен нах, ибо урод и достал!*

Vovchik: *+1! Я его тоже забанил.*

jaguar: *На оружейном форуме какой-то ublu_doc на Антика гонит! Мол это он Антоху отметелил. Айда вломим гаду!*

less_nick: *Если не брешет, ему надо в реале вломить. Кто берется его IP вычислить?*

Foma: *Сейчас гляну…*

Dr_Frankenstein: *Вы бы, хохлы, со своими нациками лучше разобрались. Школы русские позакрывали, протоукры? Фильмы дублируете? Вот и не удивляйтесь теперь…*

Foma: *Доктор, иди лесом…*

Bookmarks. «Оружейный форум». Темы… «Общий треп»…

«Один нарвался».

Enter!

ublu_doc: *Один нарвался! некто чайник в своей голимой ЖЖшке написал что антика который тут в соседней теме выебывался круто отмудохали. так обсосу и надо! гы! Убили ап стену жаль не до конца :)*

Seamus: *А ты чего радуешься?*

ublu_doc: *патамучта! :) он со мной пиписьками всдумал*

мерятца вот типо и померялсо :) я ему абищал ручки-то пообломать и головенку тупую отрехтовать. вот и отрехтовал :)

morpeh: *Хочешь сказать, это ты его отметелил?*

ublu_doc: *типо тово :)*

Seamus: *Нашел, чем хвастаться… :-(*

morpeh: **заинтересованно* Как дело было? по-честному, один на один?*

ublu_doc: *А то!*

jaguar: *Да брешет он все! Небось гопу подонков подговорил а сам за углом прятался.*

ublu_doc: *это ты и твой антик сыкуны. пацан сказал пацан сделал! выпей йаду и иди дрыстать в сортир, гы!*

Foma: *В сети все смелые, ублюдок. Интересно на тебя в реале посмотреть. Небось, сопля на палочке. От каждого чиха под подушку прячешься.*

morpeh: *да бросьте! маленький сраный ублюдок свое эго подправляет… Это худшее что осталось от кащенитов. Банить их. а если таким лицо править — так они ж в милицию побегут, и вы еще и виноватый будете. Не обращайте внимание. они тогда злятся, надуваются и лопаются. мать-природа в таких механизм самоуничтожения встроила…*

Dr_Frankenstein: *Вы бы, хохлы, со своими нациками лучше разобрались. Школы русские позакрывали, протоукры? Фильмы дублируете?*

Dexter: *Забаньте наконец кто-нибудь этого долборобота DrFrankenstein! Куда не сунусь везде он хохлосрач разводит. Модер, ау!*

ublu_doc: *кто сомниваццо может проверить. забиваем стрелку и смотрим кто придет а кто зассыт! тока потом не абижаццо если репу отрехтую!*

Вход в форум.

Password… login…

«Автоматический ввод данных пользователя».

Enter!

«Добро пожаловать на форум, пользователь Antique!»

Antique: *Пиздец тебе, Ублюдок! Думал не встану? Не вычислю? Ты в моем ЖЖ под ником Dubar' сидишь. Говно из Новосиба. Твой адрес в реале уже пробивают по ментовской базе. Кота знаешь? Его корешок, твой земляк, тебя уже заказал. А Кот зря воздух не гоняет. Понял? Жди падла. Недолго осталось.*

Золотарь долго надеялся на ответ.

Зря.

Галдели все. Кроме *ublu_doc*.

5

— Саша! О Господи… это просто ужас, Саша…

— Что случилось?

— Следователь!.. Антончик!..

— Что с Антошкой?!

— Это мне наказание!.. я знаю…

Бывшая истерила. В трубке заполошно бились рыдания. Казалось, там поселилось сердце спринтера. За миг до этого я стоял на кухне, заваривая чай. Трубку пришлось зажать между ухом и правым плечом. Едва голос бывшей запульсировал в мембране, я пролил кипяток себе на пальцы.

Бабушка говорила, надо сразу помочиться на ожог.

Извини, бабушка — потом.

— Антон жив?

— Ж-жи-и… в-в-в…

Отпустило. Я открыл кран и сунул руку под холодную воду. Ч-черт, какой-то час проспал, и отрезало. Работать не могу, ничего не могу. Голова трещит, до ночи — уйма времени.

— С ним плохо? Ухудшение?

— С ним все-е… все норма-а-а…

Нет, не сдержался. Выплеснул:

— Дура! До инфаркта доведешь, идиотка!

И тоном ниже, браня себя за срыв:

— Говори толком, что произошло!

— Сле… следователь…

— Что следователь? Вызывал тебя?

— Не-е…

— Допрашивал Антона? Давил на него?

— Нет, не дави-и…

— Так что ты меня дергаешь?

В ответ — хриплый, мучительный вопль:

— Саша! Они хотят закрыть дело!

Сперва я не понял. Антон жив, с ним все нормально. Кто они? Какое дело? Какое мне дело до их дел? Дурацкий каламбур. Дурацкая привычка играть словами. Ну и пусть они хотят…

Дошло. Вошло иглой в висок.

— Как закрыть?!

— Совсе-е… всем…

— Они не имеют права! Это разбойное нападение…

— Следователь… говорит…

— Что?!

— Не нападение… Говорит, Антончик сам…

А вот тут я все понял сразу. Сволочь ты, капитан Заусенец. Хорек драный. Решил избавиться от «глухаря»? Навару никакого, одна беготня. У новосибирского ублюдка алиби, у родителей потерпевшего нет мохнатой лапы. И в клюве не несут. Сел ты, Заусенец, выпил пива и подумал: не соскочить ли мне с гнилого базара?

— Сам сломал себе руки? Сам размозжил голову?!

— Да-а…

— Чушь! Бред!

— Он говорит: свидетели… есть, говорит…

— Нет у него никаких свидетелей! Быть не может!

— Показания…

— Вранье!

— Саша, я не знаю, что делать… нас прокляли, Саша…

Плач сменился гудками. Сердце спринтера остановилось. Зеленый червячок на экране вытянулся в прямую, мертвую линию. Все. Конец — делу венец. Антон сам себя измордовал. Высек, как унтер-офицерская вдова. Капитан подвел черту. Надо напиться в стельку и плакаться луне.

Или радоваться, что парень остался в живых.

Я заметался по квартире. Эй, Чернышевский? Что делать?! Случайно пнул стойку с аудиодисками — музыка разлетелась по полу. Govi, Камбурова, Лорд… Треснул пластик коробки Saint-Preux. Мой любимый альбом, «The last opera phytandros».

Где мобильник?

Капитан не отвечал. По обоим номерам, скотина. Позвонить Чистильщикову? Глупо. Господин ассенизатор, спустите хорька, это дерьмо, в канализацию… Задним числом я обругал себя, что ничего не выяснил про Заусенца. Набрать ноль-два? Черт, теперь это один-ноль-два…

И что я им скажу?

«Здравствуйте, я ищу вашего капитана! Он хочет закрыть дело…»

Рядом есть РОВД. Надо бежать туда. Найти дежурного, прорваться к начальству. Взять за душу — живьем, непременно живьем. Все, все расскажут — из какой норы вылез хорек, где его ловить… Напишу заявление. Бумаге обязаны дать ход. Псих, оккупировавший меня, жаждал действий. Бежать, кричать, требовать. Стучать кулаком по столу. Умом я знал, что это так, отдушина. Ничего, скорее всего, я не добьюсь.

Пар спущу, и ладно.

На улице буянил ветер. Совался в каждую щель, требовал немедленной любви. Так возвращается домой загулявший кот. Легкий морозец подсушил асфальт. Мамаши проветривали чад — деятельных, суровых в своей жажде познания мира. У салона красоты курили парикмахерши, все как одна блондинки. Торговали водой — к автоцистерне выстроилась очередь с пластиковыми бутылями. Брали столько, что за один раз не унести.

Моются они в газировке, что ли?

Я решил срезать путь. Дворами ближе. У «Холл-Парфюм» сворачиваем в подворотню, и насквозь — гаражи, помойка, новенькая высотка с супермаркетом на первом этаже… Я настолько ясно представил грядущий путь, я так хотел содрать с хорька шкуру, что не сразу сообразил: это случилось здесь.

Да, здесь.

Ноги остановились раньше, чем разум отдал приказ. Та самая подворотня. Тут били Антошку. Со спины, обрезком трубы или резиновой дубинкой. Топтали руки бесчувственного. Глумились. Передавали привет: это, мол, тебе от ублюдка. Знаешь такого? С нижним подчеркиванием?

У которого не алиби — цитадель.

Серый, щербатый бетон. Круглится свод над головой — давит, хоронит. Колдобины под ногами. Длинная лужа от края до края. Оступись, и ботинки полны воды. Железная дверь в стене ведет в никуда. Она заперта от сотворения мира. Ее не открывали, боясь выпустить мировое зло. Впереди свет в конце туннеля — двор, стылый песок, подъем к гаражам…

Промочив ноги, трогая стены озябшими пальцами, я бродил по подворотне. Туда-сюда. Чудилось — вот-вот, и я найду. Отыщу причину, зацепку, вескую улику. Швырну ее в остренькую морду Заусенца. Никуда не денется, станет искать, как миленький.

Землю будет носом рыть.

— Эй, мужик… не надо, мужик…

Первым явился запах. От бомжей, знаете ли, пахнет. Потом я услышал шарканье. Не стоялось ему на месте. Все топтался на краю света и тьмы, ерзал, шлепал подошвами. Зрение пришло к финишу последним, отметив — ерунда. Ничего особенного. Одежонка с чужого плеча. Вязаная шапочка натянута на уши. Моего роста, коренастый, испитой.

С виду — не опасный.

В романах, которые мне доводилось редактировать, бомж обязательно был бы посланцем главзлыдня. Замаскированным ниндзя из школы Топинамбу-рю. Его прислали убрать Золотаря. При помощи дедуктивного метода Золотарь собирался разрушить

ублюдочное алиби. Вот, значит, встретились на узкой дорожке.

Знаю ли я приемы смертоносной школы барит-су?

— Что тебе? Закурить?

— Не надо, мужик…

В руке бомж держал клеенчатую суму. Собирал дань в мусорных баках. Помнится, летом предложили их ароматной компании вскопать клумбу во дворе. За деньги. Отказались, работнички.

— Чего не надо?

— Убиваться… Че тебе, жить надоело?

— Что ты городишь?

— Ага, городишь… тут один такой ходил-ходил…

— Ну?

— …и раз — башкой о стенку…

Я смотрел на него, чувствуя, как превращаюсь в кусок льда. Из таких складывают слово «вечность», а получается слово «жопа».

— Кто? Ты его видел?

— Парнишка. С виду приличный. Слышь, мужик, ты тут про курево…

Когда я шагнул к бомжу, он попятился.

6

— Я тебе пачку сигарет куплю. Три пачки. Блок! Ты про парнишку…

— Ментура? — с недоверием спросил бомж.

Он смотрел на Золотаря, подслеповато моргая. Красные, как у кроля, глазки. Белесые ресницы. Бомжу дико хотелось курить. Аж уши пухли. Но и бежать отсюда сломя голову ему хотелось не меньше. Ладно, если ментура. С ментами он уже имел счастье общаться.

А если псих?

— Не похож ты на мента, мужик. Точно курево возьмешь?

— Точно.

— Поклянись. Мамой клянись.

— Иди ты к черту. Сказал, возьму, значит, возьму. Так что парнишка?

— А я уже рассказывал. Вашим.

— Кому?

— Мелкий такой. На пацюка смахивает…

— Капитан?

— А хер его знает. Может, и капитан.

— Ну?

— Чего ну? Говорю, парнишка. В куртке. Я от «Вопака» спускаюсь, а он тут. Шур-шур, шур-шур, как ты. Наружу не идет, все здесь ходит. В подворотне. Чистый парень, справный. Студент. И вдруг башкой об стенку — хлобысь!

— Сам?

— Ага. Главное, не лбом, а криво как-то. Боком, что ли? Без разбега. И еще раз. Во, думаю, мать моя женщина. Пошли к киоску, мужик. Ты мне курева возьмешь, я дальше расскажу.

— Так рассказывай. К киоску — потом.

Монитор. Черно-белый ютубовский ролик. Безумный акробат Антон Золотаренко делает прыжок через голову назад. Выходя из трудного положения. Мечи закружились в причудливом танце… И рядом нет редактора. Заботливого, как отец. Спасительного, как отец. Чтобы исправил, изменил — нет! — выбросил к чертовой матери этот эпизод. Пусть бранится автор. Если заметит, конечно. Пусть издатель ставит на вид. Пусть хором требуют вернуть обратно.

Только через мой труп.

— Гляди, не обмани. Он башку себе расколотил, а не падает. Стоит, качается. Кровь на плечо течет. Я пересрал, аж в штанах замокрело. Ноги ватные, не идут. Прикинь, а? — башкой! Мать моя… Я психов с детства боюсь. У меня батя псих был, со справкой.

— Дальше!

— Он ко мне пошел. Чап-чап, не по-людски. Глаза такие…

— Какие?

— У меня на ноге язва, во какие. Страшные. Да ты все равно не поймешь, мужик. Я тогда догнал, не жить мне. Если не псих, значит, наркоша. Глюки у него. Щас и меня башкой в бетон. Не, не трогает. Здесь встал, у края. И рукой об угол — тресь! Раз, другой. Хрустело, блин… Эй, мужик, ты чего?

— Я ничего. Я слушаю.

— Глаза у тебя… Язвы, блин. Ты точно не псих?

— Точно. У меня справка есть.

— Ага, шутишь. Короче, он руками бил. Как не по-живому. Каратист хренов. А потом лег. Тихо так, без звука. Лежит, смирный, вроде как пьяный. Только кровь под ухом. Тут меня и отпустило. Я сумку в охапку, и деру. Все, пошли за куревом.

— Пошли.

Случайно или нет, но Золотарь выдал себя. Бомж закашлялся, харкнул желто-зеленой мокротой, согнулся в три погибели — и вдруг, подхватив суму, чесанул прочь. Почуял, что пачкой сигарет — тремя! блоком, мать моя… — дело не обойдется. Поволокут за

шкирку, и добро б в ментуру, а то в темный погреб, где паяльник и кухонный ножик.

Такие уж были глаза у мужика.

Язвы.

Золотарь, не размышляя, кинулся следом. Пружина, сжимавшаяся во время рассказа, бросила тело вперед раньше, чем рассудок задал сакраментальный вопрос: зачем? Тащить гада к Заусенцу? Так хорек явно в курсе. Бить мордой об асфальт? Кричать: «Врешь, паскуда!» Так бомж согласится: вру, мол.

Он с чем хочешь согласится, если мордой…

Все эти мудрые соображения ковыляли за Золотарем, мало-помалу отставая. Осталось одно — страстное желание взять бомжа за грудки. Бессмысленное и беспощадное, как писали классики. Взять, приложить с маху об стенку, а там — будет видно. Врет гад про Антошку, или это вовсе не Антошка, а обдолбанный нарик, или химера, явившаяся бомжу от паленой водки…

Неважно.

Сперва — догнать.

Колченогий, бомж несся призовым рысаком. Из-под драных кроссовок летели брызги и мокрый песок. На лестнице, ведущей к мусорным бакам, Золотарь ухватил было гада за штанину, да споткнулся о железное ребро ступени. Упал, рассадил колено; грязная плюха залепила лицо. Не утираясь, не чувствуя боли, он вскочил. Бесстрастен, бледен, сосредоточен. Автомат с тупой программой. Робот. Лишь грязный мат, принадлежавший, казалось, другому человеку — оператору, ведущему автомат в погоню? — выдавал его состояние.

Единственное пристойное слово:

— Стой!

Бомж обогнул помойку. Сумку он на бегу швырнул молодой дворничихе, похожей на апельсин в своей оранжевой спецухе. Та приняла пас легче, чем баскетболист — мяч от партнера по команде, аккуратно примостила добычу между баками и продолжила шаркать метлой, не интересуясь беготней.

Привыкла.

— Лови! — заорали от распахнутых дверей гаража. — Держи вора!

Бомж прибавил хода.

В груди саднило. Сердце плясало качучу. Дышите, больной. А теперь не дышите. Вы же видите — дышать не получается. Хрипеть — это да. Булькать. Ловить воздух ртом. А дышать — зась, как говорила ваша бабушка, царство старушке небесное. Из последних сил Золотарь наддал, вихрем пролетел вторую,

ведущую к «Аквагалерее», подворотню — и успел заметить, как бомж ныряет в подъезд рядом с огромным котом.

Кот был картонный — реклама.

В подъезде царила темнота. Вонь мочи, сверху несется ругань — кто-то скандалит с женой. Но главное — о счастье! — подъезд не был проходным. Кашляя, держась за бок, Золотарь стал спускаться вниз, по ступенькам, ведущим к открытой двери в подвал. Он знал, что зверь в ловушке.

Он только не знал, что делать с пойманным зверем.

7

Я помнил этот запах.

Так пахло от Антошки — ненастоящего, воображаемого Антошки. Того, кто сидел рядом со мной-пьяным и смотрел ролик, где ломали ублюдка. Кислая огуречная вонь. Стариковское тело. Больничная «утка», застиранная пижама. Что еще? — хлорка…

И рыхлая, жирная земля, какой не бывает в феврале.

В подвале было темно. Щурясь, я различил коридор, ведущий во мрак. В стенах по обе стороны маячили двери — корявые, дощатые. Казалось, раньше здесь располагался аттракцион: комната смеха, коридор зеркал — да вот, повыбили, хулиганье. Заменили мощными досками, завесили амбарными замками.

Возбуждение никуда не делось. Просто отступило, дожидаясь своего часа. Я продвигался по коридору, стараясь не шуметь. Подобрал какую-то железину — ржавую, испачкавшую руки. Тяжесть успокаивала.

Коридор свернул влево. Вправо. И еще раз. С трубы, о которую я походя звезданулся лбом, капало. Одну из дверей взломали. В глубине каморки качалась на проводе лампочка-миньон. Она умирала, но держалась до последнего: светила. Из горы хлама торчало велосипедное колесо. Мятая «восьмерка» от дряхлой «Украины».

Чувствовалось, что взломщики много не поимели.

Вот, новый поворот. Так можно до Новосибирска дойти. В гости к ублюдку. Выйду из мрака, с железиной наголо. За спиной — свора охотничьих крыс. Вон они, шебуршат по углам. Одна вылезла — жирная, гадкая. Хвост глянцевый. Уставилась на меня, прикидывая: нравлюсь или где?

Приручу, натаскаю, обучу кидаться на горло. Я в ответе за тех, кого приручил. Вот и отвечу…

— Эй! Давай поговорим!

Бомж не откликался.

— Не бойся! Просто поговорим…

— Чё те надо? — спросили неподалеку.

— Ты где?

— В Караганде! — тьма зашлась многоголосым гоготом.

Впереди мелькнул свет. Перебравшись через завал гнилых ящиков, я сунул железину под мышку — и шагнул на мерцающий островок. Свет качался, дрожал. Сейчас он исчезнет, и тьма, как море, поглотит все.

Горело бра с расколотым плафоном.

Куда его подключили те трое, что сидели у стены, я не знаю. Старик в вязаной шапке — точно такой, как у моего бомжа — разливал вино в пластиковые стаканчики. Молодой, тощий дылда поминутно сглатывал, дергая кадыком. Обоих я не слишком интересовал. Зато толстенная баба в кожухе, высунув из лохматого ворота голову, бритую наголо, пялилась на меня в упор. Бабий взгляд раздражал — липкий, масляный.

— Это не Ефим, — сказала бабища. — Слышь, Петрович? Это точно не Ефим.

— Ефим, — убежденно ответил старик. — Он мне пиво задолжал.

— Ну и что?

— Ничего. Вот, принес.

На меня он по-прежнему не смотрел. Разлив вино до конца, старик сунул руку в карман длинного, не по размеру, пальто — и достал складной нож.

Я перехватил железину поудобнее.

— Ефим, — с удовлетворением констатировал молодой. — Пришел Ефим, и хрен с ним.

Он громко заржал.

Старик чихнул, открыл нож и стал срезать пластиковую пробку со второй бутыли. Я молчал и разглядывал их. Повернуться и уйти? Спросить, не видели ли они *моего* бомжа? В любом случае, мне уже не хотелось ничего. Ни гнаться, ни спрашивать, ни доказывать.

Это безумие. Никто не рассказывал мне, как Антошка сам калечил себя. Пусть капитан закрывает дело. Пусть бывшая истерит. Лишь бы все были живы-здоровы. Остальное — труха.

— Эй, Ефим? — вдруг спросил молодой. — Ты чего?

Он бросил ржать. Отлепился от стены. Сгорбился, моргая. В лице его, похожем на маску идиота, проступил страх. Точно такой же страх был написан на лице бабы. Даже старик прекратил разлив. Руку с ножом старик спрятал за спину, словно боясь спровоцировать меня.

Раздался щелчок — нож закрылся.

— Ты это… мы ж ничего, мы так…

— Это не Ефим.

— Заткнись, дура.

— Это не Ефим. Бегите.

— Винидло… жалко…

— Бегите!

Они послушались. Миг, и баба осталась одна. Я и не заметил, куда исчезли старик с молодым. Наверное, туда же, где скрылся мой бомж. Баба, ранее сидевшая на корточках, встала, кряхтя, и сделала шаг навстречу.

По ее жуткому, одутловатому лицу текли капли пота.

— Меня бей, — сказала она. — Меня можно. Я ребеночка удавила.

Смотрела она мне за плечо. Туда, где, ухмыляясь, стояла моя тень. Тот Золотарь, что еще недавно несся по двору. Настигал добычу, нырял в кромешный мрак подвала. Подбирал оружие, крался, нюхая спертый воздух…

Страшный.

Злой.

Бессмысленный.

Когда зазвонил мобильник, она не пошевелилась. Осталась на месте, ожидая. «Меня можно…» — кривились отвислые губы. Бра замерцало сильнее. Вокруг бритой головы бабы образовался неприятный, расколотый наверху ореол. Нимб, похожий на рога.

Резко запахло вином.

— Слушаю! — я выхватил трубку, как пистолет. — Кто это?

— Здравствуйте, Александр Игоревич, — рокотнул знакомый бас Чистильщикова. — Говорить в состоянии?

«Нет,» — хотел ответить я.

— Да.

— Нам надо встретиться. Когда вам удобно?

ДЕНЬ ТРЕТИЙ
ГЕРТРУДА, ВЫПЕЙ ЙАДУ

1

Пострадавший — Пилипчук Михаил Николаевич.

1986 г. р., холост; образ. ср. спец. Проживает с матерью по адресу: Театральный переулок, 6, кв. 15. Безработный. Неофициально трудится в бригаде по ремонту квартир; помощник сантехника.

30 декабря 2008 г. госпитализирован с острым приступом диареи. Приступ сопровождался следующими симптомами: колики, боли в животе, тошнота, рвота, понижение температуры и артериального давления. Стул в виде рисового отвара с примесью крови. Слабость, головокружение. Периорбитальный отек, миокардиальная дисфункция, судороги скелетной мускулатуры.

Диагноз: отравление мышьяком.

Виртуальный возбудитель (факт установлен охотником Карлсоном) — комментарии пользователя *semafor* (А. Березина, г. Керчь, учащаяся школы-интерната «Лицей искусств», номинант городской программы поддержки одаренных детей «Керченские жемчужинки-2007») к записи пользователя *mrshmister* (М. Пилипчук) «Хачу тусовацца!» в сообществе *scotobaza*, от 9.12.08:

«ебаный ты папалам. Шлю тебе лучи адской диареи билять.»

«Встреть Новый год на койке.»

Исполнитель — не установлен. Подозрение с матери пострадавшего, Пилипчук Марии Ефремовны, снято по причине отсутствия контакта с компьютером в указанный период. Подозрение с бригадира Галкина и сантехника Пономаренко снято…

Пострадавшая — Ле Тхи Куен.

1990 г. р., гражданка Вьетнама. Студентка ХНАДУ, факультет Мехотроники и транспортных средств (ул. Петровского, 25). Специальность: гибкие компьютеризированные системы и робототехника. Проживала в общежитии № 2 (пер. Студенческий, 4). Знание русского языка: удовлетворительное.

16 ноября 2008 г. была убита в Молодежном парке группой подростков. Они остановили Ле Тхи Куен возле спорткомплекса ХПИ, избили ее и изрезали ножами. От полученных ран девушка скончалась на месте до прибытия машины «Скорой помощи»,

вызванной дежурным спорткомплекса.

Заведено уголовное дело, ведется следствие.

Виртуальный возбудитель (факт установлен охотником Шизой) — запись в ЖЖ пользователя *lapusya* (О. Тягнибок, сокурсница пострадавшей; конфликт на почве общей симпатии к старосте группы Р. Каретникову) от 04.11.08:

«Куен, сдохни, овца паршивая!!! Как же я тебя ненавижу! Тварь!!!! Если сейчас я дала тебе место для раздолье, не думай, что я не убью тебя в скором времени!!! Ты испортила мне жизнь! Сдохни прямо сейчас! Пусть тебя посадят на ножи!!! Путсь топчут ногами!!! Сдохни, мразь, сдохни!! хахаххахахахахах!!»

Исполнители: учащиеся ДЮСШ № 2 (спец. исполн. — самбо и дзюдо). В момент захвата находились в нет-клубе «555» (ул. Сумская, 41). Мотивации поступка искажены. Базовый мотив: «Она нам угрожала. Каратистка, ударила Вовчика…»

Приняты меры по смягчению приговора…

Пострадавшая — Штайнер Гертруда Карловна.

1960 г. р., замужняя, образ. высш. Проживала с мужем и сыном по адресу: пр. Ленина, 42, кв. 8. Ст. преподаватель ХНУ им. Каразина (кафедра истории Украины), доцент. На работе характеризуется в высшей степени положительно.

Скончалась, не приходя в сознание, 26 января 2009 г. в ресторане «Диканька», где праздновала день рождения мужа. В ходе экспертизы было установлено, что для убийства Г. Штайнер использовалось (см. офиц. заключ.) «боевое отравляющее средство, которого нет на вооружении Украинской армии. Яд изготовлен из вещества (см. прилож. 1), произведенного на военно-химическом заводе в городе Шиханы Саратовской области.»

Виртуальный возбудитель (факт установлен охотником Карлсоном) — запись в развлекательно-публицистическом проекте Урод.Ру (тема «Падлюки»), сделанная пользователем *matzuha* (Н. Гуленко, студентка ХНУ, 2-й курс, физфак), от 29.12.08:

«Есть у нас преподша Гертруда сцуко. Ей за палтос наверно уж. Строит киску, несмаря на страшнойе табло. Ей бы наски вязать внукам, а она зверь. Меня завалила сцуконах. Три раза. Препод, выпей йаду!»

Исполнитель: Гаев Сергей Викторович, официант. После исполнения — выборочная амнезия. Деяние — не помнит. Убежден, что в день убийства Г. Штайнер брал отгул в связи с болезнью матери. Каким образом раздобыл отравляющее вещество — не помнит. При попытках давления впадает в спячку.

Проснувшись, факта давления не помнит.

Приняты меры по смягчению приговора…

Пострадавший — Арутюнян Эдуард Ованесович.

1979 г. р., женат, двое детей; образ. высш. Проживает по адресу: ул. Данилевского, 23, кв. 3. Работает младшим экономистом в банке «Меркурий».

9 июня 2008 г. посещал стоматологический кабинет «Жемчуг» (пр. Правды, 12). Предварительная запись на прием — 1 июня, по телефону. Во время лечения пострадавший без его согласия был введен в бессознательное состояние путем применения средства для общей анестезии «Севоран» (произв. «ABBOT Laboratories», США). В дальнейшем ему была проведена энуклеация левого глаза (удаление глазного яблока с пересечением наружных мышц глаза и зрительного нерва). По завершении операции лечащий врач при помощи фиксирующего клея «Фиттидент» сделал попытку закрепления удаленного глазного яблока на ягодице пациента.

Виртуальный возбудитель (факт установлен охотником Уматом) — комментарии в ЖЖ пользователя *memon* (И. Сулицын, г. Москва) к записи «Stormy Weather». Ниже — диалог пользователей *batarey* (Г. Петруня, г. Ростов-на-Дону) и *waterclozet* (Э. Арутюнян) от 28.05.08:

Batarey: *Ну ты и мазохист рогатый! Может тебе насцать на грудь, чтобы морем запахло?*

Waterclozet: *Ищи другого интимного друга в городе Саратове, у меня нормальная традиционная ориентация! А правда, что огней так много золотых у города Саратова, а ты любишь женатого?*

Batarey: *Да ты ещё и пидар гнойный впридачу…*

Waterclozet: *Бедняга! Как ты потускнел и потерялся на форуме среди грамотных и культурных людей. Вот до чего доводит нетрадиционная ориентация!*

Batarey: *Действительно потускнел… Так как не с кем говорить… Гуляй рогатый, пока я тебе грамотно и культурно глаз на жопу натяну. И заставлю моргать!*

Исполнители: доктор Косов Е. А. при содействии медсестры Овчарюк Л. П. В данный момент Косов и Овчарюк находятся в областной клинической психиатрической больнице № 3 (ул. Академика Павлова, 46). Контакт с ними невозможен. Проводятся социовосстановительные мероприятия.

Захват исполнителей произошел предположительно утром 09.06.08, в кабинете «Жемчуг». Медсестра Лишина Б. В. показывает, что перед началом приема исполнители смотрели мюзикл «Кошки», используя для просмотра служебный

компьютер. Сама Лишина фильм смотреть отказалась и читала журнал «Натали»…

2

— А почему вы пишете «пострадавший»? — тупо спросил я.

— А как надо? — заинтересовался Чистильщиков.

Он заваривал чай. Колдовал, священнодействовал. Такой чай грех было пить. Им надо любоваться и до конца дней хвастаться друзьям. Присутствовал, мол. Имел честь.

Жаль, что я такой вульгарный. Мне и в пакетиках сойдет.

С бергамотом.

Мы договорились встретиться у него в офисе. Первый раз я удивился, когда обнаружил по указанному адресу жилой дом. Даже без домофонов на подъездах. Входи, кто хочешь, бери, что хочешь, как говорила моя бабушка. Второй раз я удивился, когда, пыхтя и отдуваясь, взобрался по лестнице на девятый этаж (лифт не работал). Чистильщиков дежурил в дверях самой обычной квартиры. В прихожей он обождал, пока я разденусь, усадил на диван в ближайшей комнате — и без предисловий сунул в руки папку с какими-то отчетами.

Начав читать, я удивился в третий раз.

— Надо писать — «потерпевший».

— Ничего подобного. Извините, Александр Игоревич. Редактор вы, говорят, хороший… Но в этих материях — профан. Потерпевшим в процессуальном смысле лицо становится не автоматически, а только после вынесения следователем, прокурором или судьей постановления о признании гражданина потерпевшим.

— Вы — юрист?

— Нет. Я врач-стоматолог.

— А-а…

— «А-а», — он улыбнулся, — будете говорить отоларингологу. Когда вас попросят показать горло. У нас, зубодеров, кричат. Вот так…

Чистильщиков внезапно рявкнул во всю глотку:

— А-а-а!!!

Задребезжала посуда.

— Добрый доктор Косов — ваш коллега? Тогда понятно…

— Зря иронизируете. Женька Косов — отличный парень. И чудесный специалист. Не его вина, что бедняга Арутюнян остался без глаза. Александр Игоревич, вы ведь все уже поняли, да? Это вы просто ваньку валяете?

Я встал с дивана и подошел к окну. Город с высоты напоминал мутный, подтаявший айсберг. Белое, серое, черное. Суета, копошение. Если в нас врежется «Титаник», еще неизвестно, кто затонет первым.

— Вы хотите сказать…

— Да, хочу.

— Не перебивайте меня, Вадим Петрович. Я — не поклонник фильмов про мировое зло, лезущее в мир из унитаза. Если угодно, из компьютера. Я этого дерьма наредактировался — под завязку. Если вы намерены приплести к вашей городской фэнтези моего Антошку…

— Намерен. Случай с вашим сыном я взял на контроль. Виртуальный возбудитель установлен охотником Золотарём. Надеюсь, вы не в обиде?

— Золотарём меня дразнят со школы. Я привык.

— А я вот все никак не привыкну. Второй год… Эта зараза обучается. Пробует варианты. Казалось бы, есть алгоритм. И вдруг как выкинет коленце…

— Какая зараза?

— Не знаю.

— А кто знает? Академия наук? ЦРУ? Синедрион жидомасонов?

— Никто не знает. Есть куча версий… Я вас позже ознакомлю. Полный спектр, от цифровых пришельцев до Судного дня. Мне не нравится ни одна. Слишком уж они все… Человеческие, что ли? Я практик, Александр Игоревич. Я понимаю так: некий подонок обещает натянуть Арутюняну глаз на… э-э…

— На жопу, — подсказал я. — Не стесняйтесь, Вадим Петрович.

Он кивнул:

— Хорошо. Один пообещал, второй окривел. Один из Ростова, второй из Харькова. Между ними связующее звено — врач Евгений Косов. Для окружающих — психопат, маньяк, доктор Менгеле. Жизнь загублена на раз, мимоходом. Сейчас Женька сидит в дурке и воет. Целый день, с редкими перерывами на сон. Его кормят насильно. А медсестра вяжет шарфы. Бесконечные, нелепые шарфы. Отбери у нее спицы, и она превращается в дикого зверя.

У Чистильщикова задергался рот. Усилием воли он заставил себя продолжить.

— Знаете, каких трудов стоит смягчить приговор этим пацанам из ДЮСШ? Если б у них была хотя бы амнезия… Нет же, все помнят! Как остановили вьетнамку, как били, резали. «А чего она? Она первая…» Защитный блок. Начни ломать — сойдут с

ума. Они ведь славные ребята, в школе на хорошем счету. И ни одна собака не поверит, что это ревнивая дурища Тягнибок пожелала от большого ума…

— Значит, виновата Тягнибок? Просите, и дано будет?

— Тягнибок если и виновата, то в грязном языке. Желать человеку зла — естественно. И социально ненаказуемо. Увы. Желать зла вслух, в магазине или интернете, угрожать, обещать всяческие кары… Александр Игоревич, есть статистика. И приличные средства, выделяемые на конторы типа нашей. Других способов убедить вас у меня нет. Налить вам чайку?

— Налейте.

— С сахаром?

— Без.

— Это правильно. Пить чай правильней, чем уйти, хлопнув дверью. Почему вы не спрашиваете, какой у меня интерес к вам?

— А у вас есть ко мне интерес? Я думал, вам просто не с кем выпить чаю.

— Чаю я и сам выпью. Помните, как вы позвонили мне? И сказали, что нашли форумное сообщение, где ублюдок грозил вашему сыну? Будь я вашим тренером, сказал бы, что вы уложились в рекордный срок. Профессиональный охотник не смог бы быстрее выйти на виртуальный возбудитель. Вы искали по какой-то системе? Знали, где искать?

— Нет. Злой был, как собака.

— Вот-вот. Собака. Это значит — нюх. Теперь я скажу вам самое недостоверное, — он принес мне чашку с чаем, поставив ее на подоконник. — Чаще всего нюх проявляется в окружении пострадавшего. Близкие родственники, друзья, любимая девушка. Не спрашивайте, почему. Я не знаю. И синедрион жидомасонов не знает. Факт, данный нам в ощущении. С окружением пострадавшего в смысле нюха может конкурировать только один человек.

— Кто?

— Исполнитель. Тот, кто воплощал угрозу в жизнь. Но исполнителей, как правило, невозможно привлечь к сотрудничеству. Вы понимаете причину? Редкие, исключительные случаи — не в счет.

— А что, бывало? Исполнитель шел на сотрудничество?

— Бывало, — Чистильщиков отхлебнул чаю. — По России, насколько мне известно, трижды. В Украине и Беларуси — по одному разу. Дважды в Германии. Остальная статистика мне недоступна. Что вы скажете, если я предложу вам простенький тест?

— Кем я был бы во «Властелине колец»? Кем смог бы

подрабатывать во время кризиса? Какого цвета моя аура?

— Что-то вроде. Попробуем?

Я пожал плечами.

3

Запись в журнале юзера **Koordinator**:

Юзер Пацифист опубликовал в своём блоге фотку девушки, спровоцировав ряд оскорбительных комментов. Требование удалить фотку он проигнорировал. Фотка исчезла только после звонка на домашний телефон Пацифиста, от которого он жиденько обосрался. Я вызываю юзера Пацифиста на дуэль. Выбор оружия я милостиво оставляю за ним. Одно условие — это должно быть оружие, способное причинить увечья или смерть. В случае отказа Пацифист объявляется бздуном, не отвечающим за базар. При личной встрече я без всякой дуэли набью ему морду.

Read comments:

Чего вы добиваетесь такими заявлениями? Славы? Статуса?

Я хочу, чтобы Пацик заткнулся или убил себя об стену.

Хорош пиписькометрией занимацца.

Уж больно вонючее говно.

Пацик тебя завалит. Ты хиляк с юзерпиком Чака Нориса.

весело живём, ЫЫЫЫ))))))

Пацифист у себя сказал что пули для Координа не пожалеет.

Ой, какой герой… Обрез могу одолжить)

Готов заменить Пацифиста. Оружие — катаны. Где и когда?

посодют! ейбога посодют! плюньте. аминь.

— Что скажете, Александр Игоревич?

— Нет. Ничего не будет.

— Вы уверены?

— Да.

— Почему?

— Просто так.

Read comments (к записи «Графомунь» в ЖЖ юзера **fat_monja**):

Им, графоманам, не понять (без шуток: Эдит — конченная графоманка).

Моня-а… нехорошьё-ё…

Я специально уточнил, кого именно назвал графоманами. Тебя в этом списке нет. Но гнать такую пургу могут только люди, цинично надеющиеся занять освободившуюся полянку. Хренушки.

Молодые таланты подрастают.

Моня… Ша, Моня! опускать несогласных с твоей точкой зрения («графоманка») и охотиться на ведьм («занять делянку») — первый признак фашиста. Я твои «таланты» графоманами не называю. Но и писателями, увы, назвать не могу.

Эдит — графоманка вне зависимости от её как бы взглятов на как бы литературу. Читал — сужу, работо моё такое. И похеру мне, дорогой друг, кого ты считаешь писателями, а кого нет. Не тебе решать.

Монечка, ну уж не тебе-то точно…

А я как бы и не претендую. В отличии от.

О чём с тобой дпльше говорить, если ты пользуешься фашистскими методами…

С разговора не съезжай, не в Раде. Кстати, за обвинения в фашизме я могу и того-с — в лицо ударить. Фильтруй базар.

Ты извини, НО И ТЫ ФИЛЬТРУЙ БАЗАР. А то за обвинения, что я желаю занять чьё-то там место можешь и в репу от меня получить, и не шуточно. А постоянное навешивание оскорбительных ярлыков это метод демагогов и, таки да, фашистов.

— Ваше мнение?
— Есть шанс. Фифти-фифти.
— Почему?
— Не знаю. Пахнет какой-то дрянью.
— Проветрить комнату?
— Не поможет.

Запись в ЖЖ юзера **solveig**:

Я столкнулась с очередным инет-хамом. Он сделал очень смешное предположение насчет моего места работы. Дескать, туда женщины попадают исключительно через постель. Когда я напомнила, что за базар надо отвечать, он это воспринял как вызов на дуэль и начал хорохориться — типа, ты детка на меня балоны не кати, а то я не делаю различий между мужчиной и женщиной, и типа в случае реальной дуэли набью морду. Я ему сказала, что клала на его угрозы с прибором, и если он такой смелый, ок, давай встретимся в реале. На что компост отказался и начал писать «если уж встретимся, то я тебя незаметно подкараулю, ходи и оглядывайся и чувствуй себя Анной Политковской». Когда я заметила, что не боюсь его ни капли и такой дрисни повидала до кучи, компост начал настаивать: «Нет, все-таки боишься! ну да ладно, я не буду руки марать».

Read comments:

Ты б сама не хамила. У тебя спросили нормально? Нормально ответь. А хамить на базаре торгашкам будешь. если у тебя траблы с воспинанием, то нефик тут это всем демонстрировать, тебе понятно?

Хамить мне первой начала ты. Доброжелательности к тебе у меня нету.

Вот ты и показала всю свою сущность мелкой чмырихи. Сказать нечего, а тявкнуть что-то в ответ гордость требует.

На кой заниматься полосканием грязного белья?

Меня этот козел у себя забанил.

И охота вам с дитем связываться? Ну пошли ему луч геморроя, и забудь.

— Очень плохо. Отвратительно.

— Да? А по мне, ерунда.

— Нет, не ерунда. Не врите мне, Вадим Петрович. Вы же бледный, как смерть. Наверняка читаете это не в первый раз, и все-таки… У меня у самого голова разболелась.

— У вас раньше были такие симптомы? Мигрень?

— Нет. Вы же мне не все показали, да? Это не весь диалог?

— Не нервничайте, Александр Игоревич.

— А вы не врите! Иначе я встану и уйду!

— Ну зачем вы так…

— А вы не делайте из меня идиота!

— Вот, хлебните чайку… Успокойтесь. Хватит для первого раза. Когда чувствительность прогрессирует, реакция становится болезненной. Обычное дело. Надо было ограничиться двумя случаями.

— Извините. Ради бога, извините. Не знаю, что это со мной…

— Зато я знаю. Вы не виноваты. И таки да, как говорил мой дед. Вы правы. Это не весь диалог. Он очень длинный. И закончился очень скверно. Захотите, сами посмотрите в архивах.

— Было б что смотреть… Чай, не рублевская «Троица».

— Пойдемте, Александр Игоревич. Я вас познакомлю с нашими. Отдохнете, развеетесь. С тестами на сегодня хватит.

— В каком смысле: на сегодня? Вы расчитываете, что я к вам приду и завтра?

— Обсудим это позже…

Квартира оказалась крупногабаритной. Свернув по коридору (Золотарь сперва думал — к кухне!), Чистильщиков остановился у металлического шеста. Концами шест уходил в пол и потолок. У такого «фаллоса» в барах танцуют стриптизерши. Наклонившись, Чистильщиков без труда откинул крышку люка, которого Золотарь сперва не заметил. В люке имелась боковая прорезь, так

что шест остался на месте. Стало видно, что он уходит вниз, в недра квартиры на восьмом этаже.

— Так быстрее, — извиняющимся тоном произнес Чистильщиков. — И привычней. Вот ключи, Александр Игоревич. Запрете за собой входную дверь и спуститесь по лестнице. Я открою вам изнутри.

— Спортсмен? — буркнул Золотарь. — Борец? Боксер?

— Пятиборец. Мастер спорта.

Безумие происходящего захватило Золотаря. Он превратился в мальчишку, которого старший приятель ловит на «слабо». Значит, пятиборец? А мы — канцелярские крысы?

— Спускайтесь. Я за вами.

Чистильщиков без возражений кивнул. Казалось, он ждал такого ответа. Когда его крупная фигура исчезла в люке, Золотарь обеими руками взялся за шест и стал совершать спуск. В последний раз он лазил в школе по канату, под хохот сверстников и мрачное сопение физрука.

— Отлично! — одобрил Чистильщиков, поджидавший его. — Прошу вас!

Золотарь вошел в зал, оборудованный, судя по планировке, из двух комнат — и в лоб ему прилетел метательный нож. Ну ладно, не в лоб — в мишень, висевшую на стене. И не так близко от головы, как померещилось вначале.

— Блин! — выругался чудовищно толстый парень, сидевший за столом у окна. — Вадим Петрович, этот западлист Нюрка опять на форуме провоцирует. Вонь — на всю ивановскую! У меня аж зубы разболелись. Глушить?

И засадил в мишень второй нож.

4

Из земли торчат темные пальцы. Тянутся к небу, раскрываются ажурной финифтью. Ломкая чернота ветвей. Тонкая белая кайма. Мириады блесток слепят глаза. Щурюсь, улыбаясь.

Красиво.

Это наверху. А под ногами хлюпает овсяная каша. Обычная история: глянешь в небо — дух захватывает. Опустишь взгляд на грешную землю — плюнуть хочется. Может, стоит чаще смотреть в небо? Галок ловить?

Чтобы меньше плеваться ядом.

Приду домой, позвоню в больницу. Как там Антошка? Если к нему пускают — ноги в руки, и вперед! Мандаринов куплю. Сын

их любит, может килограммами лопать…

На скамейке у подъезда кукует мужичок. Поднял воротник, зябко кутается в рябенькое кашне. Короткие, нервные затяжки. Сигарета отчаянно дымит… Ба! Да это же капитан Заусенец!

Замерз, хорек? А надо вовремя на звонки отвечать!

— Добрый день.

Когда капитан встает со скамейки, мне чудится тихий хруст. Словно Заусенец успел примерзнуть и теперь с усилием отдирает себя от стылых досок. Надо же — руку протягивает. В первый раз побрезговал…

Очень хотелось сделать вид, что не заметил протянутой ладони. Но проклятая интеллигентность — говорят, это она развалила СССР — победила.

— Здравствуйте. Меня ждете?

— Вас. Нам нужно поговорить.

— Что ж вы трубку-то не берете? Я вам — и на служебный, и на мобильный…

— Виноват, Александр Игоревич.

И так покаянно разводит руками, что мне сразу делается неловко.

— В кабинете меня редко застать можно. Волка ноги кормят. А мобилу я разбил.

— Каким это образом?

«Да не образом, а подсвечником!» — всплывает в голове фраза из старого анекдота. Ну что тебе за дело, Золотарь, как капитан телефон разбил? Бандитская пуля сразила мобилу! Сейчас он тебя пошлет, и будет прав.

— Дурацкая история… — Заусенец роется в карманах, достает мятую пачку «Бонда». Протягивает мне, но я отрицательно мотаю головой. — Повадился к нам один деятель на соседку жаловаться. Каждый день ходит. Причем всякий раз ухитряется меня на месте застать. Достал, зараза!.. Я в него первым, что под руку попалось, запустил. Оказалось — мобила. Жалко, не попал. Телефон вдребезги, а этот орет: я на вас жаловаться буду! И бегом на выход… Одна радость: больше не заявится.

Он покачался с пятки на носок, глядя в сторону.

— Но я хотел поговорить с вами совсем о другом.

— Догадываюсь.

— Зайдем в кафе? Холодно тут… Я вас второй час жду. Можно в «Рио» — цены божеские, и кухня хорошая.

— Не возражаю.

По дороге мы хранили молчание. Чувствовалось: Заусенец не знает, с чего начать. А я не собирался ему помогать. Бронзовый

Остап Бендер, сидя у входа в кафе, смотрел на меня с одобрением.

— Вы кофе будете? Два кофе. Коньяк?

— Спасибо, я — пас. Вчера с приятелем-адвокатом натрескались…

— Адвокаты могут, — со знанием дела кивает Заусенец. — Звери. Ну а я, с вашего позволения… Пятьдесят «Каховки».

Я вспоминаю, что не обедал.

— Соляночку, пожалуйста. И стакан воды. С газом.

Молоденький официант испаряется, оставив на столе чистую пепельницу.

— Мне ваша бывшая супруга звонила, — Заусенец вертит в руках пачку сигарет, но закуривать не спешит. — Вы извините, конечно… У нее с нервами все в порядке? Я понимаю: сын в больнице, мать переживает…

Он мялся, подыскивая слова, которых нет в милицейском лексиконе. Сжалившись, я подсказал:

— Истерила?

— Еще как! То божьей карой грозила, то прокуратурой…

— А вы действительно закрываете дело?

Он отложил пачку в сторону. Выдохнул, как перед стопкой водки.

— Закрываю.

— На каком основании?

— Ввиду отсутствия состава преступления.

— Отсутствия?! Моего сына чуть не убили… — я вовремя поймал себя на том, что повышаю голос, и перешел на злой шепот: — …а вы не желаете искать виновных?! Может, он сам себе голову об стену разбил?!

Чертов бомж! Почудилось, что он сидит за соседним столиком. Бормочет:

«Мужик… эй, мужик!.. не надо, а?»

Медля с ответом, Заусенец наконец закурил. Словно хотел отгородиться от меня завесой табачного дыма. Черт, да он ведь нервничает не меньше моего! Капитан, «следак», прожженный мент! Что происходит?

— Я понимаю, звучит, как бред. Но дело обстоит именно так. Ваш сын сам нанес себе все травмы. Есть свидетель.

— Какой, на хрен, свидетель?!

Орать на капитана, сидя за столом, неудобно. Я вскакиваю, едва не опрокинув стул. Из-за стойки на нас пялится изумленный бармен. Капитан машет ему рукой: все, мол, в порядке.

— Какой свидетель? Бомж-алканавт из подворотни?! Ему стакан налей — он что угодно расскажет! Что на Антона напали

пришельцы из тарелки! Мутанты из канализации! Тоже мне, свидетель…

— Ну почему же бомж? Вполне заслуживающий доверия свидетель. Частный предприниматель. Непьющий. Он за рулем был.

— Предприниматель? Специалист по мусорным бакам?!

— Насчет баков ничего не знаю. Фамилию назвать тоже не имею права. Но официальные показания налицо. Плюс снимки с мобильного. Он машину в гараж ставил, вышел двери открыть… Вот, смотрите. Разрешение не ахти, но, в принципе, все видно. Экспертизу мы уже провели. Это не подделка.

На стол ложатся два листа черно-белой распечатки. Знакомая подворотня. При печати кто-то перестарался с увеличением. «Зерно» лезет наружу мозаикой пикселей. Антошку я узнаю сразу. Стоит у стены, неловко скособочась. Одна рука висит плетью. Вторая смазана на взмахе. Через миг будет удар, хруст костей…

Одним глотком осушаю принесенный стакан воды. Заставляю себя дышать.

— Вам плохо?

— Все нормально.

Второй снимок. Антон падает, заваливаясь на спину. Видно его лицо в профиль. Висок и щека в крови, глаза закрыты, губы плотно сжаты. Парень закончил трудную, но необходимую работу. Самое время прилечь, отдохнуть… В правом углу снимка виден край сумки в клеточку и одна нога.

«Эй, мужик… Точно курево возьмешь?»

Обманул я тебя, бомж.

— Почему вы сразу мне не сказали? Свидетель, мать его! Он что, стоял и смотрел? Фотографировал? И ничего не сделал?!

— Он испугался. Вы бы тоже испугались. Кстати, «скорую» он все-таки вызвал. Анонимно. А вчера к нам пришел. Слухи по району поползли — про банду отморозков. Но он-то видел: не было никакой банды. Собрался с духом и пришел.

К призраку бомжа за соседний столик подсаживается призрак Чистильщикова. «Виртуальный возбудитель, — тихо говорит он. — Установлен охотником Золотарем…»

— Мутное это дело, Александр Игоревич, — хмурится капитан. — Нехорошее. Вот не поверите: я таких дел боюсь. Двенадцать лет в органах, всякого насмотрелся. Драки, поножовщина, убийства, разбой… Но там хотя бы все ясно. Есть потерпевший, есть состав преступления, есть мотив. А тут… Скажите, ваш сын употреблял наркотики?

— Нет.

— Спиртное?

— Бутылку пива в компании.

— Как я понимаю, он живет у матери. Вы могли не знать…

— Мы часто видимся. Бывает, он у меня ночует. Ни пьяным, ни «под кайфом» я его не видел.

— Да я так, на всякий случай, — Заусенец кривится, как от оскомины. — В больнице при поступлении все анализы сделали. Ни алкоголя, ни наркотиков. Может, личные проблемы? Девушка бросила? Стресс, состояние аффекта…

Официант приносит ему коньяк.

— Девушки у Антошки, насколько я знаю, нет. Ни с матерью, ни со мной он не ссорился. С учебой тоже все в порядке…

— Суицидальные наклонности? Психические отклонения?

— На учете у психиатра не состоял. Попыток суицида не зафиксировано. Что еще?

— Извините, Александр Игоревич. Но я обязан спросить. У вас или у вашей бывшей супруги. А после телефонного разговора решил: уж лучше у вас.

— Правильно решили.

Я представил, что довелось выслушать Заусенцу от бывшей, и невольно ему посочувствовал. И впрямь — показания, фотографии… Дело по всем статьям положено закрыть. А капитан шуршит, нервничает, нюхом чует — нечисто тут. Сидел, ждал у подъезда… А мог прислать бумажку по почте: «…ввиду отсутствия состава преступления». Число. Печать. Подпись. И пишите жалобы на деревню дедушке.

Зря я тебя «хорьком» обзывал, капитан.

— У меня к вам последний вопрос, Александр Игоревич. Ваш сын не состоит в какой-либо тоталитарной секте?

5

«…Багровое закатное солнце позолотило зубчатые пики Лурейских гор драгоценным пурпуром. Надвигалась последняя ночь Месяца Предзнаменований, ночь Выбора. Эльдар и Берендил достигли до самой высокой точки перевала Мутаррах и остановились. С утра начнется Месяц Прозрения. Впереди, поглощаемая на глазах быстро удлинняющимися тенями горных пиков, лежала сумрачная долина. Друзья-соперники стояли, замерев на перевале медля спускаться вниз. Впереди их ждала Неизвестность.»

Последний абзац «первого тома первой части эпопеи в семи книгах», как поспешил обрадовать издателей юный гений. К счастью, остальные шесть частей пока существовали только «в

проекте». Автор писучий, наваяет! Но, даст бог, все это попадет уже к другому редактору.

Золотарь заранее сочувствовал собрату по несчастью.

По-хорошему, следовало бы пройтись по тексту еще раз. Для очистки совести. Ничего, наша совесть выдержит и так. «Блох» корректор подберет. Они все, как на подбор, с высшим филологическим. Вот и порываются вместо исправления опечаток учинить «глубинную корректуру».

Оставим коллеге поле для деятельности.

Письмо в издательство он уже отправил. Сын в больнице, беру отпуск. Минимум, на месяц. Отредактированную «Эпоху Мечей» пришлю сегодня. Перевод Энтони переслал Вяземскому, он обещал сделать в срок.

В углу монитора всплыл конвертик. Ответ из издательства?

Добрый день, Александр Игоревич!

Искренне сочувствуем Вам по поводу Вашего сына, и желаем ему скорейшего выздоровления! Разумеется, берите отпуск на любой нужный Вам срок. Будем ждать от Вас вестей и надеемся на продолжение нашего плодотворного сотрудничества.

Редактуру «Эпохи Мечей» ждем, в качестве не сомневаемся. Гонорар будет Вам перечислен в конце марта.

С уважением, зав. редакцией фантастики

Шибалов М. С.

Быстро отозвались. Ладно, сейчас разделаемся с последним абзацем.

И все.

«…Закатное солнце окрасило зубчатые пики Лурейских гор драгоценным пурпуром. Надвигалась последняя ночь Месяца Предзнаменований — ночь Выбора. Завтра начнется Месяц Прозрения.

Эльдар и Берендил достигли высшей точки перевала Мутаррах. Внизу в вечернем сумраке теней тонула долина. Друзья-соперники стояли, медля спускаться.

Впереди их ждала неизвестность.»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЛОВЛЯ ВЕТРА

…Видел я все дела, что делаются под солнцем,

И вот — все это тщета и ловля ветра:

Кривое нельзя расправить, и чего нет, нельзя исчислить!

…Поглядел я на весь труд, — а весь успех работы —

Зависть человека к другому человеку;

Это — тоже тщета и ловля ветра…

Экклезиаст

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
АВГИЕВЫ КОНЮШНИ

1

— Вонища! — с чувством сообщил Карлсон. — Довлеет, етить-колотить!

Толстый, румяный, он ткнул большим пальцем себе в живот. В пуговицу джинсового комбинезона — кнопку из рифленой меди. И заурчал, как прогревающийся мотор. Сейчас пропеллер — аппликация на спине — дрогнет, превратится в стрекозиный круг…

К этой хохме я привык. И не удивлялся, почему лицо шутника багровеет, а глаза — злые-презлые, как у мультяшного гада. Чему тут удивляться, когда лапища Карлсона уже ухватила «вантуз». Здесь у каждого на столе обретался набор метательных ножей — словно стаканчик с карандашами.

Бздын-н-н!

У Карлсона нож втыкался в мишень всегда с одним и тем же звуком. Его клинок страдал хроническим метеоризмом. У Шизы, блеклой девицы в очках, нож покряхтывал. Умат — Шиза звала его «жвачным юнцом» — метал «вантузы» с неприятным взвизгом в финале. Я старался, как мог, не желая отстать от молодежи. Я даже почти не промахивался. Но обязательно вставал, боясь швырять «вантуз» с места. Выходил на «огневой рубеж» в четырех шагах от цели, аккуратно замахивался…

Встречаясь с мишенью, мой нож извинялся. Так стучат в дверь собеса.

Ножи для персонала внедрил Чистильщик. Мне объяснили, что сперва он предполагал обойтись комплектом игры в «Darts». Закупил электронные мишени и безопасные дротики с пластиковыми иглами. Не помогло. На смену пришли мишени «Classic» и дротики с иглами из стали. Сейчас это добро пылилось в чулане, уступив место ножам китайского производства, с рукоятями, обмотанными темным шнуром.

Вот такая, етить-колотить, безопасность производства.

— Что там у тебя?

Обойдя стол, Карлсон встал у меня за спиной. Как эта туша помещалась между стеной и спинкой кресла, не знаю. Должно быть, растекалась. Сопя, как бизон, он стал изучать форумную страницу, выведенную на монитор.

Shura123: *«Я ведь думал раньше, что я им нужен. Я верил, что кто-то становится лучше и честнее от моих книг. Чище, добрее… Никому я не нужен. У меня один особняк за душой. С баней. Я сдохну, а через два дня меня забудут и станут жрать кого-нибудь другого. Я хотел переделать их по своему образу и подобию. А они переделали меня по своему. Я пытался подготовить их, но они не желают готовиться, им все равно, они только жрут…»*

Depress: *Вы цитируете гнид и мразей, запретивших свободную электронную публикацию всех своих произведений.*

Fima_psihopat: *Гады! Ненавижу!*

Charlie: *Ладно, убивать не будем. Пожелаем инсультика, и харе.*

Depress: *При этом немалая часть быдла этих, с позволения сказать, литераторов в той или иной мере читала. Влияния — ноль целых хуй десятых.*

— Тухлячок, — вынес Карлсон вердикт. — Дерьмецо. И чуть-чуть мертвечинки, для понту. У меня несёт шибче.

— Хренушки, — не согласился я. — У тебя Шанель номер 5.

— Бери Шанель, — спела Шиза из угла, — пошли домой…

И томно добавила:

— Мальчики, нагрейте даме борщу.

Борщ нам готовила баба Неля, добрый ангел на полставки. Она прибирала наш гадючник и стряпала. Мы только кофе варили сами — каждый в своей личной джезве. Холодник ломился от яств. Я поправился на два кило и всерьез задумывался о диете.

— Сама грей, — Карлсон не отрывал взгляда от монитора. Ноздри его носа, могучего, как у актера Мкртчяна, трепетали. — Жрешь, как не в себя… Не видишь, мы с Золотарем трудимся.

— До свидания, мальчики, — спела Шиза, помешанная на Окуджаве. — Ма-а-альчики-и…

И ушла обедать.

— Процентов двадцать, Золотарь. Не больше.

— Двадцать пять. А было сорок.

— Ты сбил?

— Ага. Ненадолго. Опять идет на повышение.

— Фигня. Обычный кописрач. Такого добра — полные закрома.

— Сам же сказал: мертвечинка.

— Для понту.

— Бабки — ничто, понты — все. Ты дыши, дыши. Чуешь?

— Чую, не дави. Хлоркой пробовал?

— Вот, смотри.

Какого черта он тащился сюда, впихивался в узкую щель и сопел над ухом, я не знал. Мой нужник Карлсон легко мог бы изучить со своего рабочего места. Три клика мыши, и нюхай на здоровье. Нет, прется, толкается, носищем шмыгает…

Сирано де Бержерак, который живет на крыше.

Мы знали друг друга по кличкам. Один раз я спросил у Чистильщика, как зовут Карлсона по-настоящему. Зачем мне это понадобилось, не пойму, хоть убей. «Самвел, — не чинясь, ответил Чистильщик. — Самвел Ованесович.»

«Арутюнян?» — уже зная ответ, выдохнул я.

Чистильщик кивнул.

С тех пор я потерял интерес к паспортным данным охотников. А Самвела Арутюняна, младшего брата пострадавшего Эдуарда Арутюняна, звал не иначе, как Карлсоном. «Эффект ближнего» не имел разумных объяснений. Но все мы вышли из одной песочницы.

Кроме, пожалуй, шефа.

Charlie: *Пусть спасибо скажут, что их бесплатно выложили и читают. Время изменилось, и никого теперь спрашивать мы не будем, читать его или нет. Пора понять простую истину — мы, читатели, нужны авторам куда больше, чем они нам. Это мы платим автору свои деньги, нажитые непосильным трудом ;), а они нам зачем? Да все, что они написали, у нас и так уже есть, на 5 лет вперед! И пусть благодарят, если мы соизволим какую-то книгу купить на бумаге, и тем автора поддержать. Время вежливых разговоров прошло. Пеняйте на себя!*

Depress: *Ну что Вы, копирайт — это святое. С него внуки и правнуки кормиться могут, поэтому — любой ценой.*

Fima_psihopat: *Копирасты съели мозги наших сограждан!!!*

Manss: *Настали тёмные времена. Ибучаи капиталисты и их жополизы, чтобы вас чума и разруха настигла, чтобы ваши семьи страдали и погибали, и не было бы вам в этой жизни счастья и процветания!*

Pomojnick: *Мой траффик на бухте около террабайта. Я сильно правонарушил?*

Fima_psihopat: *Если терабайт, ты хуже Чикатилы в стопицот тыщ мильёнов раз! Это тебе любой копираст подтвердит.*

Manss: *Чтобы вы все покрылись страшными болячками, чтобы вас хворило и рвало. Да чтоб вы все сдохли ублюдки!!!!*

— Это ты молодец, — кивнул Карлсон. — Оригинальное решение.

— Это я молодец, — согласился я.

2

Разрешение гасить Заразу, если уровень вони зашкаливает, Золотарь получил от Чистильщика 1-го апреля, в день Дурака. До этого — только поиск, фиксация, резюме и передача собранного материала в стат-архив. По мере накопления архив отсылался дальше — должно быть, к умным людям. Обрабатывался, сортировался, подвергался анализу. Делались выводы, строились планы, возникали гипотезы. До низового звена доходило лишь слабое эхо. Нюхачам в грязных спецовках ни к чему знать о планах глобальной канализации общества.

Биотуалеты изобретут другие.

Золотарь был шестеркой. Как Карлсон, Шиза, Умат. Легавой собакой, чей нюх — дитя породы и случая. Сборщиком дерьма для анализов. А что? Тоже работа. И платят — коллеги-редакторы слюной бы изошли. Как-то он спросил Чистильщика, нельзя ли автоматизировать процесс. Пусть программа ищет, меряет и выдает результат. Нет такой программы, ответил Чистильщик. Никто не знает, почему из тысячи эпицентров срача Зараза выбирает именно девятьсот шестьдесят пятый — и исполнитель идет искать жертву.

Никто, кроме нас, сказал Чистильщик. Задыхаясь и чихая, мы хотя бы отберем из тысячи сотню наиболее вероятных. Уже легче. Нюхайте, братья. Гребите лопатой.

Без нас никуда.

Поначалу Золотарь гасил вонь, встревая в спор. Убеждал, приводил аргументы. Взывал к логике. К состраданию. К вежливости, наконец. Что забавно, прямой зачинщик нередко шел на попятный. Внимал, сбавлял тон, снижал градус. Запах на время расточался — если притерпеться, можно дышать без противогаза.

И надеяться, что Зараза, стервятник эдакий, не соблазнится падалью.

Увы, все портили зрители. Они набегали, как тараканы. Комментировали, подначивали. Оттягивались по-полной. Стравливали, давали ценные советы. От их гама зачинщик зверел. Попытки объясниться, резоны и аналогии тонули в мутных волнах субстанции. Обещания всыпать, натянуть, начистить и оторвать сыпались градом. Скромные литераторы превращались в д'Артаньянов. Фотолюбители — в мистеров Хайдов. Первородящие мамочки — в фурий.

Тогда Золотарь сменил политику. Зарегистрировавшись под ником типа Pomojnick — роль обязывает! — он становился на сторону зачинщика. Хохмил невпопад, задавал дурацкие вопросы. Встревал в самые узкие места. Ему хохмили в ответ, завязывался обмен плоскими остротами. И, как ни странно, тухловатое амбре шло на убыль.

С такой поддержкой врага не надо.

Ему казалось, что он мешает рассказывать анекдот. Уточняет, переспрашивает, просит повторить. Что? где? когда?! В итоге, даже если рассказчик добирался до ключевой фразы, вместо смеха толпа слушателей испытывала облегчение. Вот и сейчас — стоило Pomojnick-у вписаться в копирсрач со своим правонарушенным террабайтом, как финальная реплика Manss-а «ушла в молоко».

«Да чтоб вы все сдохли ублюдки!!!!» — мимо.

И восклицательные знаки не помогли.

— Сам догадался? — хохотнул Карлсон.

— Ага.

— Ну ты Кулибин… В отчете записал?

— Да.

— И что Чистильщик?

— Велел пробовать. И фиксировать каждую подвижку.

— Мою кучу видел? Или нет, ты сюда глянь. Новенькая, етить-колотить…

Карлсон отобрал у Золотаря мышь.

Pusik: *кстати я когда нибудь пристрелю мою маму. и это не шутка. я тоже не железная. и нервы сдают бывает :-(*

— Ни черта себе!

Обещаниями такого рода полнилась сеть. Реплика Pusik-а не отличалась от товарок. И даже пахла не очень. Но крылась в общем букете какая-то нотка… Слабая, едва уловимая, раздражающая до зубовного скрежета. Так пахнет в приемной стоматолога, и пациент заранее чувствует себя Жанной д'Арк за шаг до костра.

— А комменты дурища отключила, — Карлсон вздохнул. — Я думал влезть, сбить… Только как? Что скажешь?

— Ничего.

— Сдать отчет? Пусть наблюдают?

— Уровень?

— Слабый. И все равно… Вот еще.

Pusik: *Мама на меня обиделась… зашла в комнату и начала со мной говорить… ну разве она не могла поговорить со мной в другое время??? она всегда говорит со мной, когда я сериал смотрю или в*

нете сижу… как назло… А че с мамой делать?? Она ваще мне сказала что я ей не дочь…… ваще.

ЖОПА

Это конечно грешно так говорить, думать и писать — но когда же дествительно наконец она СДОХНЕТ!?!

— Ты акцент поймал?

— Ага.

— Аж ноздри дерет. С наждачком девка.

— Откуда она?

— Наша, блин. Землячка.

Лапа Карлсона схватила очередной нож — и вогнала его в мишень, висевшую над стойкой с дисками. Бздын-н! Золотарь спиной чувствовал, как напряжение отпускает толстяка. Чуть-чуть, так, чтобы не хлынуть через край.

«Мы тут все психи. Я никуда отсюда не уйду…»

Вернулась Шиза, благоухая чесноком. У обоих мужчин заурчало в животах. Если Шиза и производила впечатление на сильный пол, то большей частью гастрономическое. И то — стараниями бабы Нели.

— Эй, Золотарь, — бросила она. — Тебя Чистильщик зовет.

— Откуда дровишки?

— Он мне на мобилу набрал. Говорит, ты трубку не берешь.

Золотарь вытащил мобильник из кармана. Так и есть, «все сигналы отключены». Вчера в кино выставил — и забыл…

3

Зачем я понадобился Чистильщику? Обычно он зовет Карлсона. Реже — Умата или Шизу. О чем они беседуют в горних высях, одному богу известно. Гордись, брат! Сподобился. Сейчас орден вручат: «Почетному ассенизатору», с алмазами и бантами.

Или чертей вставят.

Семь ступенек. Лестничная площадка. У окна, выходящего во двор, притулилась «пепельница глобалиста» — урна, выкраденная с трамвайной остановки. Их там две было. Зачем столько? Над урной — распечатка: «Место для курения». Умат, остряк, откорректировал красным маркером: «Место для киряния». В подтверждение правки рядом с урной примостились пустые бутылки: из-под пива и джин-тоника.

Зато «бычков» на лестнице нет. Народ исправно кидает их в урну. Выходит, мы с Карлсоном не зря старались!

Еще семь ступенек.

Дверь приоткрыта. Чистильщик предупредителен, как бес. Когда в конце рабочего дня мы собираемся в «студии» на ритуальное чаепитие, дверь отперта заранее. Сам же Чистильщик спуск-подъем осуществляет через люк. Облапит шест, и хоть вниз, хоть вверх — чап-чап, таракан-переросток. Привет, Кафка! Я тоже пробовал. И Шиза пробовала, и Умат… Вниз — без проблем. А наверх — скользкий, зараза!

Спортсмен, вот и выпендривается…

— Дверь не закрывайте! — доносится из глубины квартиры. — Мне новую систему поставили, хочу испытать.

В коридоре объявляется хозяин апартаментов. В одной руке — чашка, в другой — жуткого вида дистанционка. Узкая, как пенал для авторучки. Россыпь кнопок светится новогодней гирляндой. Чистильщик наводит пульт на меня, и я вздрагиваю. Это не дистанционка! Это оружие. Совместная разработка ЦРУ и «Моссада». Секундой позже доходит, что целит он не в меня, а в дверь.

Совсем нервы ни к черту!

Повинуясь нажатию кнопки, дверь закрывается. Щелчок одного замка. Проворот колесика другого. И все замирает.

— Чудо враждебной техники! — смеется Чистильщик. — Израильская штучка.

Насчет «Моссада» я угадал.

— А отпирать двери она тоже умеет?

— Она много чего умеет. Двенадцать режимов. Кофе?

— Не откажусь.

— Идемте в студию.

Когда мы проходим мимо кухни, оттуда умиротворенное булькает кофеварка. Откуда Чистильщик знал, что я захочу кофе, а не чаю?

Нет ответа.

Две стены «студии» занимает широченный, скошенный внутрь «фонарь», открывая обзор на добрую треть города. Временами я уверен: шеф здесь не только работает, но и живет. А временами сомневаюсь. Квартира выглядит не слишком обжитой. Скорее, место для приема гостей, нежели «дом, милый дом».

«Нежели — не жили…»

— Есть пикантные новости. По выгребным делам.

Чистильщик устраивается за столом — огромным, овальным. Антиквариат — черное дерево, инкрустация перламутром. И все в отличной сохранности. Каждый вечер чай пьем, а я все не устаю поражаться. Где Чистильщик его откопал? Или это далекое начальство расстаралось? Для «создания психологического климата»?

А чашки — простенькие, фаянсовые. Таких в магазине — фунт на доллар.

— Изобретена цифровая дерьмочерпалка? Нас сократят?

— Вынужден вас разочаровать. Увы и ах, но мы незаменимы. Однако кое-что внешники нарыли. Помните, в марте Шиза выдала идею? Чтобы запрограммировать импа, Заразе необходимо закачать ему в голову кучу информации. Должен происходить «залповый выброс». А раз так — его можно отследить по траффику.

«Импами» мы с легкой руки Карлсона называем исполнителей. Сокращение от «исполнитель модифицирующей программы». Привет DOOMу! — прижилось.

— Помню, конечно. Мы еще спорили: как Зараза это делает? Мерцание экрана, скрытый текст. Генерация спец-спама. Электромагнитное излучение. Звуковая модуляция: процессор, вентиляторы… Ни к чему в итоге не пришли.

— Как — сейчас не важно. Главное — сама идея: выброс управляющего пакета из сети через конкретную машину в мозг юзера. Я ей поделился с внешниками. Оказалось, Шиза изобрела велосипед. Это уже разрабатывали в Днепропетровске. И за бугром.

— Конспираторы хреновы…

— Молчали, потому что проверяли. А вдруг бы оказалась ерунда?

— Значит, все-таки не ерунда?

Я подался вперед, едва не расплескав кофе.

— Гипотеза подтвердилась. Только на практике пользы от нее — ноль. В сети скачков траффика — как отсюда до…

— …той самой матери.

— Именно. Кто в скайп вылез, кто ролик с ю-туба качнул. Третий письмо с аттачем на десяток мег тянет… Пойди отыщи инфицированный «выброс»! Разве что постфактум. Но один наш львовский коллега пошел дальше. Раз есть выброс черного шума, должен быть и вброс!

— Черный шум? Меткое название…

— Он предположил, что инициирующий импульс агрессии уходит в сеть в момент набора соответствующей угрозы. На вброс черного шума реагирует Зараза. Если вброса нет — ничего не происходит. Хоть всему свету кранты пообещай.

— Логично. Засечь вброс легче, чем выброс! Мы же следим за помойками.

— Приятно разговаривать с умным человеком, — смеется Чистильщик. — На лету хватаете. Следим, следили, и следить будем. Внешники уже накрутили хвосты провайдерам, подняли

логи, статистику… Точки вбросов известны. Время — тоже, с точностью до секунд. Подтвердилось! Отыскали семьдесят четыре точных соответствия. Плюс больше сотни предполагаемых, которые надо проверять. Вброс в сеть залпового пакета с конкретной машины в тот момент, когда на форум или в блог уходила инициирующая реплика. Перепроверили: никакого скайпа, сетевых игр, закачек порнухи… Он-лайн общение в текстовом режиме. И вдруг — резкий скачок траффика!

За окном захлопали крылья. На карниз опустился голубь. Жирный помоечник, а шуму — как от стаи альбатросов. И гонору — куда там орлу! Голубь важно прошелся туда-сюда, инспектируя новые владения. Надменно скосил глаз: кто еще тут? Ладно, сидите. Разрешаю. Я сегодня добрый.

Через минуту рядом прикарнизился его сизый конкурент.

— Как думаете, подерутся?

Чистильщик тоже следил за птицами.

— Обязательно!

Откуда у меня такая уверенность, я не знаю. Но знакомая вонь пробивается даже сквозь герметичные стеклопакеты.

— Хотите пари? Тридцать секунд — и сцепятся.

В ответ он шутливо поднимает руки, сдаваясь:

— Даже спорить не стану! Моя интуиция подсказывает то же самое.

Время я все-таки засек. «Птицы мира» бросились в атаку через двадцать три секунды. Прямо бойцовые петухи! Крыльями хлопают, глаза горят, пух-перья до небес! Словно в подушку петарду сунули. После третьей сшибки драчуны свалились с карниза. Поле боя осталось за наблюдателями ООН.

— Значит, факт вброса-выброса черного шума считаем доказанным. Сами пакеты заполучить не удалось?

— Нет. Только всплески траффика в логах у провайдеров.

— И что теперь?

Чистильщик замялся. Видно, решал: что стоит мне говорить. Решай-решай, Вадим Петрович. Сказавший «А», да скажет и «Б» вплоть до «Ы».

— Там, — он указал куда-то ввысь, — прикидывают, какую из этого можно извлечь пользу. Отследить пакет в момент вброса, проанализировать… В идеале, научиться их перехватывать.

— Слабо верится. Все равно что пук сачком ловить.

— Что ловить? — не понял он. — Мух?

— Пук.

Чистильщик поперхнулся глотком кофе.

— Экое у вас образное мышление! Впрочем, я тоже в сомнениях. Но программа-минимум — вполне выполнимая.

Первое: отловить вброс в режиме реального времени. Программистам уже не терпится расчленить его по байту. Второе: отследить соответствующий выброс. Это сложнее. Но если известна потенциальная жертва — в принципе, осуществимо. Круг поиска заметно сужается. Ресурсы потребуются немаленькие, но мы можем себе это позволить. Третье: жертву под охрану, импицированного — медикам на растерзание…

Я слушал Чистильщика и седалищным нервом ощущал: не так! Это ж какой частый бредень надо в сеть забрасывать? (Бредень — в сеть! Попадись в тексте — вымарал бы без жалости!) Пока успеешь крикнуть: есть вброс! — глядь, а его уже и нету. Канул в глубины инета. Лишь следы в логах — круги по воде. Надо заранее знать: где и когда. Чтоб наверняка.

Я, конечно, не рыбак. Да и фраза банальная. Но по-другому тут не скажешь:

— Ловить надо на живца.

4

— Что вы имеете в виду?

— Не притворяйтесь. Вы прекрасно поняли — что.

— Заранее выбранная жертва? Подсадная утка?

— Именно!

С неожиданной резвостью Золотарь вскочил из-за стола и принялся расхаживать по студии. Бросил быстрый взгляд в окно, словно проверял: не подслушивает ли кто? Ниндзя-стенолазов и голубей с жучками СБУ не обнаружилось.

— Жертва, время, место. Конкретный компьютер, с которого жертва выйдет в сеть. Выбрать нет-площадку, на которой мы запустим нашу провокацию. Проблемный форум или блог, где только искру дай — полыхнет!

— А полыхнет?

— А мы на что? Еще как займется…

Чистильщик тоже стал бродить по комнате «в противофазе» с Золотарем. Заложив руки за спину, он сутулился, напоминая заключенного на прогулке.

— Подсадная утка — это хорошо. Но нас в первую очередь интересует вброс черного шума!

— Заранее составить перспективный список. Определить круг возможных виртуал-возбудителей из наиболее агрессивных завсегдатаев площадки. Это не так уж сложно. И начать работать на них. В идеале — на одного. Изучить архивы, выяснить, на что он реагирует наиболее остро…

— …пробить его IP, реальный адрес, фамилию, биографию. Узнать, выходит он в сеть с работы или из дома. И обложить по всем правилам! — подхватил Чистильщик. — Идея хоть куда. Не зря я вызвал именно вас…

Он вдруг замолчал.

«А не сболтнул ли я чего лишнего? — подумал Штирлиц…»

Не сболтнули, Вадим Петрович, мысленно успокоил шефа Золотарь. Можно подумать, мы не знаем, что у вас тоже — интуиция. Мы вонь чуем, а вы — нас. Нюхачей. И не просто чуете — знаете, кому что поручить, с кем посоветоваться… Потому и директорствуете. Тоже мне, секрет Полишинеля!

— Стопроцентной гарантии, конечно, нет. Придется отслеживать не только избранного возбудителя, но и ряд вероятных кандидатов. Сами знаете, как бывает. По закону подлости. Припрется незнамо кто, слово за слово — бац! — и приплыли…

— Ничего-ничего! — Чистильщик распрямился, хрустнув позвонками, и азартно потер ладони. — Договоримся с модератором, чтоб лишних бузотеров отсекал. Или своего поставим… Справимся! Вместо пальбы по площадям — один прицельный выстрел. Мне нравится! Вот только…

— Что — только?

— Все это очень бла-ародно, но…

— …как там насчет баб?

— Как насчет жертвы? «Живец» должен знать, на что идет. Условия, задача, степень риска. Не думаю, что желающие встанут в очередь…

— Зачем нам очередь? Одного желающего вполне достаточно.

— Только не говорите, что собираетесь…

— Увы, Вадим Петрович. Собираюсь. Слышали поговорку: «Инициатива наказуема исполнением»? Выдвигаю свою кандидатуру. В здравом уме и трезвой памяти..

— Жить надоело?! — взорвался Чистильщик. — Здоровье не дорого?!

— А кого вы предложите?! — Золотарь тоже повысил голос. — Карлсона? Шизу? Бабу Нелю?! Вы тут насчет охраны говорили… Вот и приставите ее ко мне.

— Черт! Ну что с вами прикажете делать? — страдальчески сморщился Чистильщик. — Поймите же: вы мне нужны как охотник, а не как жертва! Вам что, сына мало? Ох, простите, Александр Игоревич! Простите дурака…

Он закашлялся, скрывая смущение.

— Кстати, как ваш Антон?

— Ух ты, какой барбос…

Барбос и впрямь был отменный. Стаффорд, если не ошибаюсь. Ошалев от свободы, он катался в траве, визжал и взрыкивал. Бабушки, озабоченно ворча, уводили внучат прочь. Внучата сопротивлялись, как могли. Им хотелось целоваться со зверем.

Зверь не возражал.

— Классный. Пап, а почему ты не заведешь собаку?

Вопрос застал меня врасплох.

— Понимаешь, Антошка… Когда мы с твоей мамой расписались, у нас была собака. Двор-терьер. Его задавила машина. Я закопал тело у забора, теперь там стоит гараж Ливановых. Мама больше не хотела животных в доме. Я не настаивал.

Антон смотрел на меня, улыбаясь.

— Это было, пап. Было и прошло. А я говорю про сейчас.

Мы шли по Молодежному парку к спорткомплексу ХПИ. Антошке для восстановления прописали лечебную физкультуру, три раза в неделю. Плюс массаж и парафиновые аппликации. Гипс сняли в марте. Рентгенограмма показала признаки сращения. Бывшая молилась. Доктора утверждали, что до свадьбы заживет.

«Хорошо, что не пианист, — сказал мне хирург, гигант с глазами рублевского ангела, когда мы остались наедине в его кабинете. — Привезли тут одного… Мальчишка, вроде вашего. Подрался с каким-то кретином. Честь дамы защищал. Доктор, говорит, мне в июле на конкурс. Рахманинова играть. Что скажете? А что я ему скажу? Обнадежил… Спирту хотите?»

Я отказался.

— Завел бы пса, — гнул свое Антон. — Овчарку. Или черного терьера, они крутые. Гулял бы с ним по вечерам. Здесь, в парке. А утром я бы к тебе забегал, выгуливал. Я же знаю, тебя утром на улицу не вытащишь. А так… И для здоровья полезно. Вон ты какой бледный…

Мимо нас на роликах пронеслись две девчонки. Одеты они были не по сезону легко. Моя бабушка сказала бы: голяком. Антошка проводил их таким взглядом, что я чуть не расхохотался. Гормоны, однако. Шебуршат. Ты и сам, брат Золотарь, не отказался бы. Даже и на роликах. С Ксюшей разругались, с осени не видитесь. Новой ты не обзавелся.

О чем думаешь?

Это дело тоже очень полезно. В новостях объявили. Повышает

уровень кортизола, который стимулирует деятельность мозга. А эндорфин и этот — как его? — серотонин дают уверенность в себе. Любите друг друга, и будете как Эльдар с Берендилом.

Нахрапистые умники.

— В парке по вечерам опасно. Гопники водку пьют. Прохожих цепляют. А когда взрослые мужчины, да с большими собаками… Во вторник Лешку избили. Помнишь, я вас знакомил? Ну так, не сильно избили. Фингал, зуб шатается. Деньги отняли, плейер. Он хорохорится, в блоге пишет: соберу компанию, рассчитаюсь.

— В блоге все Брюсы Ли. Твоему Лешке еще повезло. Плейер, зуб — ерунда.

— Пап, ты на меня намекаешь? Что мне не повезло?

Парень не знал, что он — уникум. Что никто на него не нападал. Первый случай в СНГ. Антон Золотаренко, исполнитель и жертва в одном лице. Вброс черного шума и «убей себя об стену». Ну и как ему это объяснить, чтобы он не счел себя суицидником? Мы с бывшей договорились не травмировать психику сына. Ложь во спасение, и все такое.

Пусть будут хулиганы.

Капитан оказался сговорчив на удивление. Только попросил справку от психиатра. Дескать, после черепно-мозговой травмы стресс категорически противопоказан. Справку я сделал легко, при содействии Чистильщика. Он куда-то позвонил, и велел ждать. Через три часа к нам в «нижний котел» примчался курьер с бумагой.

Не пришлось по диспансерам ходить.

— Ну почему на тебя? Здесь одну девушку вообще убили.

— Девушку?

— Вьетнамку. Она в общежитие шла, до нее и докопались.

Зачем я ему это рассказываю? Углубляться в историю несчастной Ле Тхи Куен нельзя. Надо срочно менять тему.

— Сволочи. Их поймали?

— Поймали.

— Посадили?

— Не знаю. Наверное…

— Таких надо расстреливать.

— Очень уж ты кровожаден, малыш.

— Я? А они?! Ты знаешь, что мне в журнале написал один гад?

Crazycat: *есть люди, которые мертвыми смотрелись бы лучше. а знаешь, я бы даже на похороны твои не пришла.*

— Не знаю. И знать не хочу. Меньше бы ты лазил по инету…

Ложь далась без труда. Все это время я приглядывал за виртуальным Антошкой. И на выпад клинической идиотки Crazycat среагировал мгновенно. Обнюхал со всех сторон. Так собака вертится у заветного столбика. Нет, вони не ощущалось. И Карлсон проверил, и Умат. Даже Шиза соизволила. Не французские духи, но и не сортир. На всякий случай я пробил по нашим трубам юзер-инфо — сумасшедшей кошкой оказалась Елизавета Брандик, сокурсница моего сына.

Кто уж там кому не дал, бог весть.

Главное, без последствий.

— Это он, пап. Который обещал сломать мне руки. Я же вижу. Зашел под новым ником, косит под женщину. Тролль чертов…

— А вдруг не он?

— Он. Без вариантов.

Я с сочувствием кивнул. Пусть Антошка думает, что это ублюдок. Какая разница? А новосибирский стервец-то скис. Аккурат после моего пьяного демарша на форуме. Затаился, помалкивает. Во все свои пять ников помалкивает. Похоже, крепко я его достал.

И не жалею.

— Пришли, пап. Я в раздевалку.

— Ну, беги. Встретимся здесь, у входа.

— Ты как всегда? В пинг-понг?

— Ага. Разомну старые кости.

— Не ври, ты совсем не старый. А насчет собаки подумай.

— Ладно.

— Я помогу. Ну что ты смеешься? Я честно…

— Хорошо. Подумаю.

Соплюшки на роликах неслись обратно. Голые пупки, сиськи пляшут под топиком. Мы с сыном синхронно вздохнули и переглянулись. С пониманием. Вырос мальчик. Штаны жмут. А ты, отец, педофил. Лучше обзаведись терьером. Черным. Побегаешь с ним наперегонки, глядишь, попустит.

А стаффорд все балдел в траве. Аж завидно.

6

Пинг-понг.

— Плечи! Плечи разворачивай! Замах!

Зеленый стол, белый мячик. Тук-тук, кто-там? Это я, правый топ-спин. Меня придумали японцы в 61-м. Коварные самураи. Вместо катаны — ракетка «пером». Гоп-стоп, Ихара, засунь им мячик под ребро. А старый козел Золотарь меня только портит.

Потому что не японец. И бьет «в лоб».

Где у мячика лоб? То-то.

Тук-тук-бымц.

— Кистью! Резче!

Теннисные столы расставили на балконе. С трех сторон он нависал над бывшим гимнастическим залом. Сейчас зал арендовали все, кому не лень. Легкоатлеты, йоги, фитнес. Сегодня там пыхтели боксеры. Огородили пару рингов, и давай груши околачивать.

Шмяк-шмяк.

Кто по груше, кто по морде.

— Что ж ты лупишь, как Сидор козу? Вали к боксявкам!

— Я не луплю.

— А то я не слышу! Мяч должен шуршать…

По внешнему краю балкон огородили сетчатыми панелями. Для безопасности. Кое-где панели отсутствовали. Случалось, мячики летели вниз. Назад они не возвращались. Их растаптывали в блин. Пинали в угол. Пытались забросить обратно, и быстро обламывались. Спускаться за ними? — дурных нет.

Коробки с «запаской» имелись в ассортименте.

— Плечи! Плечи, блин! И с ноги на ногу…

Додик Френерман — для своих Тренерман — был местной достопримечательностью. Слоняра толще Карлсона, в очках с жуткими линзами, он готов был учить каждого желающего. Увы, никто не желал. Тут собирались постучать для удовольствия. Косо, криво, с дворовыми ухватками — за свои кровные.

Не на чемпионат готовимся!

Согласился один Золотарь. Он играл в школе, и даже в институте кое-как тарахтел за сборную факультета. С годами все забылось. И вот — опять. Молодеем, значит. Издевательства садиста Тренермана усугубляли радость. Ишь, туша! Стоит, не шевелится, моргает рыбьими глазищами. Только рука мелькает — туда-сюда.

Бац-бац.

Шарик, словно приклеенный, падает в одно и то же место.

— Правый топ-спин! И еще разик!

Блямц.

Вместо правого Золотарь, не пойми зачем, соорудил левый. Обижен до глубины своей целлулоидной души, мячик завертелся юлой — и улетел к боксерам. Уж лучше перчаткой по глянцевому боку, чем ракеткой не в ту степь!

— Что ты лепишь, менингит? Я ж тебе живым языком…

— Не шуми, Додик. Сейчас возьму новый.

Он шагнул к ограждению — проследить за судьбой мячика. На обоих рингах дрались. Молодые лупцевали груши, кое-кто работал на лапах. Остальные качались. Мячик сгинул. Ну и ладно. Золотарь прошел в подсобку, взял запасной. Вернувшись, он не спешил продолжить. Тренерман угрожающе сверкал линзами — нет, ученик опять вернулся к краю балкона.

Что-то мешало, как соринка в глазу.

Делая вид, что восстанавливает дыхание, Золотарь смотрел на угловой ринг. Два битюга в шлемах рубились в полный рост. Один был существенно тяжелей. Да и мастеровитей, если честно. Второй брал на характер. Бил тяжелого, как в последний раз. Огребал по полной, вставал — и снова шел в бешеную, прямолинейную атаку.

Шлем мешал разглядеть лицо. Но очень скоро Золотарь уверился — вторым был Чистильщик. Вадим Петрович с пользой проводил время. Он бил, и его били. Он — злее, его — больше.

Все честно.

— Бокс входит в пятиборье?

— Чокнулся?

Додик повертел у виска сарделькой, заменявшей ему палец.

— А что входит?

— Стрельба. Фехтование. Бег. Плавание. И конкур.

— А бокс? Я думал…

— Индюк тоже думал. Иди на место.

— Обожди.

Из Чистильщика делали отбивную. Отбивная зверски огрызалась. Никто не спешил разнять боксеров. Чувствовалось, что бой идет по договоренности. Что остальным не впервой видеть эту Куликовскую битву. Каждый развлекается в меру сил. Купил абонемент — милости просим.

Чего изволите?

— Мы играем, или глазки строим? — рявкнул Додик.

Золотарь встал к столу. В конце концов, разве я сторож шефу моему? Ну, пятиборец. Ну, полюбил бокс с уклоном в мазохизм. Ах, как на склоне наших дней нежней мы любим и суеверней… Мы — свободные люди. Я бью по мячику, ты бьешь по роже.

— Резче! Замах!

Через полчаса они закончили.

В холле Золотарь опять заметил Чистильщика. Тот стоял у стеклянных дверей, ведущих в фехтовальный зал. Там, на неведомых дорожках, скакали атосы с арамисами. Все в белом. За каждым тянулся длинный хвост.

Дзынь-дзынь.

Укол.

Лицо Чистильщика было — краше в гроб кладут. Дичайшая, прединфарктная тоска читалась на нем. Так мнется грешник у ворот рая, зная: вход заказан. Не будь Вадим Петрович поглощен зрелищем, он наверняка заметил бы Золотаря. Но рухни ему на голову потолок — он бы и этого не заметил.

— Бедолага, — шепнула Золотарю вахтерша, с которой он успел сойтись накоротке. — Смотрит, а в зал ни ногой. Его уж и звали, и просили… Нет, и все. Чего тогда смотреть? Вы знакомы, да?

— По работе.

— Ага, по работе. Вон ваш мальчик, уже идет…

Вечерний парк шелестел под ветром.

ДЕНЬ ВТОРОЙ
ПАРАД НУЖНИКОВ

1

Явления Deus ex machina разнообразием не отличались. Шеф сверзился нам на головы, скользнув по шесту. Рано он сегодня! Обычно снисходит к половине одиннадцатого. А тут — 10:05.

Значит, жди новостей.

— Доброе утро!

— Если оно действительно доброе… — ворчит Умат.

Чистильщик оставляет его нытье без внимания.

— Прошу всех выключить машины. «Авгикон» привлекают к новому проекту. Сейчас буду давать вводные.

Бросаю косой взгляд на дисплей, где заваривается очередная буча. Воняет, но терпимо. Успею еще разгрести. «Новый проект» — это последствия вчерашнего разговора? Вряд ли. Слишком мало времени прошло. Пока «наверху» переварят доклад, пока решат, стоит ли проводить операцию, пока разработают план, спустят указания…

«Завершить сеанс работы Windows…»

— С сегодняшнего дня мы начинаем работу по проекту «Слив засчитан». И нечего ржать. Проект серьезный. Я бы сказал, рискованный.

Чистильщик старательно избегает встречаться со мной взглядом. Черт! Неужели? Ничего себе оперативность у внешников!

— …достоверно установлены факты вброса в сеть инициирующих пакетов так называемого «черного шума» и выброса аналогичных пакетов из сети в сознание импицируемых. С целью детального изучения этого явления и поиска путей противодействия руководством разработана операция «Слив засчитан».

Как по бумажке шпарит!

— Для точной локализации виртуального возбудителя, а также точки и времени вброса, по предложению охотника Золотаря…

Все глаза на меня!

Сижу, как под лучами прожекторов. Жарко, неуютно…

— …будет проводиться «ловля на живца». А именно…

Дальше я слушаю в пол-уха. Лох ты, брат Золотарь.

Натуральный! Выходит, Чистильщик, когда тебя вызывал, уже знал про «Слив»! И развел дурака по полной. Я изобрел такой же «велосипед», как и Шиза. Ну, может, пару мелких нюансов подсказал.

«Наверху» все просчитали заранее. И план с «подсадной уткой» разработали. Иначе — откуда такая ошеломляющая оперативность? Чистильщику спустили директиву: найти добровольца. Он воспользовался своей замечательной интуицией — и она указала на меня. Дальше — дело техники. Подвести клиента к очевидной мысли. Пусть он, с криком «Эврика!», в восторге от собственной гениальности, сам вызовется на роль жертвы.

Элементарно, Ватсон!

— …перед нашей группой поставлена задача: отобрать ряд перспективных нет-площадок для проведения операции. С высоким фоновым уровнем агрессии и наличием потенциальных вирт-возбудителей. В отечественном секторе сети. Если операция будет международной, возникнут дополнительные сложности. Приступайте. «Рыбные места» вы знаете, после обеда жду улов. Удачи! Не буду вам мешать.

И — поминай, как звали. Просочился сквозь потолок — только крышка хлопнула. А мы остались вариться в «нижнем котле».

— Это правда ты предложил? — разворачивается ко мне Карлсон. — Насчет живца?

— Правда. Только, подозреваю, они и без меня додумались.

— Правильно подозреваешь, — Умат заводит свою машину. — Сверху спускают, а мы разгребаем. И никак не наоборот. Ну вот, опять в очко нырять, граблями махать, вертухаев мочить…

Фраза из пародийной стрелялки «Redneck Rampage». Как же, помню. Рубился во время оно. И в нужник нырял, и черти кусками дерьма швырялись. Кто ж знал, что это станет моей работой?

Вход в форум. «Обсуждения».

Валёк: *да бля гандоны все один я нормальный а эти анекдоты пидарастические просто заебали вы лохы гандоны сучары*

Бобби-бой: *Наш народ, самый дружелюбный народ в мире! Кому еще не ясно, блять?!?*

Мордехай: *Всех педорасов собрать и сжечь нах!..*

Zoophil: *ну ты, жидня, совсем охуела…*

Nastojaschij Zoophil: *Сука, поймаю свинью, которая мой ник присвоила, так рыло начищу, мало не покажется!*

Бобби-бой: *Зоофил при виде вороватой свиньи-антисемитки с*

пидорастическими налонностями пришол в состояние крайнего возбуждения… душевного ;-)

— …Нарыл что-нибудь, Умат?

— Про тебя нарыл.

— Про меня?

— Вот: «Ot vinta, kri4al Karlson, otbivayas' ot pidarasaov…»

— А-а-а… Баян. А как вообще?

— Воняет. Но больше тухлятиной. Думаю сменить сортир.

— А у тебя, Золотарь?

— Та же фигня. Надо что-то поядреней найти.

— Мальчики, вы не поверите — тут така-а-ая вонища! Просто прелесть!

— Дай нюхнуть!

Проворство Карлсона — при его-то «трудовом мозоле» — меня всегда поражало. Вывернулся из кресла, как шуруп из гнезда, просочился в закуток Шизы, где и ей одной места мало. Навис тушей-тучей.

Сопит, урчит — сейчас на взлет пойдет!

— Кунсткамера! Урод на уроде… Сохраняй!

И к нам:

— Учитесь, мужики!

— Учимся, — скромно соглашаюсь я, кликая на очередную ссылку.

2

ЗАЯВКА НЕТ-ПЛОЩАДКИ
(охотник Карлсон)

Ссылка прилагается.

Активность виртуального возбудителя — выше критической.

Реакция на провокацию — положительная.

Выборка — см. ниже.

Kroller: *Что еще ждать от сраного демосрата — поклонника сраной Америки? Жаль что тебя в зоне не опетушили до смерти. Жаль что у нас не устроили тананьмынь таким как ты.*

Rakatuy: *а тебе сраному поклоннику пидараса Ленина и канибала Сталина ручки и ножки бы отрезали бы за любую провинность в твоем горячо любимом Иране, завыл бы как волчара….*

Kroller: *Отрезали бы тебе — как базлающему на великих людей и любящему амеров — и не руки-ноги а всего лишь башку. Хорошо бы и у нас стало бы так. Полицаев надо вырезать до*

седьмого колена — как к сожалению не сделали у нас после войны — сколько бы домов в Прибалтике осовободилось.

Rakatuy: *хуев тебе большую тележку! иди Ленина в лобик поцелуй в мавзолей пока он там еще лежит, быстрее бы эту падаль на свалку вышвырнули! И тебя заодно!*

Kroller: *укуси себя в жопу окупант.*

Rakatuy: *Твоя долбаная религия — чума. Сдохни в муках!*

Droop_a36: *господи какие жы вы все сволочь либералы-дерьмократы! пороть вас до крови, сжечь вас в печах — и то мало будет. чтоб вам загнуться до Первомая! Чтоб твой ребенок сдох от передоза!*

ЗАЯВКА НЕТ-ПЛОЩАДКИ
(охотник Шиза)

Ссылка прилагается.

Активность виртуального возбудителя — выше критической.

Реакция на провокацию — положительная

Выборка — см. ниже.

Nanohren: *Все, чмо. Тебя спалили, как дрочера-педофила.*

Tsarillo: *Лично я думаю, что он терпила и черт.*

Chookcha36: *Какого хуя ты доебался до него? Если ты не отьебешься я лично приеду и тебе все пальцы переломаю, ты не только играть не сможешь, но даже дрочить под наркозом.*

Nanohren: *Ты вообще, чертила, кто такой? Сочувствующий? А в Харьков — да приезжай, ждем. Только время и место скажи.*

Tsarillo: *То, что кто-то пытается «впрягаться» за взрослого мужика еще раз говорит о том, что он чертила и терпила. А пальцы себе сам переломай. Мне на тебя пох. Таких «горячих» парней, которые «приедут» и что-то там сделают я уже до хуя видел.*

Chookcha36: *Если вы до майских вы не разрулите ситуацию, то я в Харкове буду и не дай бог мне под руку попадеться кто-то из вашей компании.*

Nanohren: *Лошкам нравится, когда их посылают нах, они приходят за новой порцией. Хочешь подъехать? Да подъезжай :) Встретим.*

Chookcha36: *я еще раз повторяю, я тебя урою. я не шучу.*

Tsarillo: *УАААААА!!! Я аж чую, как от натуги трясутся кулачки и мозг. Приезжай. Встретим должным образом.*

ЗАЯВКА НЕТ-ПЛОЩАДКИ
(охотник Умат)

Ссылка прилагается.

Активность виртуального возбудителя — выше критической.

Реакция на провокацию — положительная

Выборка — см. ниже.

Parmezan: *Покаталась блин. Зубы спасла маска. Ноге ппц. Пошла в травму, колено-сплошной синяк, опухло. Местный врач сказал-ничего не вижу. И вообще! У вас есть наколенники, ничего случится не могло. Начинает трогать колено-где болит? Я рыдаю из за боли, говорю что не могу понять где болит. Мне говорят — ну, ща мазью намажем и до свидания.*

Mulinka: *ого! всегда говорила, что врачи — мрази… сама сейчас стрдаю от них… держись, выздоравливай. натяни им там глаз на жопу, чтоб трещало прям.*

Vad_brook: *Врач для меня — синоним слов «пидорас», «мудак» и «скотина». Да, исключения есть, но они из серии «Какова вероятность найти брильянт в сортире?» Каждый раз я вспоминаю отдельные рожи и мне хочется убивать.*

Mulinka: *И не говори. Врачи, в большинстве своем, — зло.*

Red_khmer: *Хуже нету сволочей, чем начальство из врачей! Была вчера у зубника. Чтоб он себе все зубы рассверлил, гадюка! Без наркоза!*

ЗАЯВКА НЕТ-ПЛОЩАДКИ
(охотник Золотарь)

Ссылка прилагается.

Активность виртуального возбудителя — выше критической.

Реакция на провокацию — положительная

Выборка — см. ниже.

Pups: *Надо ещё доказать, что авторское право важнее права граждан на свободу информации. Я слышал, что всё как раз наоборот.*

Dark_mag: *Это как понимать? :-((Театр абсурда…*

Zadrot: *Бля, дебил, как ты задолбал! Засунь свой копирайт себев сраку! Еще выпусти рулоны туалетной бумаги, где будут твои опусы.*

Verochka: *Вот же ж сволочи. Чтоб их всех внезапно поразил долговременный понос.*

Lucipher: *Пейсатиль, таких говноедов, как ты, в жыдожурналах пруд пруди. И все, как один, светочи разума. Тебе, чмо ты гофрированное, предоставляют бесплатный пеар. И ты, охуевший пеликан, еще и батон крошишь?! Упрись, мудило комнатное. Осознай: подобных тебе графоманов на копейку пучок дают. Таким мудозвонам, как ты, только и остается, как сраццa за малую копеечку. Сосни лучше хуйца на паперти, и не пешы сюда больше.*

Dark_mag: *Сразу видна культурка общения.*

Lucipher: *Я тебе культур-мультур размажу по хлебалу. Вместе с твоими сраными опусами. Ты у меня свои бездарные книжонки жрать будешь. Зубами давиться, кровью сморкать. Страницу за страницей, гуру херов. Много понаписал-то? Вот все и схаваешь. А то с голоду он опух, пейсатиль…*

ЗАЯВКА НЕТ-ПЛОЩАДКИ
(охотник Умат; вариант второй)

Ссылка прилагается.

Активность виртуального возбудителя — выше критической.

Реакция на провокацию — положительная

Выборка — см. ниже.

Mandarin: *На этот раз залупилсо пидарац костян. Которай, кстате, оказал сопротивление, для чего мне пришлось лична вмешацо. В итоге труп страдальца скинуле в канализацыю. С чем его и поздравляем беспесты, гхы гхы.*

Savich: *Хуесоса костяна посадим жеппай на арматуру. Нех залупаццо.*

Travolta220: *Таких епут как щенков, пока ане сапляме брызгают хе хе…*

3

— Руки вверх!

В спину уперся ствол пистолета. На людной Пушкинской. Средь бела дня. Люди спешат мимо, не обращают внимания. Патруль курит возле «Оптики». Неинтересно патрулю.

Тетка с кошелкой остановилась. Хмыкнула, побежала дальше.

— Руки!

Ну поднял. Невысоко, к плечам.

— Медленно оборачиваемся…

Ну, оборачиваюсь. Медленно.

— Купился! Купился, лопух!

Кот был счастлив. Удачливый адвокат Семенюк — друг, блин, детства — скакал козлом. Ржал жеребцом. Кривлялся макакой. И пьян был, ясен пень, как хавронья.

— Сдрейфил? Усрался?

Он тыкал мне в лицо толстенной авторучкой. Тупой конец ее был исполнен в виде ствола «Парабеллума». Сувенир. Или подарок благодарного клиента.

— Не бзди, старик! Мы еще увидим небо в пороховницах! За мной!

Подхватило, завертело. Словно девочку Элли с ее домиком —

бац, и ты уже в стране Оз. Ищешь мозги чучелам и носы буратинам. Опомнился я за столиком на другой стороне улицы. Кафе «Авангард», открытая веранда. И в руке у меня — кружка «Черниговского».

И я уже отхлебнул.

— Давно не виделись, старик! Ты, говорят, забурел?

— Забурел.

С Котом лучше не спорить. Быстрей отвянет. Я посмотрел на часы. Ладно, время есть. Обеденный перерыв. Черт меня дернул выскочить за яблочным соком. Люблю яблочный, а в холодильнике закончился. Не бабу Нелю же ждать? Шиза заодно попросила сигарет ей купить. А она пока борщ нагреет.

Грей, не грей — остынет теперь борщ…

— Вот! Вот, едрёна Матрёна! — он одним глотком уполовинил свою кружку. Отдышавшись, указал пальцем в облако: — Мне там сразу сказали. Большой брат следит за тобой, Золотарь! Станешь шишкой, не забывай нас. Сирых…

— Не забуду, сирый. Я помню: тебя — в судьи. За полста штук.

— У меня нет столько, — пригорюнился Кот.

— Тебе — со скидкой. Скинем, как полагается. С колокольни.

— Во! В самое темечко! Ну, со свиданьицем…

Пиво у Кота закончилось, и он погнал официанта за «повторить».

— А у меня, старик — жопа. С дыркой. Это я с горя пью, ты не думай, — румяное, сияющее лицо Семенюка противоречило сказанному. — Знаешь анекдот про зебру? Так это про меня. Слушай сюда…

Воодушевившись, он тараторил без умолку. Махал руками, как ветряк. Схватил за грудки официанта. Заставил сочувствовать. Хлопнул сто перцовой. Не помню, чтобы Кот ее заказывал.

— А он мне, старик… Это он — мне, сечёшь?!

Принесли блюдце с фисташками. И два пива.

Оба — Коту.

— Нет, ты понял?

— Понял.

— Не ври, ни черта ты не понял…

— Трепло ты, Котяра.

Зачем я это сказал? Вот, сидит напротив, онемел. Рот в пене, глаз — алмаз. Сейчас устроит хипеш. Перебить Семенюка во время монолога — это надо быть укротителем тигров.

— Это я трепло?

— Ты.

— Нет, это я — трепло?

— Нет, это ты.

— А почему я — трепло?

— По кочану. Ты мне что обещал?

— Что я тебе обещал?

— Что у тебя корефан. В Новосибе. Продолжать или сам вспомнишь?

А это я и вовсе зря. Язык мой — враг мой.

— Злой ты, Золотарь. Друзей обижаешь, — Кот блеснул скупой слезой. Не адвокат, а мать Тереза. — Я, между прочим, ничего не забываю. Пацан сказал — пацан сделал. И с корешком мы на связи. Пробил он твоего урода. Концы-шмонцы, адрес-шмадрес…

— Ага, пробил. Насквозь. За два месяца. Крутизна немереная.

— Крутизна. Без подначек, ладно? Твой уродец тоже — не простая босявка. Племяш мэра, понял? Двоюродный. Мэрский сученыш, олигархия, долбись оно конем. Корешок мне маляву скинул: ищем способ. Чтоб не подкопались. Не боись, старик, все будет в ажуре. Корешок обмозгует, что к чему, закажет импортный паяльник…

Кот врал, как подорванный. Я смотрел в его честные глаза, по пятаку каждый, и не встревал. Корешок, мэр, племяш… Тебе бы в писатели идти, юрист. Детективы ваять. «Мент на зоне», «Брат в законе»… Хрен в вазоне.

Тиражи — зашибись.

— Как паяльник нагреете, отзвонись.

— А то! Сразу! Эй, ты куда?

— Мне на работу надо.

— На фига? Давай еще по пиву. Угощаю!

— Нет, мне пора.

От кафе до продуктового — минут пять. Туда пять, там пять, обратно — пять… А тут — пиво. Одна кружка, а приспичило. Надо было в кафе посетить. Я ускорял шаг, в мыслях грозя Коту всеми карами египетскими.

Раздраконил, гад.

И не в мочевом пузыре дело. После парада нужников общий тонус был — гром и молния. Отовсюду воняло. Парень с девчонкой грызутся у мотоцикла — пахнет. Мужик в «Опеле» базлает по мобиле — несет. Из окна орут — хоть нос затыкай. Не город — солдатский сортир.

Ну и Кот добавил субстанции.

Знаю ведь, что новосибирский ублюдок — не виноват. Брякнул сгоряча от гнилой душонки. Нагадил под дверью, и позвонил. А, Котяра? Молчи, не отвечай. Не хочу я ничего

слышать.

Не мне отмщение. Не аз воздам.

— Смотри, куда идешь!

— Извините.

Молодой человек, которого я толкнул, набычился. Он не желал моих извинений. Не ждал их. Он хотел, чтобы я огрызнулся в ответ. Послал по матушке. Слово за слово, глядишь, можно будет и по уху съездить. Лицо, похожее на Антошкино, налилось кровью. Я свернул к магазину, а он еще долго смотрел мне вслед.

4

Работа не клеилась. Косяком шла унылая тягомотина. С душком, но без изюминки. Такое даже в отчет не включишь. Порадовали только «жидопланетные педеросатанисты». Но обещание сунуть их в дюзу вряд ли стоило фиксировать.

Умат с Шизой бегали курить на лестницу. Карлсон зевал во всю пасть. Ножами никто не швырялся. В половине пятого в прихожей громко клацнул замок.

Это еще кто? Баба Неля?

— Прошу вас…

Что в лесу сдохло? Чистильщик — через дверь?!

Объяснение явилось через пару секунд. В виде дамы средних лет: пепельное «каре», челка, минимум макияжа. Дама вызывала ассоциации с породистой кобылкой, нарядившейся в брючный костюм. Такие способны на многое: и взбрыкнуть, и прокатить.

— Знакомьтесь. Это Рита Евгеньевна, прошу любить и жаловать. А это наши «виртуальные охотники». Шиза, Карлсон, Умат и Александр Игоревич.

Золотарь обиделся. Всех, значит, по «оперативным псевдонимам», а его — по имени-отчеству. Неужели он так старо выглядит?!

— Рита Евгеньевна любезно согласилась исполнить… э-э… определенную роль в нашем эксперименте. Александр Игоревич, вы будете консультантом. Работаем на площадке, предложенной охотником Шизой. Все, кроме Александра Игоревича, параллельно с основной работой контролируют ход операции. Вводные со ссылкой — в машинах. Начинаем!

Заходя в блог, Золотарь пребывал в растрепанных чувствах. Как же так? Ведь шеф специально вызывал его, чтобы раскрутить на роль жертвы! Еще минуту назад он в этом нисколько не сомневался. Выходит, ошибся? Может, и у далекого начальства не было никакого предварительного плана? И они действительно

воспользовались его идеей? Только кандидатуру на роль жертвы выбрали сами…

Когда успели?!

— Вадим Петрович! А как же — установить реальную личность возбудителя? Вычислить его компьютер, «обложить флажками»? И это… ну, вы понимаете…

— Нет, не понимаю, — Чистильщик нахмурился. — О чем вы?

— Где охрана для Риты Евгеньевны?

— Об этом вам не нужно беспокоиться. Охрана будет. Со временем. Рановато сейчас, не находите?

— Почему?

— Вброса еще не было. Значит, и опасности нет. Вы бы уступили даме место, а? Теперь это ее работа — по клавишам стучать.

— Да-да, конечно…

Засуетившись, Золотарь выбрался из кресла. Прижался спиной к стойке с дисками, пропуская «кобылку». На пол с шелестом осенних листьев посыпались DVD в бумажных конвертах. Пока он, мысленно чертыхаясь, собирал их, Рита Евгеньевна скользнула мимо неуклюжего кавалера и опустилась в кресло.

Миг, и «жертва» уже вовсю барабанила по клавиатуре.

— Что вы делаете?

— Регистрируюсь, — она даже не обернулась. — Тут иначе не войти.

— А-а…

— Берите стул, Александр Игоревич. Садитесь рядом и консультируйте.

Стул Золотарь проигнорировал, нависнув над подопечной в стиле Карлсона. Жаль, весу не хватает. Ага, nick-name: Przhevallo. И впрямь — лошадь! E-mail…

— Какой у вас e-mail?

«Большой и толстый!» — чуть не ляпнулось в сердцах. Уселась, понимаешь, как у себя дома, регистрироваться полезла…

— Вам оконечник? Или ящик на сервисе?

Мудрое слово «оконечник» Золотарь впервые услышал месяц назад — от программиста, налаживавшего в «Авгиконе» слетевшую локалку.

— Вы консультант? Вот и консультируйте. Какой лучше?

— Лучше для чего?

— Чтобы меня было легче вычислить «в реале».

— Если вы укажете свои настоящие данные — страну, город, фамилию и имя — тогда без разницы. Если нет… Тогда тоже без разницы: хоть ящик, хоть мой оконечник. Вы у нас не работаете,

по базам «Авгикона» не проходите. Зараза все равно вас вычислит, рано или поздно. Просто ей понадобится больше времени.

— Зараза?

— Ну, так у нас прозвали эту штуку.

— Та, Которая В Сети Сидит, — хмыкнул Умат.

Рита Евгеньевна картинно приподняла брови:

— Не люблю долго ждать. Какой у вас ящик?

— Может, я сам наберу?

— Нет уж! Слышали, что директор сказал? Диктуйте!

Золотарь терпеть не мог диктовать по буквам электронные адреса. Обязательно что-нибудь не так произнесешь, или тебя не так поймут. Однако «кобылка» с первого раза все набрала верно.

— С него редирект на оконечник проставлен?

Уп-с! — как говорят в американских фильмах. Про редирект Золотарь не знал. Крутись, консультант…

— Проставлен. Но можно и напрямую войти.

Это Чистильщик. Пришел на помощь. А кто его просил? Вдруг мы сами с усами? Не тот казак, что победил, а тот, что выкрутился…

— Отлично.

Форму Рита Евгеньевна заполнила со всем тщанием. Выходит, ей тридцать шесть. Морщинки почти незаметны. Если специально не приглядываться. И грудь — вполне. Если специально приглядываться…

Курсор ткнулся в кнопку «Отправить».

— Уведомление о регистрации. Теперь заходите по ссылке…

— Я знаю.

Золотарь засопел, став похож на обиженного ежа.

— Заходите в тему «Они попали!».

На сей раз «кобылка» не стала играть во всезнайку, молча следуя инструкциям. Разве что втянула ноздрями воздух и брезгливо поморщилась. Нюхач? Свой брат охотник? Почему бы и нет? Внешники кого попало не пришлют…

— Запашок-с?

— Не то слово!

— Оттенки улавливаете?

— Шутите? Что тут улавливать? Пивной перегар без вариантов. Сорт, извините, определить не возьмусь. Наше, да? Чешское — деликатней. Сколько вы за обедом приняли? Кружку? Две? Только не говорите, что три…

Карлсон хрюкнул. Умат сдавленно кудахтал, делая вид, что поглощен работой. Из закутка Шизы кашляли со значением.

— Вот, — «жертва» извлекла из сумочки начатую пачку

«Орбит». — Возьмите.

— Вы сработаетесь, — заключил Чистильщик.

И удрал к шесту.

5

Tsarillo: *УАААААА!!! Я аж чую, как от натуги трясутся кулачки и мозг. Приезжай. Встретим должным образом.*

Chookcha36: *я приеду не биться или драться — а прибивать.*

— Приедешь, спроси Беллу Абрамовну…

— Какую еще Беллу Абрамовну? Что вы за чушь несете?!

— Не перекайтесь. Я диктую, вы пишете.

— Под вашу ответственность.

— Да уж под мою. После точки — через раз.

— В каком смысле?

— Раз с заглавной, раз — со строчной…

Przhevallo: *Приедешь, спроси Беллу Абрамовну из третьего отделения. Если Беллы не будет — звони в морг. я там по ночам подрабатываю. Звонок и доставка (тебя по адресу) — бесплатно и только сегодня.*

Chookcha36: *Я знаю где вы, ждите в гости. Сами напросились уебки.*

— Теперь смайлик. Вот такой. Идиотский.

— Есть.

— И не делайте пробелов после знаков препинания.

— Хорошо. Диктуйте.

— О я е… ну, я е…

— Вы заика? Что вы «е…»?

— Извините. Здесь надо матом.

— Не кокетничайте. Не гимназистка. Диктуйте матом.

— (*из угла*) Хотите, я продиктую?

— А вас, охотник Шиза, я бы попросила не вмешиваться.

Przhevallo: *o_O О я ебу, злой дядько едет, прячьтесь!!! O_o*

Awira: *Вы все кто тут отписывается взрослые люди! А не малолетки безголовые. Так объясните какого хера ругаться. БЛЯ что вы творите…… Бля а еще взрослые народ……*

Przhevallo: *Злой Чукча — пожиратель озверина. он к нам не едет а летит. не у каждого реактивный ранец в жопе появляется после таких процедур.*

Chookcha36: *раззевай свою пасть. скоро ты ее раззевать не будешь.*

— Диктуйте.
— Нет. Возьмем паузу.
— Какую паузу?
— Качаловскую.
— Зачем?
— Надо.
— Комментаторы набежали…
— Это хорошо. А мы обождем.
— Чего?
— Второй реплики Чукчи. Пусть он выступит еще разок.
— Без подталкивания?
— Ага. Так он ведет диалог. Удар за удар. А так он будет злиться, что мы… что вы ему не отвечаете. Если не выдержит — он наш.
— (*из угла*) Сделать вам кофе? Или борща нагреть?
— Кофе, пожалуйста.

Korefan: *С этой компанией все ясно. Никакие они не взрослые. Обычные дети, 5–6 класс от силы. Позвоните их родителям — пусть они им вломят хорошей пизды!!! И отобъют навеки желание писать разную хрень.*
Chookcha36: *Приеду забью тебе шар в дупло.*
Nanohren: *тупой дятел)) давай приезжай… тебе все равно делать не хуй. обратно добираться будешь бегом на костылях. ты у меня освоишь бег в гипсе.*

— Молчите! Пейте кофе.
— Нельзя столько молчать. Он сорвется.
— Никуда он не сорвется. Пусть срутся без нас.
— Вас ко мне зачем приставили? В декольте заглядывать?
— Нужно мне ваше декольте… О! Давайте!
— Не стану я вам давать.
— Очень смешно. Детский сад, штаны на лямках. Пишите: в рот заодно…
— (*от окна*) «В рот» напишите слитно. Так противнее.
— Охотник Карлсон! Выражаю вам благодарность от лица командования!
— За-од-но… Что дальше?
— У ваших…

Chookcha36: *Думай гнида. Адресок твой я у наших возьму.*

Przhevallo: *Врот заодно у ваших возьми :)*

Chookcha36: *встретимся — я тебе вставлю в жопу ствол автоматный и одним выстрелом отстрелю яйца!*

— Это хорошо.

— Что именно? Яйца?

— Мы перетащили одеяло на себя. Теперь мы — конкретный субъект агрессии.

— Вижу. Нанохрен весь обзавидовался.

— Да, это конкурент. Ничего, мы его сделаем на повороте…

Awira: *Может хватит ВСЕМ РУГАТЬСЯ!*

Metanol: *вроде в Харькове собирались замутить мордобой. Слиняли?*

Nanohren: *Да чукча обоссался и вернул билеты в кассу.*

Przhevallo: *Пациент прибыл (принесли соседи). Симптомы: приставал к санитарам, пердел, хронический передоз, несвязная речь и тупая рожа. Диагноз: чмо. Лечение: нах) так ржачнее.*

— Сейчас. Он наш…

— Что-то долго молчит.

— Десять мудаков молчали-молчали, да не вымолчали… Ох, извините! Что-то меня колбасит.

— Меня тоже. Гнилая тут у вас атмосферка.

— Дайте еще одну жвачку.

— Я не про пиво. Я вообще.

Chookcha36: *ты поймешь сука вместе со своими корефанами что так себя вести нельзя. Мы уже все пробили и билеты заказали.*

Przhevallo: *в кино закажи билеты. на мульт «Голубой щенок».*

Chookcha36: *Баран ты хоть понимаешь с кем базаришь, и ники здесь ни причем.*

Nanohren: *тюлень ты глухой.*

Przhevallo: *приезжай, я тебе вломлю)) сильно бить не буду)) я ж понимаю, ты инвалид детства)) я тебя потом в ясли сдам)) ты там будешь самый умный)))*

— Все. Конец рабочего дня.

— Завтра продолжим?

— Непременно.

— Надо узнать у следаков, не было ли вброса…

— Не было, Рита Евгеньевна. Я бы почуял.

— (*из угла*) Не было.

— (*от окна*) Не было.

— (*из другого угла*) Нифига не было. Но фон растет.

— (*из угла*) Ага. Довлеет, етить-колотить…

— Ш-ш-ш… Дон-н-н!

— Ничего себе! Александр Игоревич, где вы научились ножи метать?

— В десанте. Есть такой десант — в очко нырять, граблями махать…

— …вертухаев мочить.

— Тоже играли?

— В «Redneck Rampage»? Оскоромилась. До сих пор стыдно.

6

Спускаться в метро не хотелось. Гомон, давка, толкотня. Чья-нибудь потная подмышка перед носом. А на улице хорошо. Тепло, ветерок обдувает…

Первым делом ветерок обдал Золотаря бензиновой гарью. Затем — ароматами дворовой помойки. Табачным дымом. Швырнул в лицо горсть пыли. Липкую обертку от мороженого. Отчаянно звенел трамвай. Джип, выехавший на рельсы, в ответ гудел с презрением — и полз со скоростью беременной черепахи.

Минута — и траффик встал намертво. Лавируя меж бамперами, Золотарь стал форсировать дорогу. И едва не угодил под колеса: пробки имеют свойство рассасываться в самый неподходящий момент.

— Жить надоело, придурок?! — мордатый таксист высунулся из окна «девятки».

Золотарь счел за благо промолчать. На тротуаре он перевел дух. На губах ощущалась ванильная сладость от обертки, прилетевшей в лицо. Страшно захотелось мороженого. Он ссыпался по ступенькам в угловой подвальчик-гастроном. Долго, придирчиво выбирал, изучая фейерверк трубочек, конусов и брикетов сквозь заиндевелое стекло. Взял кофейный «Магнат» в шоколаде, расплатился и выбрался на улицу.

От «Магната» полегчало. Раздражение отступило. Чтобы вернуться с подкреплением — на родном Пушкинском въезде, оказывается, исчезли все урны. Бумажку бросить некуда. Блин, кому они мешали?! Так хорошо было… Когда на каждом шагу — урна, даже последняя сволочь не швырнет окурок под ноги.

Бомжи сперли на металлолом?

— …И не говорите, Шурочка! Безобразие!

Рядом образовалась соседка из третьего подъезда. Серебро

кудряшек, кармин рта, лицо заштукатурено в три слоя. И вечная обида, если назовешь ее «тетей Вавой». Как вышла на пенсию — подавай Вареньку, и все тут.

Варенька выгуливала болонку Лайзу, чихающую зимой и летом.

— Надо в ЖЭК жалобу подать. И в милицию.

— А мэру подадим? Губернатору?

Хотелось развить тему, дойдя до президента и Гаагского трибунала. Но Золотарь сдержался — и зря. Соседка иронии не поняла.

— Вот именно! Губернатору! Никакой управы на них нет!

— На губернаторов?

Он уже жалел, что ввязался в разговор.

— Господь с вами! На наркоманов, чтоб им пусто было!

— Думаете, это наркоманы урны крадут?

— А кто ж еще?

— Зачем?

— Отраву свою в них варят!

Интересная мысль. «А мужики-то не знают!»

— Извините, я спешу. Всего доброго.

— До свидания, Шурочка…

И все-таки бросать обертку на тротуар не хотелось. К счастью, рядом находилась знакомая подворотня, выводившая к мусорным бакам.

— …козел!

— Я тебе блевану!

— Мочи его, пацаны!

Смрад ударил в ноздри за миг до того, как Золотарь увидел, что творится в подворотне. Четверо юнцов, разгоряченных водкой, азартно «носковали» бомжа. Жертва корчилась на асфальте — щербатом, грязном, как рот ханыги. Клетчатая сумка, лопнув на боку, валялась у стены. Откатились в сторону две пустые бутылки.

Третья разбилась.

Манила бритвенной «розочкой».

— Сдурели?

Вина перед бомжом свалилась, как снег на голову. Обещал же ему блок сигарет! — забыл, не купил, обманул… Не понимая, что делает, Золотарь с разбегу врезался в палачей. Толкнул одного, второго — прочь от хрипящей, харкающей кровью жертвы.

— Уймитесь!

— Ты чё, мужик?! Охренел?!

— Звездюлей хочется?!

— Убьете — сядете! Оно вам надо?

Старший — лет двадцать? меньше? — опомнился первым. Вожак, да. Налетел, впечатал спиной в стену. Жарко захрипел, заклокотал сивухой. Рука — на горле. Глаза — бешеные, белые.

— Этот пидор мне на штаны наблевал!

— Ну, наблевал. Вы ему уже вломили…

— Мало! Я ему сраку раздеру, гнидосу!

Надо же, какой лексикон. А на вид — приличные ребята. Вон тот, белобрысый, похож на пай-мальчика из престижного колледжа. Смрад сгустился, обретя плотность сжиженного газа. Затопил легкие. Перед глазами заплясали искры. Что-то случилось. Замельтешило в душном, спертом воздухе. Превратило слова в слова, одни в другие. Было так, стало так же, но иначе. Курсив, выделение, пробел.

Черт знает что.

Плоское.

7

Viktor Babenko: *Шоп сука знал!*

Fedor Nepeyliho: *Я ап ниво ноги вытру понял? Нет ты понял???*

Gleb Pavlov: *чё ты с ним базаришь, Витёк? Дай в хлебало, и пусть валит нах!*

Fedor Nepeyliho: *А я дабавлю!!!! Ща!!!!*

Viktor Babenko: *Корефан твой, да? бамжара сраный??*

Fedor Nepeyliho: *Витюн дай я!!!! Дави гамно!!!!!!*

Вход в чат. Регистрация. Ник:**Zolotar**.

E-mail… Страна… Город…

Уведомление о регистрации. Для подтверждения статуса пройдите по ссылке.

Enter.

Добро пожаловать в чат «Подворотня», пользователь **Zolotar**!

Open new window. Повторить. Повторить. Повторить.

Участники чата. Учетные данные.

Системный поиск.

Scroll down. WEB-pages, документы, юзер-инфо, статьи УК, медицинские заключения, личные дела, фотографии, характеристики…

Zolotar: *Бабенко Виктор Тарасович, 19 лет. Статья 296 УК Украины: «Хулиганство». Учитывая чистосердечное признание и положительные характеристики с места работы осужден на три*

года условно.

Viktor Babenko: *Ты шо? шо мелешь мужик???*

Fedor Nepeyliho: *Та дай ему врепу…*

Viktor Babenko: *будет и в репу…*

Zolotar: *Тебе сколько до конца условника осталось? А, Витюн?*

Viktor Babenko: *два года. И пять месяцев (((*

Zolotar: *Хочешь по полной загреметь? На два срока?*

Gleb Pavlov: *он тибя напонт берет……*

Zolotar: *Павлов Глеб Вениаминович, ученик выпускного класса лицея «Олимп». Успеваемость удовлетворительная. На понт беру, ага.*

Gleb Pavlov: *ты! Ты ктотакой???*

Zolotar: *1992 года рождения. Паспорт МК-469732, выдан Киевским РОХГУУМВД в Харьковской области. Тоже под статью захотел?*

Artem Skorobogatchenko: *испуганно* *Под какую?*

Поиск.

http://www.crime.org.ua/zagalna/1

Кримінальний кодекс України

Розділ І. ЗАГАЛЬНІ ПОЛОЖЕННЯ.

Стаття 1. Кримінальний кодекс України має своїм завданням правове забезпечення охорони прав і свобод людини і громадянина…

Поиск.

ЗЛОЧИНИ ПРОТИ ЖИТТЯ ТА ЗДОРОВ'Я ОСОБИ.

Scroll down.

Перевод с украинского на русский.

Zolotar: *121-я, часть 2: «Умышленное тяжкое телесное повреждение, совершенное способом, носящим характер особого мучения, или совершенное группой лиц, а также с целью запугивания пострадавшего или других лиц, или совершенное по заказу, или повлекшее смерть потерпевшего…»*

Fedor Nepeyliho: *Та ты гонишь! какие тяжкие?!!!! :blink: пендюлей дали…*

Viktor Babenko: *блеванул он… гад ((*

Zolotar: *«…наказывается лишением свободы на срок от семи до десяти лет.»*

Fedor Nepeyliho: *ты променя! променя скажи! незнаешь да?!?!?!*

Zolotar: *Непейлихо Федор Иванович, 18 лет. Студент 1-го курса ХНУРЭ. Факультет…*

Fedor Nepeyliho: *Бля… убицца… L*

Документы. Дополнительные окна. The requested URL was not found on this server. Search WEB. Расширенный поиск. Enter. Фото, заставки, баннеры, перекрестные ссылки… Строки — крест-накрест — тюремная решетка. За решеткой — подворотня. Асфальт — залит кровью — блевотиной. Бомж — о нем забыли — встает на четвереньки. На карачках — к сумке — звон бутылки. Никто — на звук — не оборачивается.

…бомж скрывается за углом.

Дергается красная щетина — вокруг — рта.

Мычание.

Zolotar: *Маму пожалей, Федор Иванович. Инна Васильевна Непейлихо, 1969 года рождения. Тахикардия, стенокардия, почечная недостаточность. Инвалид 3-й группы. Сядешь, дурак — маму в гроб загонишь.*

Viktor Babenko: *мент!!*

Fedor Nepeyliho: *в панике* *СБУшник!!!!!*

Artem Skorobogatchenko: *Ребята, вы как хотите, а я пошел…*

Zolotar: *Умница, Тёма. А ребята — как хотят.*

Пользователь **Artem Skorobogatchenko** покидает чат «Подворотня».

Gleb Pavlov: *Пацаны! Делаем ноги!*

Пользователь **Gleb Pavlov** покидает чат «Подворотня».

Пользователь **Fedor Nepeyliho** покидает чат «Подворотня».

Пользователь **Viktor Babenko** покидает чат «Подворотня».

Реальность «Подворотня» говорит Вам до свидания.

Не желаете вернуться в чат?

8

…чуть не вывернуло наизнанку.

Приступ тошноты еле удалось подавить. Били? Вроде, нет. Ввязался, дурак: налетел, орел сизый… Что было потом? Он им что-то говорил. Ругался? Грозил милицией?

Что-то же он сказал этим мальчишкам?!

Правый кулак побелел от усилия. Словно кастет в кулаке. Золотарь с усилием разжал пальцы. Смятая обертка от мороженого. «Магнат» в шоколаде. Все хорошо, все в шоколаде. Его не тронули, бомж сбежал… Сгорбившись, он побрел к мусорным бакам. Надо выбросить обертку.

Сорить — нехорошо.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ
СТРАСТИ В НИЖНЕМ КОТЛЕ

1

— …крокодил не ловится, не растет кокос…

Какой там медведь! Берите выше — в детстве Умату на ухо наступил бегемот. Диплодок! Фальшивил охотник безбожно. Рита Евгеньевна скривилась, как от зубной боли. К счастью, продолжать вокальные штудии Умат не стал. Но прислушавшись, можно было разобрать, как в его наушниках поет Миронов:

— …плачут, богу молятся, не жалея слез!

С чего бы это фанат «Doors» вдруг перешел на песни из советских кинофильмов? Тайна сия велика есть. Но «Остров невезения» угодил «в самое темечко», как выразился бы Кот. Крокодил действительно не ловился. Прятался в камышах офф-лайна, медля нырнуть в мутный омут инета.

Чукча номер 36 молчал, как партизан.

Остальные вяло грызлись, поддерживая фоновую вонь. Без Чукчи этот срач не имел смысла. «Как свадьба без невесты!» — вспомнилось из «Кавказской пленницы». От «пленницы» мысль вернулась к «Бриллиантовой руке». «Крокодил не ловится… не ловится… крокодил…»

Да чтоб ты сдох, зеленый!

— Рита Евгеньевна, давайте обозначим ваше присутствие. Иначе Чукча явится, а главного оппонента не видать. Нехорошо получится.

— Утром обозначили. Дважды. Забыли?

— Повторим для верности. Что там у нас?..

Awira: *…вроде улеглось. Накинулись дрг на друга как петухи, матом ругаются, словно бля дети малые…*

Nanohren: *Агащазблин! :) улеглось! объявитца сцыкун Чукча, будут ему петухи. он же сцуко тока звиздеть в инете горазд..*

Korefan: *Ему мама по жопе надавала и комп отобрала! :)))*

Eskimos117: *Петросяны, нах. хохмачи. чукча вас уроет вреале. тода поздняк метатца будит!*

— Поднимаемся в атаку! Набирайте: «Помороженный…»

— С одним «н».

— Спасибо, Карлсончик.

— Никогда бы не подумала, что придется учиться писать с ошибками…

— Ха-ха три раза! Я еще недавно редактором работал. Знаете, как коробит?

— Представляю…

Przhevallo: *Памороженый явилсо? чукчин дружбан? тебя пингвин в жопу клюнул? Сиди в чуме, жди рассвета!*

Tsarillo: *Эскимос — в жопе альбатрос!*

Rebe Abramovich: *И зачем ви таки тгавите нагодности Севега? Ви рассисты, да?*

Nanohren: *Мы антисемиты! :) жопе слова не давали. Кыш в Освенцим!*

Eskimos117: *Вы кроме жопы слов не знаете! вот вам вжопы Чукча гарпын и забьет.*

Dr_Frankenstein: *Вы бы, хохлы, со своими нациками лучше разобрались. Школы русские позакрывали, протоукры? Фильмы дублируете? Вот и не удивляйтесь теперь…*

Nanohren: *о, пидаробот объявился! ща хохлосрач начнецца..*

Przhevallo: *не начнецца. У нас чукчесрач, он веселее. J*

— Достаточно. Дальше они сами.

— Какая все-таки гадость этот инет!

— Инет ни при чем, Рита Евгеньевна. Это мы его запакостили. Люди.

— Почему?

— Вопрос не по адресу. Откуда мы знаем, почему? Нам скажут — «инет», мы пишем — «минет». И хохочем. Смешно ведь, животики надорвешь…

Шизу тянет пофилософствовать. Умат вяло гоняет «мышь» по коврику. С потолка сваливается Чистильщик — третий раз за сегодня.

— Как дела?

— Как сажа бела, Вадим Петрович.

— Чукче надо прогул записать! Свяжитесь с его начальством.

Карлсон угрюмо сопит. Тянется к пуговице-«кнопке», но в последний момент передумывает. Нет настроения для любимого спектакля. Хуже нет — ждать, изнывая от безделья.

— Я себе кофе сделаю. Кому-то еще? — интересуется Чистильщик в пространство.

— Мне, — подает Шиза голос.

— И мне.

Грех отставать от подопечной.

— И мне тоже.

Чистильщик убредает на кухню. «Кобылка» раскрывает сумочку, извлекает косметику. Тушь, помада, пудра… Зеркальце. Все это добро по-хозяйски раскладывается на моем столе. Где и место нашла? У меня обычно такие завалы…

Эй! Куда они делись?!

Диски сложены аккуратными стопками. Половина бумаг исчезла. Остальные переместились в две толстые папки. Ручки — те, что еще пишут — в стаканчике. Пустые — в мусорной корзине. Ножи? На месте. Да что она себе позволяет?! И, главное, когда успела?

Я и отлучался-то всего дважды, в туалет…

С трудом сдерживаюсь, чтобы не высказать «кобылке» все, что думаю по этому поводу. Кстати, а что я думаю? Нет, вслух такое — нельзя. С нашей работой в мыслях — сплошной мат. По любому поводу. Надо исправляться. Стихи на ночь почитать? Вместо валерьянки? Скоро на людей кидаться стану.

Собственно, почему — скоро?

Уже.

— Знаете, коллеги… иду я вчера домой…

Все уши локаторами разворачиваются в мой скромный адрес. Рита Евгеньевна перестает изучать себя в зеркальце. Или это она подглядывала — что я у нее за спиной делаю?

— …а в подворотне четверо юных дарований бомжа метелят. Как с цепи сорвались. Ну, я, дурак, и вступился.

— Дали в глаз? — сочувствует Карлсон.

— Они? Мне?

— Ты им дал? Во все восемь глаз? Сказочник.

Голос Шизы язвит хуже крапивы.

— Никому я ничего не дал. Толкнул, и все. Потом орал, как сумасшедший. Пара минут, и все испарились на третьей космической. Включая бомжа.

— Орал? Что?

— Из репертуара сетевых помоек?

— Не помню! Ни хрена, пардон май фрэнч, не помню! Затмение нашло. Как расталкивал их — помню. Как в стенку меня впечатали — ясней ясного. А потом — провал. Пришел в чувство — никого. И на мне ни царапины.

В комнате повисает тишина. Сонными ульями гудят компьютеры.

— Клин, значит, — констатирует Умат.

На меня он не смотрит.

— Провалы в памяти.

— Какие провалы в памяти?

Старая шутка сейчас кажется совсем не смешной.

— Надо Чистильщику сказать, — авторитетно заявляет Шиза.

— Зачем?

— И правда, зачем? Я все слышал. Ваш кофе, леди энд джентльмены.

Красавец Чистильщик с подносом на ладони смахивает на дворецкого из «Собаки Баскервилей». Только ростом вдвое выше. И без бороды.

— Спасибо, Вадим Петрович.

— Не за что. А насчет вашего «затмения», Александр Игоревич — наплюйте и забудьте. Целы остались — и слава богу. Оно бывает, когда адреналин горлом хлещет. Работа вредная, с каждым срывы случаются. Пройдете медосмотр — и всех дел.

Я давлюсь кофе.

— Медосмотр? У психиатра, надо понимать?

— А что, желаете к психиатру? Могу порекомендовать. Не волнуйтесь — обычный медосмотр, профилактический. За счет фирмы. Кардиограмма, флюорография. Давление, коленный рефлекс, анализы. Принесете мочи в баночке — литра два-три. Думаю, хватит.

Карлсон булькает. Веселится.

— Порядок у нас такой. Если что, к врачам. Перестраховщики…

Шеф виновато разводит руками. В одной — поднос. Выглядит комично, и Чистильщик, подлец, это знает.

2

— …Оба-на! А Заразу-то вычислили!

— В смысле?

— В прямом. Дошло до народа. Народ долго запрягает, но быстро безмолвствует.

— Шиза! Убью! Говори толком…

— Да тут толку — с гулькин хвост. Нарыли какие-то орлы часть информации, сопоставили. Теперь обсуждают. Было двенадцать разбойников, был Кудеяр-атаман…

— Шиза! Убью, етить-колотить! Кинь ссылку.

— И мне!

— …много разбойники пролили крови честных христиан…

— Шиза, блин! Вот точно что шиза!

— Что у вас там?

Рита Евгеньевна непонимающе перевела взгляд с Умата на Карлсона. Шиза пряталась в своем закутке, и разглядеть ее сквозь шкаф было затруднительно. А выворачивать голову, как на

виселице, чтобы увидеть Золотаря, жертва-доброволица не желала.

— Рано или поздно это должно было случиться.

— Да что — это?!

— Сейчас…

Нависнув над подопечной, Золотарь отобрал у нее «мышку» и кликнул по ссылке, приехавшей от Шизы.

Кудеяр: *Проверили — семь совпадений! Кибердже обещал Велосипу фэйс подправить? Обещал! И подправил. Только не Кибердже. а кто-то другой. Кибер в это время в онлайне сидел я сам по логам чата проверил. Это раз.*

Lupus_est: *Ну и? Мог кого-то вместо себя пустить в чат. Типа алиби.*

Кудеяр: *Он из инет-кафе выходил. Видели его там. нифига не он. еще Кака-демон на Кузнечика гнал. поймаю — дерьмо жрать будешь. Поймали и накормили! только не Кака-демон L*

Petrovich: *точно не он?*

BFG9000: *Точно! Я Каку знаю в реале. Его соплей перешибешь. А Кузнечик — шкаф, семь-на-восемь!*

Lupus_est: *Ну, подговорил кого-то…*

BFG9000: *Ага! В другом городе! Кому он нахрен сдался, чтоб за него подписываться? Тем более, там разборки ваще левые. На такое никто б не подписался.*

Кудеяр: *БФГ все правильно пишет. а вот вам номер 3…*

— Куда вы листаете? Я еще не дочитала!

— А вам интересен их перечень? Вы что, не в курсе ситуации?

— В курсе.

— Лучше глянем, до чего ребятки додумались независимо от нас. Выводы, предположения. А факты… У меня на диске «D» папка с отчетами — обчитаться. Для укрепления нервной системы.

Scroll down.

Кудеяр: *Кароче. в реале завелся какойто псих. может не один. мониторит форумы, чаты, блоги. И мочит кого заказали. Маньячит гад! L*

Lapochka: *Ты это серьезно?*

BFG9000: *Нет, он глазки строит!*

Lupus_est: *Черный Блоггер объявился, гы! J В черной-черной комнате за черным-черным ноутом сидит Черный-Черный Блоггер (негр патамучта J) и черными-черными пальцами колбасит по чернойчерной клаве. Потом берет черный-черный топор и идет*

делать свое черное-черное дело! :-))))

Petrovich: *люпус, я б на твоем месте не прикалывался, да. ты с Астериксом цапался? он тебе бычок в глазу затушить грозился? Остерегись, ага. Черный Блоггер, белый чатланин… кто-то же беспредел творит, да?*

Antique: *Не может это быть один человек! Столько блогов отслеживать, вычислять людей в реале, по разным городам мотаться… А если жертва здоровая попадется? Каратист там… В одиночку не справишься. Их там целая банда, уродов!*

Золотарь прикипел глазами к экрану.

«Что, Антошка? Не угомонился?..»

BFG9000: *Антик прав! Это организация. Им сетевая свобода поперек горла.*

Кудеяр: *Надо архивы поднять! вычислим за что они народ гасят.*

Lapochka: *Ребята, если это правда… смотрите, поосторожнее… Не светитесь. Если Черные Блоггеры поймут, что под них, копают…*

Lupus_est: *Ты не вейся, Черный Блоггер, над моею головой! Черный Блоггер, я нет вой! ;-)*

Petrovich: *статистика нужна. Бум ЧБ ловить.*

Lapochka: *куда милиция смотрит?!*

Antique: *В жопу труда. Мое дело ваще закрыли. L*

Petrovich: *блин, если спецслужбы, ну их нафиг. Меньше знаешь крепче спишь.*

Кудеяр: *Не, вряд ли спецы. По любасику нельзя это так оставлять! А если завтра к тбе придут? отсидимся по норам?*

Foma: *Ну, вычислим. IP пробьем. Дальше что? К ментам идти? Они нас пошлют. Вон, Антика избили — и что? Ничего.*

Кудеяр: *Выложим подборку в инете. везде, куда дотянемся! С фактами и выводами. в прессу сольем. Журналюги ухватятся! это ж сенсация!!!*

Antique: *+1! Кудеяр дело говорит.*

Lupus_est: *Народ, вы на себя со стороны посмотрите! Комикс: «Благородные инет-мутанты ниндзя-черепашки против Черного Блоггера!» :-))) Уве Боллу на экранизацию! Шыдэвр клепать! :-)))*

BFG9000: *Петрович прав. Люпус, хорош прикалываться! Тут дело серьезное. Переходим в приват, чтоб не светиться.*

Lapochka: *А в привате нас не вычислят?*

Кудеяр: *я логи с архивами потру. В приват!*

— И откуда сей крик души, если они архивы потерли?

— Из глубины инетных руд, — Умат крутнулся в кресле, сделав два полных оборота, и ловко затормозил. — «Cached copy», и никаких гвоздей. В них все сохраняется. Три, не три… Ламеры! Я их приват на спор за пять минут взломаю. А я, между прочим, ни грамма не «кул хацкер».

— Конспираторы! — хмыкнула из-за шкафа Шиза.

— Я на минутку. I'll be back!

Рысцой Золотарь припустил в коридор, к туалету. Вроде, пива сегодня не пил, а отлить каждый час тянет! Нервное? Он едва успел расстегнуть ширинку, когда в кармане запиликало, заворочалось, зажужжало. Черт дернул поставить треклятый мобильник сразу на оба сигнала: звук и вибро! Вибрации телефона усиливали давящие позывы.

Чтоб тебя!

Золотарь скрючился — и, придерживая одной рукой виновника торжества (тот грозил начать, не спросясь), второй ухитрился извлечь мобильник.

— Алло!

— Саша, это ты?

— Нет, папа римский.

Бывшая позвонила исключительно вовремя.

— Ты где?

Он едва не ответил в рифму.

— В сортире.

— Вечно у тебя шуточки! А нам, между прочим, не до шуток!

— Кому это — нам?

Не выдержав, он воздвигся над унитазом, вышел на «огневой рубеж», прицелился — и с облегчением зажурчал.

— У тебя течет. Ты что, посуду моешь?

— Нет.

— Труба протекла?

— Это я протёк!

— Да ну тебя! Санечка, беда! Ужасная беда!

— Антошка? Опять?!

Всю физиологию скрутило в узел — мертвый.

— Типун тебе на язык! С Антончиком все хорошо, слава богу…

— Чтоб ты жила сто лет, идиотка!

— Я ж сказала, у нас беда…

— У кого?

— У нашей церкви. У нас мэр землю отбирает!

— Всю? Земной шар?

Потекло, заструилось. Вот ведь дура…

— Золотарь! — трубой архангела донеслось из «котла». —

Чукча объявился!

— Сейчас! Бегу!

— Куда ты бежишь?! Саша! Я же тебе говорю…

— Извини, не могу сейчас! Работа! Срочная!

Он со злостью ткнул в кнопку «отбой». Теперь — смыть. Застегнуть штаны. И ходу — на рабочее место. Чукча, небось, заждался, снег гарпуном роет…

Змейка, по закону подлости, заела.

— Ну где ты там?!

— Иду!

— Идет он, етить-колотить! Сначала «бегу», потом «иду»…

— …в следующий раз будет — «ползу»…

— Ползу, блин!

Змейка наконец сдалась. Он вывалился из туалета, на ходу заправляя в джинсы рубашку. Гадство, забыл помыть руки…

— Ну?! Где?!

Карлсон ответил в рифму.

Chookcha36: *всралисьуже? я еду не сомневайтесь! прячтесь по норам сцуки!*

Шумно втянув носом воздух, Золотарь кивнул с удовлетворением.

— Амбре! Гаже некуда. Наш ход, Рита Евгеньевна. Хамёж по полной программе. Мерзейшая мощь, как у Льюиса. Пусть он взбесится. Не забываем коверкать слова. Знаков препинания не нужно.

— Совсем?

— Совсем. Только смайлики.

Przhevallo: *пидар гнойный надрочи дырку J мы исчо коня приведем тибе понравицца:)))*

— Честно говоря, меня мутит.

— Держитесь, Рита Евгеньевна! Недолго осталось…

— Шибает! Ох, шибает!

— Етить-колотить!

В кармане заорал благим матом стервец-телефон.

— Твою мать! Нет, это не пишите. Я сейчас… Алло!!!

— Саша, ты должен меня выслушать! Нам нужна твоя помощь!

— Всем нужна!

— Саша…

— Я занят! Меня нет!

— Санечка…

— Я умер!

— Ты всегда занят! Ты вечно умер! Потому я от тебя и ушла! Но сейчас речь не обо мне. Саша! Наша церковь… Мы оформили землю под молельный дом. Возле «Металлиста». А теперь мэр ее отбира-а-ает!..

В трубке зарыдали.

— Сашенька! Мы это так не оставим! Господь на нашей стороне!

— Рад за вас!

— Завтра мы собираем пикет у мэрии. В знак протеста…

— Да хоть целый митинг! Я-то при чем?!

— Александр Игоревич! Все ждут вас…

— Ну, у тебя же связи…

— Нету у меня никаких связей!

— Есть…

— Нету! Ничего! Никого! Перезвони мне вечером! Завтра!..

Он чуть не хлопнул телефоном об пол.

— Извините. Моя бывшая. Без крика не понимает.

Chookcha36: *ты уёбище, ты ваще пнимаишь скем говоришь?!!!! ятибя урою в землю на триметра! Хер отрежу врот засуну! ты пнял какты попал козел?!!!*

— Он наш!

— Заговариваться начал.

— Руки трясутся — по клавишам не попадает. Торопится…

— Как фон?

— Растет.

— Соберитесь, Рита Евгеньевна. Набираем: я блять (через «т», без запятых) неадекват. Точка. Я блять… Алло!!!

— Саша! У тебя есть связи, я знаю! Нам нужны журналисты! И с телевидения. Помнишь, тот грузин? Он тебя приглашал…

— Я блять неадекват!

— Еще адвокат. Тоже нужен. У тебя же есть Кот…

— Я блять злой!!!

— Саша?!!

— Хераша! Вы не туда попали!

Короткие гудки.

Przhevallo: *Я блять неадекват. Я блять злой. жил спокоино, никому не срал. и вот блять диггенерату, морально ущемлённому, понадобилось добратьсо и до мну. человек ищет траблов на свою многострадальную жопу. я те обещал достать тя? так вот,*

детка, я тя достану.

Chookcha36: *грыжей не обосрись падла.*

Przhevallo: *пиздить буду пока ссатьсо под себя не начнешь. выблюешь собственную требуху. попомни мои слова.*

— Сейчас! Вот сейчас! Жопой чую…

— Молчи! Не сглазь…

Przhevallo: *я человек мирный, но когда сука достанут вывернусь на изнанку и уничтожу.*

Chookcha36: *Козел ебаный! я приеду и первым делом тебя кастрирую, еблан, Сука ты меня достал. Я ТЕБЕ ПИДАРУ ГОВОРЮ, БУДЕШЬ МОЧИТЬСЯ В ПИПЕТКУ ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ! Я РУКАМИ ДУШИЛ ТАКИХ ТЫ! ТЕБЯ В МОРГЕ РОДИТЕЛИ НЕ УЗНАЮТ!*

— Вброс! — заорал Карлсон, чихая, как от нашатыря.

— Есть!

— Есть!

В углу экрана всплыл прямоугольник конверта. Рита Евгеньевна не успела кликнуть по нему «мышью», как конверт развернулся сам собой, явив лаконичное сообщение:

«Вброс зафиксирован.»

Зазвонил мобильный. К счастью, не у Золотаря — у Чистильщика.

— Алло? Понял. Спасибо.

Сияя, шеф обернулся к охотничьей артели:

— Наши отловили вброс на входе в сеть. Копию удалось сохранить. Поздравляю!

3

— У меня — сын.

— У меня — дочки. Две.

— У меня — кот.

Кот был у Шизы. Сын у меня.

— Хорошие девчонки, — продолжила Рита. — Ну, фифы. Не без того. Комнату убрать — только под палкой. Мальчиков тиранят. К зеркалу не протолкнешься. Станут с фенами, и давай волосы сушить. Гул на всю квартиру, словно в кабине вертолета…

Мы расхохотались.

— Нет, правда, хорошие. Это я так, ревную. Сама избаловала, сама и ревную. К юности, легкости, что ли… Как муравьиха к

стрекозам. У мужчин иначе. Вот у вас, Александр Игоревич? Иначе, да?

— Не знаю, — я скрыл смущение, взяв чашку с чаем. Так берут паузу, забыв текст роли. — Наверное. Во всяком случае, без ревности. Покровительство? Нет, мимо. Опека? Да, пожалуй. Советы ему даю. А он притворяется, что слушает. Славный парень. Ботаник…

— Я знаю.

Она сказала это без всякого нажима. Но мне сразу расхотелось говорить дальше об Антошке. Да, она знает. Биографию, медицинскую карточку, характеристику с места учебы. Что еще? Опрос соседей? Приятелей? Все знает, все.

Забыл, откуда она. Кого попало не пришлют.

Мы задержались на работе. Умат с Карлсоном давно сгинули. Шиза сперва колебалась, а там решила составить нам компанию. В сумочке у Риты обнаружилась початая упаковка чая. «Те гуаньинь», никогда о таком не слышал. Услышав, что этот сорт «худит» — в смысле, полезен для фигуры — Шиза объявила, что никуда не уйдет, пока не выпьет литров пять.

Кот, небось, страдает по хозяйке…

Избитое сравнение — выжат, как лимон. Но я чувствовал себя избитым еще хуже, чем это сравнение. Лимон выжали досуха, уронили на пол, оторвали лапу… Еще и ногами запинали. А для чего? Чтобы какая-то сволочь обосралась «черным шумом»?

— Мельчаем, господа!
Какая там дуэль…
Залезешь в интернет, в журнале сцедишь яду,
Прочтешь: и ты, мол, Брут? Ответишь: я, мол, Яго…
И — плюх, как в никуда,
В холодную постель…

Шиза подняла голову:

— Это ваше?

— Это один мой приятель.

— Меткий у вас приятель, — Рита неприятно улыбнулась. — Снайпер.

— Почему снайпер?

— Да так… Дальше есть?

— Закисли в дураках,
Бухаем, а не пьём
Спешим закончить тост, не дожелав до края,
Ширинку расстегнем у дряхлого сарая,

Сольём ведро пивка,
И каждый — при своём…

— А у меня кот любит спать возле монитора, — вдруг сообщила Шиза. — Я дома сяду к компьютеру, залезу в «нети», включу музон… А Барбос прыг на стол! Растянется у монитора и дрыхнет. Колонки ему в уши орут, а он хоть бы хны! В смысле, хоть бы мяу.

— Говорят, коты любят спать на «плохих» местах, — Рита взяла закипевший электрочайник и подлила воды в заварку. — Рядом с больными. Там, где дурная энергетика. Всем дурная, а им на пользу.

— Ну, не знаю. Мой и со здоровыми спит. Со мной, например, — Шиза встала и сделала сомнительный пируэт. Должно быть, хотела показать, какая она здоровая, и как замечательно с ней спать. — Еще в кресле. Но лучше всего — у монитора. Когда я в «нетях».

— Ты и дома там роешься? — спросил я. — На работе дерьма мало?

— Много. Потому и роюсь. Цветы, пейзажи. Я только фотки смотрю. Без слов. Найдешь галерею орхидей — тычинки, пестики. Лепестки. Хорошо…

— Хорошо, — согласилась Рита. — Если без слов, всегда хорошо. Вот со словами у нас проблема.

— У кого — у нас?

— У людей. Вначале было Слово, а потом — дрыз-з-н-нь! Осколки. В глаз, в сердце, в язык. Разбилось зеркало злого тролля… Что там дальше, Александр Игоревич? У вашего приятеля?

— Здоровье, быт, среда…
Не шашкою сплеча-с —
Бананьей кожурой противника бичуем,
И памятью себя, как водкою, врачуем:
Мол, раньше, господа!..
А раньше — как сейчас.

— А раньше, как сейчас, — повторила Рита. — Жестоко. Недобрый у вас приятель. Это ж надо так — скальпелем, по-живому. Без анестезии…

В коридоре хлопнул потолочный люк. Следом раздался шелест — спуск Бэтмена. И шаги: раз, два, три.

Пять.

— Сумерничаете? — спросил Чистильщик.

— Чаевничаем, — откликнулась Рита. — Тебе налить?

Они на ты? Выходит, притворялись: прошу вас, чего изволите…

— Спасибо, я уже.

— Вы хотите бламанже? Извините, я уже, — мимо нот пропела Шиза. И вдруг сменила репертуар: — К чему нам быть на ты, к чему? Мы искушаем расстоянье. Милее сердцу и уму старинное: вы — пан, я — пани…

Она подмигнула мне: сечешь, мол, фишку?

— Мне пора, — Чистильщик церемонно раскланялся. Как во французском фильме про мушкетеров. — Целую ручки ясным паннам. Мое почтение вельможному пану. Вот ключи.

Я поймал связку на лету и возгордился.

— А вы? Завтра придете, а дверь заперта.

— У меня есть запасные. Всегда под рукой, как верная шпага. Мы, людоеды, народ запасливый…

И мы снова остались втроем.

— Верная шпага, — буркнул я. Настроение испортилось. — А сам шпагу в руки не берет. Боксом увлекся, граф де Ла Фер. Мордобойством. Вместо вжик-вжик — плюх-блям. На шпагу только смотрим. Из холла…

— Это в тебе, Золотарь, самец говорит, — хмыкнула Шиза.

— Какой самец?

— Бета. Зашел альфа-самец, ушел, а бета теперь перед самками хвост задирает. Какашками вслед швыряет. Клыки скалит. Он, значит, боксом, а ты? Настольным теннисом?

— Ага, — мне вдруг стало смешно. — Пинг туда, понг сюда. С Додиком стучу по-маленькой. Если что, я врагов ракеткой. Топ-спин по морде, и ваших нет!

— Наших нет, — повторила Рита. Голос ее сел, как после двух порций мороженого. — Говорите, Вадим шпагу не берет? Вы что, не в курсе? Потому что если в курсе, то вы…

Нахмурясь, «кобылка» закончила вполне по-мушкетерски:

— Подлец вы, и все тут.

— Не в курсе он, — вмешалась Шиза, видя мое лицо. — Что за наезды, Ритуля?

— Извините, Александр Игоревич. Ради бога, извините.

— Да ну… ерунда какая…

Шиза криво ухмыльнулась:

— Ладно, голубки. Вы посплетничайте, а я на кухню. Бутербродиков состряпаю. А то у нас, как в плохой пьесе. Диалоги, понимаешь. Вот я и вернусь: «Кушать подано»!

— Любишь театр? — заинтересовался я.

— Ненавижу.

И удалилась походкой королевы в изгнании.

* * *

А было так.

Поссорились однажды Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Как у Гоголя, только еще глупее. Они даже видеть друг друга никогда не видели. Если не считать юзерпикчерз: у Ивана Ивановича — анимешный демон, у Ивана Никифоровича — волк из мультфильма «Ну погоди!». Что ж, демон так демон, волк так волк.

Много ли надо для ссоры?

Из-за чего полыхнуло — можно посмотреть в архивах. Докладная записка за июнь 2007, виртуальный возбудитель зафиксирован охотником Баритсу. Кто-то выставил чье-то фото, кто-то возмутился, сказал про кого-то, что он такой-то, в ответ услышал — сам, мол, сякой-то, нех залупаццо…

Слово за слово — полетели осколки.

— Если вы, уважаемый Иван Иванович, ещё не передумали насчет дуэли, — сказал, вернее, отстучал по клавишам Иван Никифорович, — то я готов с вами встретиться и обсудить употребление слова «мудак» и его синонимов.

— Клево, — отметили комментаторы. — Развлекуха.

— Я в июне буду в вашем городе, — ответил Иван Иванович. — С удовольствием пообсуждаю вопросы филологии и лексики.

— Сообщите в приват, — предложил Иван Никифорович, — как удобнее встретиться.

— Такие пиздуны, — отметили комментаторы, — на реальном базаре сливаются J

— Договариваемся о времени и месте сейчас, — уточнил Иван Иванович, — либо вы даете мне свой телефон, и созвонимся. По мне, лучше первый вариант. Брать с собой приятелей или нет — дело ваше. Я приду один. Не хочу знакомых беспокоить. Да и добром это не кончится.

— Как это один? — забеспокоились комментаторы. — Низачот.

— Договорились, — согласился Иван Никифорович. — Ориентировочно среда-четверг во второй половине дня.

— И мы! — вскрикнули комментаторы. — Мы — секунданты! И имя нам — легион!

— К моему большому сожалению, — разочаровал их Иван

Иванович, — приехать в июне у меня не получится. Это не означает, что дуэль отменяется. Переносится, и только.

— Говнюк, — опечалились комментаторы. — Чмо L

— Кем считать человека, зассавшего приехать на дуэль? — риторически спросил Иван Никифорович. — А сколько было гонору и пафоса! За базар надо отвечать, мудила.

— Гыгыгы, — рассмеялись комментаторы. — Очереднога залупиле.

— Я в ярости, — продолжал Иван Никифорович, ободренный поддержкой масс. — Хочу кого-нибудь убить. Этот трусливый урод слил дуэль. Блин, я бы усрался, смешивая его с говном, если бы не надежда на честную схватку.

— Засунь свой говноязык, — обиделся молчавший три дня Иван Иванович, — себе в свою вонючую неподтертую жопу, пожалуйста, поганый ты тролль. Ты подписал сам себя. Хули нарываешься, сука? Посажу на клинок, будешь кровью ссать. Жди, еду.

— Где? — возопили комментаторы. — Когда? Мы придем с фотиками…

Им не повезло. Когда в дверь квартиры Ивана Никифоровича позвонили, рядом не было никого с фотоаппаратом. «Здравствуйте, — сказал высокий мужчина, стоя на пороге. Он глядел на Ивана Никифоровича так, будто они служили в одном гусарском полку. — Мы договаривались насчет дуэли. Сольете или как?»

И выразительно дернул плечом, на котором висел фехтовальный чехол.

Иван Никифорович не был трусом. Напротив, он был одним из ветеранов клуба «Варяг». Историческое фехтование числилось его главным увлечением. Без лишних разговоров дуэлянты плечом к плечу вышли из подъезда, сели на автобус и уехали в Лесопарк. Там, за Мемориалом, Иван Иванович достал из чехла две спортивные шпаги.

— И только? — опечалился Иван Никифорович.

— Вам недостаточно?

— Почему? — Иван Никифорович внимательно осмотрел шпагу. — Вполне. Долго делали?

— Не очень.

Шпаги оказались заточены на концах и по кромке.

— Это реально вы? — на всякий случай поинтересовался Иван Никифорович. — Не подстава?

— Вы тоже не очень-то похожи на своего волка, — рассмеялся Иван Иванович. У него был уверенный бас. Таким хорошо петь романсы. — Проверьте меня. Хотите, процитирую нашу

переписку? Я ее слово в слово заучил. Хотите, расскажу о себе? И вы, удовлетворившись, пойдете домой с видом победителя. Так, что ли?

— Нет, не так. Защищайтесь!

Не прошло и трех минут, как шпага Ивана Ивановича вонзилась в низ живота Ивана Никифоровича. Лопнула «молния» джинсов. Кровь потекла не сразу. Сперва Иван Никифорович охнул, зачем-то хлопнул своим оружием по плечу противника — как в рыцари посвятил — и встал на колени.

— Врача, — попросил он. — Вызовите «скорую».

— Я же сказал, что кровью ссать будешь, — ответил Иван Иванович.

И замолчал.

Он стоял над Иваном Никифоровичем и с изумлением озирался по сторонам. Казалось, все явилось ему впервые — деревья, поляна, незнакомый парень у ног… Шпаги. Зачем шпаги? А, вот зачем… Иван Иванович сломал свою шпагу об колено, укрепил рукоять в корнях дерева — и без лишних слов упал на обломок.

Их спасли. Обоих. Мимо бежали кросс альпинисты из клуба ХАИ — увидели, позвонили в «скорую», вызвали милицию. Пока ждали, перевязали, как могли. Иван Никифорович довольно быстро вышел из больницы. «Отделался легким испугом, — сказал хирург — Не петь нашему Фаринелли дискантом.» А Ивану Ивановичу не повезло. На ноги его подняли, но лишь затем, чтобы перевести в психиатрическую лечебницу.

Навязчивое стремление к суициду.

Под следствие он не попал — Иван Никифорович, добрая душа, отказался писать заявление. Следователь давил, настаивал — нет, ни в какую. Просто тренировались. Несчастный случай, бывает.

Претензий не имею.

Спустя четыре месяца, осенью, в лечебницу к Ивану Ивановичу явилась посетительница. Дама средних лет — не жена, не родственница, не с работы. Случился разговор. Дама стала приходить чаще, буквально каждый день. Носила какие-то справки, записки. Часами они просиживали за ноутбуком, копаясь в инете. Спорили, соглашались; врачи отмечали улучшение.

В декабре 2007-го Ивана Ивановича выписали.

А в январе 2008-го было зарегистрировано частное предприятие «Авгикон».

* * *

— С тех пор он не фехтует. Мастер спорта, медали, турниры. Шпага — его конек. И вот… Подглядывает из коридора — как импотент за женой с любовником. А вы…

Я развел руками:

— Виноват. Понимаю, это глупо звучит. И тем не менее. Виноват.

— Глупости, — отрезала Рита. — Ни в чем вы не виноваты. Просто лучше, если вы будете знать. И не вздумайте его жалеть! Этого только не хватало. Он вам голову оторвет за жалость. Такой характер.

— Голову — это да. Одной левой. У Чистильщика есть семья?

— Была. Жена развелась с ним, когда он еще лежал в больнице. Сын живет отдельно, со своей семьей. С отцом встречаться отказывается. К внучке не подпускает.

— К внучке?

— А что вас удивляет? Вадим Петрович — ваш ровесник. У него в прошлом году родилась внучка Машенька. Это так странно, да?

— Нет, ничуть…

Честное слово, я возликовал, услышав дверной звонок. Продолжать разговор не было ни сил, ни желания. Выскочив в коридор, как ошпаренный, я поймал себя на желании убежать. Открыть дверь, кинуться вниз по лестнице, вылететь на улицу…

— Добрый вечер, — поздоровался высокий мужчина.

Чувство «дежа вю», острое, как спортивная, заточенная «на коленке» шпага, воткнулось под ложечку. Сейчас этот дылда скажет: «Мы договаривались насчет дуэли…» — и добавит неприятным, ломким тенорком:

«Я руками душил таких, как ты! Тебя в морге родители не узнают!»

— Добрый… э-э…

— Рита Евгеньевна здесь?

— Здесь.

— Можно ее?

Господи, нельзя же так! Нельзя так быстро! Вброс был каких-то три часа назад. И вот Зараза нажралась «черного шума», встрепенулась, подобрала исполнителя, импицировала, отослала по адресу… Успела, сволочь. Подсуетилась.

Что делать? Драться? Звать на помощь?

«Не рыпайся, Золотарь, — мелькнула гаденькая мыслишка. — Ты-то здесь при чем, консультант? Не на тебя крокодила ловят. Напишешь потом докладную записку…»

— Я уже иду, Черный.

Рита стояла у меня за спиной.

— Ага, — кивнул дылда Черный. — Я внизу жду, у машины.

— Натэлла с тобой?

— Со мной. Злая, как собака.

— Опять курить бросает?

— Ага.

— Вас подвезти? — Рита еле сдерживала смех, любуясь моей физиономией.

— Да. Если есть свободное место.

— Найдем.

За физиономию мне стыдно не было. В отличие от.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПРОИЗВОЛ СЕРДЦА МОЕГО

Да не будет между вами корня, произращающего яд и полынь, такого человека, который, услышав слова проклятия сего, похвалялся бы в сердце своем, говоря: «Я буду счастлив, несмотря на то, что буду ходить по произволу сердца моего…»

Второзаконие, 29

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
ЗАГАДКИ СФИНКТЕРА

1

Запах хлорки едва ощущался. Надо было принюхиваться, чтобы его уловить. Скажи кто раньше, что я стану получать удовольствие от больничных парфюмов… На смех бы поднял. Но после амбре, что прет из сети, и нашатырь — майская сирень! Вот, сижу, наслаждаюсь…

— Шурка? Какими судьбами? Болеешь?

От дружеского хлопка Натэллы меня уносит в стену. Еще бы, при ее-то габаритах! Центнер с гаком живого веса. И не приведи Господь повздорить с этим центнером! Имел я счастье наблюдать, как шустрит наша милая бегемоточка. Торпеда! Дурак Карлсон от избытка чувств хлопнул ее по заду, вот и пострадал.

Хотя зад Натэллы — это да. Это вещь.

— С работы направили. Плановый осмотр.

По легенде мы с Натэллой — старые знакомые. Давно не виделись. И нате-здрасте — Штирлиц с Матой Хари случайно встретились под сводами клиники. Мультик такой был: «Шпионские страсти». Черно-белый. Я в детстве бегал в кинотеатр «Хроника» — раз пять смотрел, за двадцать пять копеек.

Как знал, что придется участвовать.

Умом понимаю: игра идет всерьез. Ошибемся — Рита схлопочет по полной программе. Не зря Натэлла с Черным здесь ошиваются. Понимаю, а до конца поверить не могу. Пока на Риту имп не кинется — до тех пор и не поверю…

Типун мне на язык! И на мозги.

— Плановый? Тогда еще ничего. Болеть — последнее дело!

— Ага…

— Бабла на врачей уходит! Вагон! А на лекарства?

— Чья бы корова…

— Что?!

— Натуся! Тебя ж хоть сейчас — в олимпийскую сборную! Ядро толкать…

— Сам толкай. Мне справку, — Натэлла сменяет гнев на милость. — Для бассейна.

— Следующий!

Это в четвертый кабинет. Из приоткрывшейся двери в коридор протискивается лохматый парень, на ходу застегивая

рубашку. Его приятель, ожидавший на стуле, подается навстречу, извлекая из ушей «ракушки» плеера.

— Годен?

— А хрен его знает! Ничего не сказал.

— Совсем?

— Ну! Записал что-то и в шестой отправил. Где тут шестой?

— За углом. Сиди здесь, там все равно очередь.

В шестом, у окулиста, я уже побывал. Таблицы с буквами: закройте правый глаз, закройте левый глаз… Давайте закапаем атропинчику. Ничего особенного.

— Следующий!

— Да-да, иду, — Рита торопливо прячет зеркальце в сумочку.

Прежде чем запустить Риту в освободившийся кабинет, Черный заглядывает внутрь. Изучает обстановку. И кивает: можно. Любящий муж. Волнуется за жену, которую направили на медосмотр. Пришел за компанию, морально поддерживает.

Легенда не хуже любой другой.

Я до сих пор не выяснил: Черный — это фамилия или прозвище? Зовут дылду Володей. С момента «вброса» Рита прописалась у нас в «нижнем котле». Ходила в «Авгикон», как на работу. Черный с Натэллой, сменяя друг друга, дежурили снаружи и внутри.

За две недели перезнакомились.

Внешники тоже не сидели сложа руки. По словам Чистильщика, они «построили» всех провайдеров в городе. Кто не хотел строиться — встал углом. Любой подозрительно резкий всплеск траффика отслеживался самым тщательным образом. Отловить «выброс» в реальном времени и скопировать для анализа никто особо не надеялся. Задача была иная — определить круг возможных импицированных.

Представляю, как вспотели господа сисадмины! Ищи иголку в стоге сена! Выслеживай получившего дозу импекции среди любителей порнухи, разговоров по скайпу, меломанов и ловцов гипер-аттачей!

Времени-то в обрез.

На сегодняшний день, после отсева, осталось семнадцать подозреваемых. Всех их под разными предлогами собрали в поликлинике. Медосмотр, как я понял, — не главное. Энцефалограмма и коленный рефлекс вряд ли что-нибудь покажут. Просто «ловля на живца» вступила во вторую стадию.

Меня Чистильщик отправил «на усиление». В качестве собаки.

— Вам все равно на осмотр, — заявил шеф. — Вот и совместите…

— Неприятное с бесполезным?

Реплику Умата Чистильщик проигнорировал.

— Считайте, что идете на задание. Только, ради бога! Не лезьте воевать! Ваше дело — унюхать импа. Тогда подадите знак Натэлле с Володей. Дальше — их забота. Поняли?

— Так точно, герр оберштурмбанфюрер! Если не вернусь, прошу считать меня коммунистом!

— А если вернетесь?

— Тогда — беспартийным!

Вот, сижу. Нюхаю.

— …Следующий!

А это уже меня.

2

Доктор смахивал на молодого Джона Леннона. Круглые очки, овал лица, узкий нос… «Битловская» прическа усиливала сходство. Сейчас достанет из шкафа гитару и запоет «Yesterday». Или предложит курнуть травки. А белый халат — это так, по приколу…

— Давайте вашу карточку и раздевайтесь. До пояса.

Леннон подумал и уточнил:

— Сверху.

Видимо, ему уже попадались тупые.

— Дышите. Глубже. Задержите дыхание… Повернитесь спиной. Дышите…

Металлический раструб фонендоскопа неприятно холодил кожу. Золотаря посетила мысль, достойная параноика: врач через «трубку» подслушивает его мысли.

— Одевайтесь. Присядьте сюда. Левую руку на стол. Закатайте рукав. Выше…

Давление оказалось в норме: 120 на 80. Таких берут в космонавты! Леннон сделал запись в потрепанном журнале, затем — пометку в карточке, и протянул ее Золотарю.

— Идите в третий. На энцефалограмму.

Золотарь уставился в карточку. В конце чистой графы появилась цифра «3». Выше, напротив предыдущей цифры «5» — размашистая «галочка». И больше ничего.

— Спасибо.

— Не за что.

— До свиданья.

— Следующий!

Возле пятого кабинета ждала своей очереди пышная дама. Шиньон, бюст, макияж. За руку дама крепко держала девочку лет

девяти. Форменное школьное платьице — Золотарь давно таких не видел.

— Вы представляете? Безобразие!

Он не сразу сообразил, к кому обращается дама.

— Заставили мою Лидочку проходить медосмотр со взрослыми! Я им: да как можно?! Там же другие врачи! Другой подход… Есть же детская клиника! А они уперлись — и все. Хоть кол на голове теши! Или проходите — или забудьте о летнем лагере! Настоящий шантаж! И главное — из всех деток одну Лидочку сюда направили! Больше никого…

— Действительно, безобразие, — вяло согласился Золотарь.

— Я им этого так не оставлю! Я им…

Дама благоухала «пряностями Востока». Девочка — фруктовым шампунем.

А может, все зря? — подумал Золотарь. Может, нет здесь никаких импов? Просчитались компьютерщики. Не было «выброса». Или был, но его не засекли. Девчушку на обследование потащили, идиоты! Вон дед сидит — сто лет в обед, с орденскими планками… Какие из них киллеры?! Внешники подчиненным хвосты накрутили, а те и рады стараться.

Заставь дурака богу молиться…

Может, импицированные ничем не пахнут до последнего момента — пока не набросятся на жертву? Что, если существует еще один импульс — инициирующий? «Вброс» закладывает программу. Как мину с радио-взрывателем. Человек живет, ни о чем не подозревая. В нужный момент — краткий толчок, который не отследишь… А до того — никаких патологий. Хоть нюхай, хоть в задний проход заглядывай.

Он улыбнулся дамочке:

— Вот так срочно? С занятий сорвали — и в поликлинику?

— Срочно! С контрольной по математике!

— Да что вы говорите!

— Вот-вот! Чтоб им так срочно в сортир бегать…

Лидочка хихикнула в рукав. По поводу пропущенной контрольной у девочки имелось свое мнение, отличное от маминого. Заметив, что на нее смотрят, она поспешила вернуть на лицо постную мину.

Мина.

С радио-взрывателем.

— Сочувствую. Что хотят, то и творят!

— Я буду жаловаться! В районо!

— Чада наши тоже хороши. Мой у компьютера — днем и ночью.

— И ваш тоже? — дама расцвела. — Вот и Лидочка так! Нет,

я понимаю, без компьютера детям сейчас никуда… Мы и купили. Теперь ее от экрана за уши не оттащишь!

— Да ну?

— То в игры играет, то в интернете сидит. С подругами в этих… в чатах. Беда просто! За уроки не загонишь…

Золотарь присел перед девочкой на корточки.

— Скажи, Лидочка… А ты файлы с инета скачивать умеешь?

Лидочка фыркнула с презрением:

— Это даже первоклашки умеют! А я уже в четвертом.

— Мультики качаешь?

— Ага! И музыку, и картинки всякие красивые. И программы-рисовалки. Такие, где можно рисовать, а потом прокручивать, как в кино! Одна «Супер-Гу» называется, а вторая… Забыла.

Антошка этой «Супер-Гу» баловался, пока не надоело. Нет, не то. У «Супер-Гу» инсталляшка легкая, скачка не даст…

— Ты недавно что-то большое качала, верно? Не мультики, не картинки…

Девочка потупилась.

— Что, Лида? Ну скажи, что?

— Фильм… Ленка мне по аське адрес скинула. Он на эфтипи лежит. Ленка сказала — фильм классный. «Страна приливов» называется. Про девочку.

Вот вам и всплеск траффика, дорогие мои сисадмины! Какого черта гнали девчонку в поликлинику?!

— Точно про девочку? — вмешалась бдительная мамаша.

— То-о-очно…

— Не ужасти, как в прошлый раз?

— Не-а… я про девочку. Ленка смотрела, а я не успела…

Слова дочери мамашу не убедили.

— А вы этот фильм случайно не знаете?

— Знаю.

— Он действительно про девочку?

— Про девочку. Как у нее были мама и папа.

— Слава богу!

— Я же говорю: были. Мама умерла от наркотиков. Девочка обрадовалась…

— От дура! — подал голос ветеран с орденами. — Мамка гикнулась, а ей хихоньки!

— Теперь она могла есть мамин шоколад без спросу. Папа у нее тоже на игле сидел. Дочка ему героин готовила, уколы делала… А папашка в итоге возьми, и загнись. Рядом соседка жила, со странностями — из трупов мумии делала. Вот из папы и сделала. Девочка с мумией разговаривала, как с живым. Еще у соседки был сын. Девочка с ним подружилась, а он все мечтал

поезд под откос пустить.

— Поезд? — одобрил ветеран. — Это дело. Помню, в 43-м, на Крулевщине…

— Зачем? — ахнула дама.

— Мол, поезд — это большая акула. Она на меня охотится, а я на нее.

— Пустил? — живо заинтересовалась Лидочка.

— Пустил.

— Из базуки?

— Нет. Динамит под рельсы подложил.

— Хорошая картина, — ветеран подкрутил седые усы. — Жизненная.

— Я тебе руки-ноги вырву! — с дамы слетел весь лоск. Управдомша поперла наружу, снося преграды цивилизации. — Я тебя ремнем! По заднице! Ах ты дрянь!

— Ма-а-а…

— Про девочку, да?! Я тебе дам «про девочку», зараза!

— Я больше не буду…

— Я отцу скажу! Он тебя, как сидорову козу! Как бог черепаху!

— …нико-о-огда-а…

Взбешенная мамаша замахнулась. Дочка вжалась в стену. К счастью, дама вовремя вспомнила — рядом люди. Все флаги в гости к нам…

— Я тебе покажу фильм! — зашипела она, понизив голос. Больше всего на свете ей хотелось уволочь дитя в укромный угол, где и приступить к воспитательным мерам. — Неделю на жопе сидеть не сможешь! Мерзавка мелкая! Извращенка!

— Ма-а… я сотру фильм…

— Сотрешь! Языком вылижешь! Ну что с ней делать? — дама простерла холеные руки к Золотарю, ища сочувствия. — Сочинение им в школе задали. «Моя любимая книга». И знаете, про что *эта* написала?! Про какого-то Кинга! Как мужик на необитаемом острове сам себя съел! Руку отрезал — съел. Ногу отрезал — съел. Ужас! Меня в школу вызывали. Спрашивали: она у вас нормальная?!

— Ма, я нормальная…

— Следующий!

— Ой, это нас! Лидка, быстрей! Дядя доктор ждет…

В дверь выглянул эскулап с «айболитской» бородкой клинышком. Седенький, румяный. Он не подозревал, что спас дитя от неминуемой расправы.

«Слава, слава Айболиту! Слава добрым докторам!»

— Вы в третий?

Из соседней двери выглядывает бравый крепыш. «Ёжик», мятые уши, рожа скоро треснет. Типаж! Сменять белый халат на «адидас», золотую цепь на шею — и на братковскую разборку.

Медбрат? Санитар?

— Да.

— Заходите. Вы на энцефалограмму?

— Наверное…

— Прошу!

Браток делает приглашающий жест. Халат распахивается на груди. Как в воду смотрел! — вот и златая цепь. Я неуверенно поднимаюсь — и едва успеваю отскочить. Мимо проносится живая торпеда, слегка зацепив меня.

Это для Натэллы — слегка.

— Доктор, родненький! Мне справку!

— Какую?

— Для бассейна! Вы же видите: я совсем-совсем здоровая!

В самое темечко. Здоровенная! Переигрывает красавица. Ей бы за Ритой приглядывать, а она по коридорам шурует. Или ей на самом деле справка требуется? Браток ахает от душевного потрясения: «Мой любимый цвет, мой любимый размер!..»

Сорок восьмой, растоптанный.

Пока он млеет, Натэлла успевает заглянуть ему за спину — в кабинет.

— Увы, — страдая, выдыхает браток. — Я справок не даю.

— Ой, жалко!

— Вам в одиннадцатый… А что вы делаете сегодня вечером?

— В бассейн иду, доктор!

И Натэлла уносится прочь.

— Тогда вы заходите, — грустит браток. — Если уж так…

Захожу.

— Верочка! Сделайте замеры и подготовьте шлем! А вы присаживайтесь.

Вот-те на! А я-то его в медбратья…

Из-за ширмы выпархивает фея в пеньюаре. Пока я, сопя, восхищаюсь, фея сноровисто обмеряет мою голову. Был бы поэтом, сказал: бабочка кружит вокруг цветка! Был бы документалистом, уточнил: вокруг чертополоха.

— Вам энцефалограмму делали?

— Нет.

— Ознакомьтесь. Давайте вашу карточку. Я пока журнал заполню.

«Согласие пациента на снятие электроэнцефалограммы». Вот даже как? А если не соглашусь? Врач… ФИО… браток, значит, Вениамин Борисович? «Ты помнишь, Веня, какое было время? Ты помнишь, Веня, Революция была? Сначала сдуру перебили всех евреев, потом из пушки жахнули в царя!..» Технические средства… Оборудование фирмы EGI… Электроды… Программное обеспечение… Гарантируется отсутствие побочных эффектов… Подпись тестируемого…

Проверено, мин нет.

— Разрешите ручку?

— Да, пожалуйста. Верочка, что там у вас?

Оказывается, Верочка уже давно летает за ширмой. Полет феи сопровождался звяканьем и щелчками.

— Все готово, Вениамин Борисович!

— Прошу вас.

Нет, это не кресло. Это противоперегрузочное ложе для космонавтов.

— Располагайтесь. Садитесь глубже. На подголовник не откидывайтесь. Держите голову прямо. Верочка нанесет гель для лучшего контакта. Потом сможете вымыть голову — у нас есть ванная комната. Верочка, приступайте. А я проверю настройки…

Окна задернуты черными шторами. На стенах — звукопоглощающие панели. На потолке — бестеневые лампы, как в операционной. Включенные в четверть накала, они дают мягкий, рассеянный свет. Если не глазеть на потолок — кажется, свет идет отовсюду. Даже воздух флюоресцирует.

Кабинет доктора Калигари?

Рядом с креслом — монитор компьютера. Сейчас его перекрыл широченной спиной Вениамин Борисович, колдуя над программой. Верочка изображала парикмахершу: разбирала мне волосы на пряди, смазывала гелем с ароматом лаванды… Потом взялась за электродики. Два — за ушками. Два — к уголкам глаз. И еще сладкая парочка — к правому глазику, сверху и снизу. Чтоб я так знал, почему к правому — два, а к левому — ни одного…

В финале добрая фея украсила мою голову короной — сеткой с целым ворохом электродов. От них за ширму тянулись пучки разноцветных проводов. Довольно мурлыча, Верочка взяла деревянную палочку — и опять стала копаться у меня в волосах.

Будто вшей искала.

— Вы левша или правша?

— Правша.

— А ближайшие члены вашей семьи?

— Правши. Кроме дедушки Сени. Это важно?

— Да. Откиньтесь на подголовник. Вот так, аккуратненько…

Прогоним тестовую серию — и приступим. Смотрите на экран. На нем будут быстро мелькать фрагменты предложений. Старайтесь их прочесть и запомнить. Когда возникнет вопрос — отвечайте «да» или «нет». На основании того, что успели запомнить. Под правой рукой у вас — кнопка «да». Под левой — «нет». Все понятно?

— Вроде, все…

— Внимание на монитор. Начинаем!

Навалилась сонная расслабленность. На экране мельтешили огрызки фраз. Вопросы типа: «Подарил ли любящий брат верной жене самовар?» Я от фонаря нажимал то «да», то «нет». Я. Аз есмь. Такой себе мелкий аз. Прыщ эволюции. Много воды, как в тексте графомана. Кучка химии. Горсть нейронов в черепной коробке. Шебуршат, совокупляются. Выделяют мыслительную слизь. Типа Верочкиного геля. Слизь лезет через поры наружу. Волосы жирные, лоснящиеся. Как от бриолина.

Не волосы — провода.

Красный — злость. Синий — страх. Черный — гнев. Сиреневый — восторг. Серый — апатия. Желтый — удивление. Голубой — равнодушие. Коричневый — усталость. Пурпур — ужас. Текут провода, гудят провода, уходят за ширму.

«Обнаружено новое устройство!»

Ага, это я.

Черный шум — я. Красный шум — я. Серый, желтый, синий — я. Шумим, братцы, шумим. Бегут кривые по экрану. Углы, синусоиды. Мы-то думали — там, в заэкранье, вырастут дворцы. Мечтали — станем Роландами, Ланселотами, Аполлонами. А стали чукчей № 36 и Нанохреном. И вышло, что тут — плоско. Серо. Скучно. Синусоиды да углы. Чем площе, серей и скучней здесь, тем больше, тем страстнее хочется, чтобы там — ого-го…

За что ненавидишь брата своего, Каин?

За то, что живу, как он, Господи.

Доктор Калигари посылал сомнамбулу убивать своих врагов. Бездумного, покорного исполнителя. Пока в ящике лежала кукла, изображающая сомнамбулу, оригинал крался по ночным улицам. Проникал в спальни. Заносил нож. Не зная, что делает; не помня, что сделал. Черт возьми, доктор Калигари хотя бы заботился о своей сомнамбуле. Равнодушие Заразы к судьбе исполнителей, выполнивших миссию, ужасает больше, чем забота доктора-маньяка…

Да?

Нет?

Нет красок. Нет звуков. Черно-белый, немой фильм: «Кабинет доктора Калигари». Снятый без малого сто лет тому назад.

Перевертыш, утверждающий в финале: вы все — душевнобольные. Убийцы и убитые, живые и мертвые; разоблачители и жертвы. Ваш мир — психиатрическая клиника. Где директором — очкастый доктор Калигари.

— …Ну, вот и все.

— Уже?

— Понравилось?

— Да.

— Хотите повторить?

— Нет.

— Кнопки можете больше не нажимать. Давайте в ванную — и на выход. Карточку не забудьте.

4

— Боже мой! Волосистая лихорадка Зоммера!

Истеричный вопль ударил в спину.

— Стопроцентный летальный исход! В карантин, немедленно! Вы обречены! Но я не дам вам заразить других!

Сердце ёкнуло. Что за чушь?! Золотарь обернулся, но горлопан был начеку — и снова юркнул ему за спину.

— Не оборачивайтесь! Не прикасайтесь ко мне! Даже не смотрите на меня!

Второй поворот, и Золотарь обнаружил перед собой Кота.

— Купился! — заржал адвокат. — Эй, народ! Где аплодисменты?

Народ жидко захлопал.

— Идиот, — резюмировал Золотарь. — Клинический.

Друг детства шутовски раскланялся.

— Что ты здесь делаешь?

— Стреляли… В смысле, послали. Я шефу — какой медосмотр, в натуре?! Рабочий день йок, время пиво пить! А он меня по адресу. И сюда, и вообще. Я и пошел. А чё делать? Не, ну пивка мы, ясен пень, накатили по дороге…

Судя по густому «выхлопу», накатил Кот от души.

— Что это еще за лихорадка Зоммера?

— *Волосистая* лихорадка Зоммера! — Кот воздел руки к потолку. — Типичный случай. Дамы! Барышни! Леди! Одолжите зеркало преуспевающему юристу!

— С радостью!

Натэлла — ясен пень, как сказал бы адвокат — успела первой.

— Яков Моисеевич Зоммер, — нудным тоном лектора

затянул Кот, — заслуженный юрист Украины и мой непосредственный начальник, лыс как колено. Но для лихорадки, возникающей при общении с ним, характерны вот такие симптомы!

Он сунул зеркальце Золотарю под нос.

Из зеркала глядел панк. «Ирокез»? — нет, «дикобраз»! Волосы после феиного геля стояли дыбом, гребнем, девятым валом. Как и не мылся… Зеркала в ванной не было. Зато фен нашелся.

— Блин…

Глядя на сконфуженного Золотаря, басом захохотала Натэлла. А парни — лохматый и меломан с наушниками — заржали молодыми жеребятами. Кот от души наслаждался произведенным эффектом.

— Таких в наше время стригли, — хрипло буркнул ветеран. — На улице поймают — и ножницами! Или руки за спину, и в парикмахерскую. Машинкой — под ноль!

— Кто в первый кабинет?

— Я! Я в первый! — встрепенулся Кот.

И нырнул в открывшуюся дверь.

Вот так всегда, с обидой подумал Золотарь. Нашкодит и удерет.

— А по твоему делу в Новосибе работают! Я не забыл! — румяная физиономия адвоката высунулась наружу. — Старик, все будет тип-топ! У нас как в аптеке! Пацан сказал — пацан сделал!

Все. Сгинул.

— Стригли? Это ж беспредел, — лохматый волком уставился на деда. — За такое западло в репу дают…

— Беспреде-е-ел! — передразнил его ветеран. — Западло! Нахватались словечек у зеков! Из жизни зону сделали! В мое время порядок был. Это сейчас — беспредел.

— Порядок? Вертухаил, дед? Признавайся!

— Закрой пасть, сопляк!

— На вышке, да? Политических расстреливал?

— Я на танке воевал! Из плена бежал!.. партизанил!

— На Таньке ты воевал, — буркнул меломан. — Без штанов.

— Молчи! Гаденыш…

— Бежал он. Он от Гитлера ушел, и от Сталина ушел… Колобок.

— Ты! — ветеран захлебнулся. — Ты… сволота…

Дед встал. Он вставал долго — кряхтя, боясь потревожить колени, с трудом разгибая спину. В этом не было ничего смешного. Старик, инвалид, одной ногой в гробу, он вставал — страшно. Золотарю даже почудилось, что ветеран с успехом добрался до парня, взял за грудки — и об стену, молча, с

размаху…

Знакомой вони не чувствовалось. То ли дед при всем его праведном гневе не был агрессивен, то ли это была какая-то другая, стерильная агрессия. Без запаха. Не один Золотарь уловил странность. Между ветераном и парнем, который тоже вскочил со стула, изобразив какое-то подобие боксерской стойки, образовалась Натэлла. Грандиозная, безмятежная, она повела крутым бедром, и парень вернулся на прежнее место.

С треском.

— Ой! — бегемоточка развела руками. — Я такая неуклюжая…

Левая ручка Натэллы мелькнула в опасной близости от лица меломана. Тот побледнел. Пожалуй, он с большим удовольствием попал бы под грузовик.

— На вашем месте я бы извинилась, молодой человек.

— Это я? Это мне извиняться?

— Вам, — грудь-балкон нависла над упрямцем. — Вежливость украшает.

— Ну, дед… Ты, значит…

Парень скис и завершил мысль:

— Не сердись. Я ж не со зла. Сократили меня. Вот.

— Спасибо, дочка, — вдруг сказал ветеран. Усы его поникли, задор исчез. — Помру я скоро. А все воюю. Не навоевался, дурень. Спасибо тебе.

И левый ус не выдержал — завился винтом:

— Видная ты баба. Золото. Эх, где мои годочки!..

5

— В детстве писались?

— Да.

— До какого возраста?

— Не помню.

— Вспомните. Постарайтесь.

— А до какого возраста дети писаются?

— Это я у вас спрашиваю!

— Пишите, до трех лет.

Психиатр был похож на Фрейда. У нас в доме напротив, одинокая дама держит американского бульдога. Кличка — Фрейд. Характер — нордический. В смысле, невменяемый. Бочка на кривых ножках. Одна, но пламенная страсть — вцепиться в глотку. Хоть бы чью. Особая ненависть — к рослым, длинноногим кобелям.

Не один доберман пострадал за свой экстерьер.

— Мысли о суициде посещали?

— Нет.

— Уверены?

— Да.

Могучий торс. Лапы карлика-геркулеса. Плечи Атланта. Сизая щетина на брылях. Надбровные дуги неандертальца. Тени великих за спиной. Юнг, Ломброзо, папаша Зигмунд. Кто там еще? Карнеги?

Остап Бендер?

— Депрессивные расстройства?

— Нет.

— Отвечайте громче.

— Нет!

— Неврозы? Психозы?

— Это вы у меня спрашиваете?

— Я. У вас.

— Нет.

— На учете состоите?

— Где?

— Значит, не состоите…

Фрейд решительно был чем-то раздражен. Его раздрай передался мне. Он сверкал глазками — и я. Он сопел — и я. Он придвигался ближе — и я не отступал. Он ерзал стулом по линолеуму — и я качался с пятки на носок. Два пса кружили друг вокруг друга — принюхиваясь, ворча.

Вопросы больше не казались мне идиотскими. Смысл сказанного исчез, отдалился. Осталось лишь звучание. Краткий рык — нутряной, злобный.

И — рык в ответ.

— Транквилизаторы принимаете?

— Какие?

— Феназепам. Реланиум.

— Зачем?

— Для снятия тревоги.

— Я не тревожусь.

— Умножьте пять на семь.

— Тридцать пять.

— Травмы головы?

— Нет.

— В детстве?

— Нет.

— Умножьте четыре на тринадцать.

— Пятьдесят два.

— Закройте дверь! Я занят!

Это не мне. Это в дверь кто-то сунулся невпопад. Обернувшись, я успел заметить клетчатую рубашку. Бедолага исчез быстрей, чем запах ландышей — в отхожей яме. От вопля Фрейда во мне сорвался какой-то крючок. Спусковой? Бульдог довольно скалился, моргая. Похоже, он этого и добивался. Вот, радуется. Мертвая хватка, да?

Тебе лечиться надо, доктор.

— В гневе бьете посуду?

— Нет.

— Семейное положение?

— В разводе.

— Инициатор развода — вы?

— Не ваше дело.

— Повторяю: кто инициатор развода?

— Почему вас это интересует?

— Не отвлекайтесь. Я должен составить ясную картину.

— Какую картину?!

— Пять на сто двадцать пять?

— М-м… Шестьсот двадцать пять.

— Ревновали мать к отцу?

— Нет.

— Отвечайте правдиво. Ложь смазывает диагноз.

— Мамой клянусь! Так устраивает?

— Разделите восемьдесят четыре на семь.

— Двенадцать.

Фрейд вертел в пальцах карандаш. Толстые пальцы с обкусанными ногтями. Остро заточенный карандаш. Ловко вертит, гад. Как дротик перед броском. Как метательный нож. Бздын-н-н! От психиатра несло — хоть нос затыкай.

Или это от меня?

Очень тесный кабинет. Не развернешься. Трудно дышать. На столе светится монитор. Под столом тихо урчит системка. Что там на экране? Заставка, полускрытая телом врача, бесит. Яркие краски, нервные фигуры. Как я раньше не заметил?

Жарко.

— Умножьте двести семьдесят три на шестнадцать.

— Я…

— Не отвлекайтесь! Ну?!

Пуск.

Программы.

Стандартные.

Калькулятор.

Тыц-тыц-тыц. Равняется.

— 4368.

— Приступы страха?

— Да.

— Что — да?

— А что — приступы?

— Мучают?

— Нет.

— Больная принимает «Рисполепт» и «Паксил». Одновременно с этим она три недели принимала фенибут. И бромокриптин — от гиперпролактемии…

Google. Поисковая строка.

«Психиатр вопросы». Девятая ссылка сверху.

Enter.

Поиск: фенибут.

— Квадратный корень из шестидесяти семи? Три знака после запятой…

— 8,185.

— Может ли больная заменить фенибут афабазолом и тенотеном?

— Не имеет смысла.

— Почему?

— Это как пытаться усилить танковую дивизию одним мотоциклом…

— Раздражает ли вас при чтении смятая страница газеты?

— Да.

— Молодящаяся старуха?

— Да.

— Квадратный корень из ста тридцати двух?

— 11,489. Да.

— Что — да?

— Раздражает.

— Чрезмерная близость собеседника?

Фрейд придвинулся вплотную. Сейчас вцепится.

— Да!

— Человек грызет ногти?

— Да!

— Кашляет в вашу сторону?

— Да!!!

— Двести шестьдесят умножить на семьдесят пять?

— 19 500.

— Слово из восьми букв.

— Агрессия.

Исчез объем. Сгинул рельеф. Спрятался собеседник. Далеко-далеко. Близко-близко. Нет мимики, жестов, интонаций. Нет

перспективы. Все плоское — легло, распласталось. Слова. Знаки. Тыц-тыц.

Клац-клац.

— Смеются невпопад?

— Раздражает!

— Учат вас жизни?

— Раздражает!

— Опаздывают?

— Да!

— Квадратный корень из восьми тысяч трехсот двадцати шести?

— 91,246. Раздражает!

— Вам пересказывают сюжет романа?

— Очень!

— Жестикулируют во время разговора?

— Да!!!

— После приема «Плизила» возникло чувство дерсализации. Стоит ли опять уйти на «Золофт»?

— Поиск. «Скорая помощь». Плизил.

— Отвечайте!

— Продолжать прием. Явления временного характера, скоро пройдут.

— Отлично.

— Раздражает!

— Все хорошо. Вы в полном порядке.

— Да!!!

— Вас ничего не беспокоит. Вы спокойны.

— Я?

— Ваша фамилия Золотаренко?

— Да.

— Александр Игоревич?

— Да…

— Все в порядке, Александр Игоревич. Вы абсолютно здоровы.

Фрейд улыбался. У бульдога оказалась тихая, мудрая улыбка — как у Жана Габена. Он встал, ободряюще потрепал меня по плечу. Я кивнул в ответ. Дышать стало легче. Это ведь замечательно — дышать. Чем здесь пахнет? Цветы на столе, рядом с монитором. Ландыши. В стаканчике.

Это они.

«…светлого мая привет…»

— Вас раздражает, когда вам дарят ненужные предметы?

— Нет.

— Громкий разговор в транспорте?

— Нет.

— Хорошо. Спасибо. Вот ваша карточка.

— Всего доброго, доктор.

— До свидания.

Вопросы, думал я, выходя из кабинета в коридор. Ответы — прислонясь к стене плечом. Что меня раздражает — пропуская в кабинет следующего пациента. Какие-то лекарства. Фенозил? Тенозол? Не помню. Кажется, Фрейд спрашивал, принимаю ли я их. Нет, не принимаю. Умножить пять на семь. Разделить то на это. Цифры выветрились из головы. Ну их. В конце концов, я вам не калькулятор.

Вопросы. Ответы. Загадки Сфинктера.

Нет, не опечатка.

И не оговорка.

6

Машины разбегались тараканами.

Странное дело. Вот ровная улица. Вон перекресток — в тридцати метрах от клиники. На перекрестке — мент-регулировщик. Дирижирует волшебной палочкой. «Ауди», «Жигули», «Рено» — строго по правилам движения. И никуда не деться от болезненного впечатления — тараканы.

Где-то в центре города сыпанули пиретрумом.

Бегут.

Устал Золотарь, братцы. Укатал сивку медосмотр. Нюхай, нервничай. Психиатр тиранит. Загазованный воздух казался сладким, как чай в поезде. Хороший проводник надевает на ложечку упаковку рафинада. Красиво. Растворишь, хлебнешь и задохнешься от нелепого дорожного счастья. Новые земли, новая правда. С попутчиком честен, как на исповеди.

Уехать, что ли?

А вот кое-кто считает, что чай в поезде — горчит.

— Ах ты горький, горький чай
Поездной,
Как по лезвию меча —
Летний зной,
Как по вольной по степи —
Мерный стук,
Спи, дитя, не майся, спи —
В снах растут.

Мамаша везет коляску с близнецами. Летит на роликах пацаночка — косички по ветру. Ковыляет древний дед, кашляет. Тургеневская барышня выгуливает мопса. Мопс деловито метит углы. Из-за ограды детского сада — вопль монгольской орды.

Зелень лип. Зелень кленов. Скоро — тополиный пух.

— Ах ты горький, горький чай
Поездной,
Ангел трогает печать —
Все за мной,
Конь по вольной по степи —
Быстр и блед…
Спи, дитя, не майся, спи —
Вот билет.

В холле поликлиники мается Натэлла. Ага, отмаялась. Черный ведет Риту. Выходят втроем, садятся в черный «Фольксваген». За рулем — Чистильщик. Высовывается в окно, показывает: садись, мол, и ты. Место есть, поедем.

Золотарь машет в ответ: сейчас. Оседлаем таракана…

— Это клиника?

— Да.

— Спасибо.

Вежливая девушка. Жаль, чахлая. Сутулится, вздрагивает. Мышиные хвостики, бледный рот. За спиной — рюкзачок. Студентка? Школьница на выпуске?

Отчего мы плоские? От того, что доски мы…

— Вы на медосмотр?

— Ага. Опоздала.

— Ничего, идите. Успеете…

— Спасибо.

— Не за что.

Очень вежливая девушка. Дурнушки вообще славные.

— У вас закурить не найдется?

— Не курю. И вам не советую.

— Извините…

Топчется. Не хочет к врачам. Милая, так ты везде опоздаешь.

— Который час?

— Половина шестого.

Не к месту вспомнился Фрейд. Надвинулся, оскалил клыки: умножьте семь на восемь! И восемь на семь! Раздражает? То-то же… Воздух утратил сладость. Листва деревьев наглоталась пыли. В детском саду онемели. Сбился с ритма регулировщик.

Лишь в окне напротив — урчит зверь-компьютер.

И в другом окне.

И в третьем, на первом этаже.

Их становилось все больше — компов, вцепившихся в «нети». Как гиены в труп быка. Он чуял их: одного за другим. Пятого за десятым. Имя им — легион. Урчат. Словно всем чешут животики. Шкряб-шкряб, зажмурьте глазки.

— Девушка, как вас зовут?

Смотрит с интересом. Надо полагать, нечасто с ней знакомятся.

— Наташа.

Шкряб-шкряб. Наташа.

— Белова?

— Да. Откуда вы знаете?

— Я все знаю. Я пророк.

— Врете вы всё…

— Нет, честно. Пророк. И я видел, и вот, бурный ветер шел от севера, великое облако… Как там дальше? Великое, значит, облако…

Google.

Строка поиска: «бурный ветер шел от севера…»

Вторая сноска сверху: «НЛО и библия. — НЛО-портал».

Enter.

Scroll down.

«Видение Иезекииля настолько согласуется» […] Глава первая. «И я видел: и вот бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из средины его как бы свет пламени из средины огня; и из средины его видно было подобие четырех животных, — и таков был вид их: облик их был, как у человека; и у каждого — четыре лица, и у каждого из них — четыре крыла; а ноги их — ноги прямые, и ступни ног их — как ступня ноги у тельца, и сверкали, как блестящая медь (и крылья их легкие)…»

— Ни фига себе монстры! Это вы сами придумали?

— Ага. Сам. Хочу такого на юзер-пикчер.

— Вы прикольный.

— Ты еще не знаешь, какой я прикольный. Ухохочешься…

Исчезло лицо. Девичье лицо, веснушки на переносице. Нет, не исчезло. Легло на плоскость, упростилось. Атласный шелест; урчание легиона системок. Рык львиного прайда. Гул штормового моря. Картами цыганки развернулись юзер-пикчерз. Монстр со скальпелем. Урод в бигудях. Ацтекский идол. Голая задница. Ребенок-даун. Киса со слоганом «Fuck off!»

Шкряб.

Белова Наталья Андреевна.

1991 г. р., г. Дергачи. Паспорт — МК 469823. Выдан Дергачевским РО ГУМВД в Харьковской области, 13 июля 2007 г. Идентификационный номер 2489034657. Студентка Харьковского педагогического университета им. Г. Сковороды. Факультет начального обучения, 1-й курс.

Последние записи:

NATO: *сегодня меня бросил парень, все смеялись над моими брекитами. И я решила порезать вены. На лекции я достала острую сломанную ручку потомучто небыло лезвия и порезала вены. Не вышло… только вены щас болят…… мне так обидно!!!!!!! хочется сдохнуть. Дома ходит мама и следит за мной. Сдохну я наверно не скоро, потомучто нету денег на лезвие.*

Pancer: *чето я наебенилась. ну да. я наебенилась..*

Chookcha36: *ЧТОБ ТЕБЯ ГРУЗОВИК ПЕРЕЕХАЛ, ПО ТВОЕЙ ЖИРНОЙ РОЖЕ!!*

— Ну здравствуй, чукча…

— Кто вы такой?

— Пророк.

— Вы псих?

— А ты?

— Я милицию позову!

— Зови. Расскажешь им, как угрожала мне. Как обещала, что я буду мочиться в пипетку до конца моих дней. Что меня родители в морге не узнают. Эх ты, чукча…

— Иди на хер! На хер!!!

— Ага, уже…

— Сука! Гад долбанный!

На ее месте Золотарь бежал бы прочь от клиники. Она же — серая, как казенная простыня — ринулась в стеклянные двери. Холл. Бросок к лифту. Нет, передумала. К лестнице. Бегом, заячьей скидкой, оглядываясь через тощее плечико…

Исчезла.

— Это чукча, — сказал он Чистильщику. — Чукча номер 36.

Оказывается, шеф уже давно стоял рядом.

— Я знаю, — кивнул шеф.

— Знаешь?

— Внешники ее сразу пробили. Видишь, как совпало…

— Вижу.

— Виртуальный возбудитель, и она же — в списке потенциально импицированных. Скачок траффика. Наша землячка, из Дергачей.

— Ты ее отпустишь?

— А что ты предлагаешь?
— Взять.
— Ее не за что брать.
— Это да. Ни кожи, ни рожи.
— Ее не за что арестовывать. Да и права такого у нас нет.
— Сомневаюсь.
— Что-то ты хреново выглядишь, Золотарь.
— Мы уже «на ты»?
— У тебя есть возражения?
— Нет. Слушай… Ты в курсе, что кругом — они?
— Кто? Враги?
— Компьютеры.
— В курсе. Поехали отсюда, параноик. Чайку выпьем…

— Ах ты горький, горький чай
Поездной,
Не светла моя печаль —
Мрак ночной,
Ты гори в ночи, звезда,
Впрок гори…
Спи, дитя — не навсегда,
До зари.

Ночью, ворочаясь перед тем, как заснуть, Золотарь сообразил, что Чистильщик ни капельки не удивился. Ну, сотрудник узнал в лицо виртуальную чукчу. Которую ни разу не видел. О которой не спрашивал у мудрых внешников. Узнал, и ладушки.

Обычное дело.

ДЕНЬ ВТОРОЙ
ЧЕРНАЯ ОРХИДЕЯ

1

Likana: *…я тебе ебало вскрою, грязный овцетрах!*

Vor_tkunem: *Ба, да мы сегодня не вдухе. Ты мне еще пальчиком погрази. Я домой приеду тебе жопу на британский флаг порву! Сука, не зли меня, я те твою EVANESCENCE знаеш куда засуну, месяц будеш срать её альбомами!!!*

рокерша: *Ты имеешь что то против Ранеток? Заебись нах, найду ебало расквашу, мать родная не узнает! Ранетки лоучшие. и они поют РОК! И добились мировой славы. а ты тупая козлятина, как сидела в дерьме, так и будешь там сидеть. Зависница хренова. Ранетки и Токи рулят, все антифаны засуньте свои гребаные языки себе в жопу и сдохните!*

Привидение: *Умри уебище1*

Вот так меломаны ведут нынче диспуты о любимом искусстве. «Музыку я разъял, как труп. Поверил я алгеброй гармонию…» Алгеброй? — нах такую алгебру… Скучно. Ни тебе оригинальных идиом, ни загибов этажностью с Эмпайр-Стейт-Билдинг. Где кипение страстей? Где кураж? Настоящие обиды где?

Где-где…

Ага.

Пустышка. Можно не фиксировать. Хотя казалось бы: мат, угрозы, куча восклицательных… А вброса нет — и не будет. Серый шум, гнилье. Как это определить? Увы, только по запаху. Слова те же, ошибки те же, а эффект — нулевой. Может, вонь — эманации «черного шума»? Эмоции, транслируемые через сеть мне в нос? В мозг? В душу?

В бога-душу-мать.

— Етить-колотить…

В соседнем кресле — медведь в берлоге — заворочался Карлсон. Рука потянулась к ножу. Нет, передумал. Умата сегодня нет — взял отгул. Его машину оккупировала Рита. Шарится по сети, скачет с сайта на сайт. Нынче это называется «веб-серфингом». Попутно обменивается с кем-то сообщениями — вон, очередной конвертик всплыл на экране.

С моего места ее монитор хорошо виден.

У стены на диванчике шелестит страницами Натэлла. К компьютерам бегемоточка не суется — листает детектив в мягкой обложке. Черный дежурит на улице. Двухступенчатая охрана, все по-взрослому…

Чистильщик уже дважды спускался из «студии». Беспокойный он стал. Раньше, бывало, к каждому через плечо заглянет. Парой слов перебросится, пошутит… А теперь не подходит: поздоровается — и меряет комнату шагами. На нервы действует. Три дня назад меня в сторонку отозвал:

«Внешники, — шепчет с трагической миной, — могут прислать сообщение о выбросе. Если к тебе придет — сразу текст на принтер, и звони мне на мобильный. Это очень важно.»

Без проблем, говорю. А чего они сообщение тебе не пришлют?

«В смысле? — моргает Чистильщик. — Мне и пришлют…»

Почему не напрямую, говорю. На твою машину?

«Я не все время за компьютером сижу, — разъясняет Чистильщик. И мимо смотрит. — Вдруг прозеваю? Ты, если что, в ту же секунду звони!»

Проявил шеф особое доверие. Гордись, Золотарь! Вот тогда впервые и подумалось: а ведь мы, в сущности, занимаемся ерундой…

— Золотарь! Это ты там ерундой страдаешь?!

— Что?

— С кабелем балуешься! Сетка то есть, то нету…

С удивлением обнаруживаю, что действительно верчу в пальцах сетевой кабель, ведущий к хабу нашей локалки. Третий виток на палец накрутил. Штекер из гнезда вот-вот выскочит.

Задумался, блин!

— Он, он! — спешит заложить меня Карлсон. — Кабелирует!

— Прошу прощения, — втыкаю разъем на место. — Шиза, ты сквозь шкаф видишь?

— Больно надо! Хаб возле тебя, а ты идиот! Значит, больше некому…

— Понял, отползаю.

— Дедукция, етить-колотить, — радуется Карлсон. — Шиза, бегом в сыщики!

— Ага, вот сейчас все брошу…

— Что — все?

— Дерьмо рулонами… — и вдруг томно, с придыханием: — Знаете, мальчики-девочки? Я ведь из вас единственная по профильной специальности…

Карлсон прям и прост:

— Черпальщица?

— Дворник.

— Врешь!

— Ей-богу! Я раньше дворником работала. С семнадцати лет.

Тайны Мадридского двора! Шиза — дворничиха?

— …ночью проснусь, вспомню: метлой шурк-шурк… Палые листья. Окурки. Мятые пачки от сигарет. Подряжалась мыть подъезды, в частном порядке. Жильцы по пятерке сбрасывались… Где ты, моя юность? На что я тебя променяла? Вот: «Презик, сучок, засунь себе свою партию в жопу по самые гланды! Ты у меня пока не вычистишь все школьные сортиры страны, о новом сроке даже и мечтать не думай…» Политический форум. Рита, вы хотели орхидей? Их есть у меня!

И, творчески подвывая:

— Когда б вы знали, из какого сора растут цветы, не ведая стыда…

Хорошо ей. Орхидеи…

Olena: *Болезнь общества в патологическом жлобстве. Скачав книгу, прочитав и испытав кайф, людей вполне обеспеченных не обуревает жажда меценатства и они не рвутся отблагодарить автора. У нас отлично развито только алкогольное меценатство — зато в патологическом количестве и качестве.*

Тукан: *А кто сказал, что оне — пейсатили? Оне — сасатели. Патаму их и садят на кукан. Любой говнофантаст — облезлай геолох-еврей из шестидесятых, с обосраным рюкзаком и гитарой на плече, вечнай тунеядиц и социальнай педораз, лох ачкастай гхы гхы.*

Komposter: *Я в полнам ахуе. Стока открытий, шо песдец. Раньше каждай второй пидар, насаженай на рельсу, был «программистом», щас — пейсатиль. Куда катицо этот мир…*

Тукан: *Пейсателя — на рею! Голой жеппой…*

«Обстракция», как выразился коллега-редактор в книге Бориса Штерна. Веерное швыряние фекалий в пространство, без конкретного адресата. Впрочем, приди сюда «пейсатиль» с именем, как песчинка в раковину, и вокруг него — вокруг имени, персоны, олицетворенной публичности — сразу начнет формироваться жемчужина.

Такой жемчуг катают жуки-скарабеи.

Существует ли рассеянный «черный шум»? Не точечный вброс, а фоновая эманация? Имеет ли он свойство накапливаться до критической массы? Сколько по стране «Авгиконов»? По бывшему Союзу?

Во всем мире?

Сотни людей — тысячи? — просиживают задницы. Нюхают,

фиксируют, плодят отчетность. Иногда пробуют вмешаться, сбить волну. А толку? Тришкин кафтан, шитый на Гулливера. По кафтану ползаем мы-лилипуты. Пуговицу отпорем, на хлястик пришьем. От полы отхватим лоскуток — ура-а-а! — и гурьбой тащим рукав латать. Гулливер плечищами двинул, кафтан по швам трещит, а мы все суетимся, мелочь пузатая.

Кустарный подход — чепуха. Где легионы храбрых портняжек? С батареями швейных машинок? Разработать алгоритм, установить каждому провайдеру «робота» — пусть сам отслеживает критические пики на стадии формирования. И гасит из брандспойта.

Наши потуги — что мертвому припарки.

Охотники? — накось-выкуси. Бухгалтеры, архивная косточка. Или попытки ассенизации — это так, побочная деятельность? Главное — статистика? Массив информации — перегной, на котором аналитики взрастят розарий? Систематизируют, отыщут закономерности, подведут теоретическую базу, разработают методы противодействия…

Так ли нужен наш «нюх»? Антошкины френды без всякого нюха нарыли Черного Блоггера. Копнули в инете, сопоставили, обнаружили связь. Если на это способны вчерашние школьники… Вчера, когда сын остался у меня ночевать, я хотел выйти на Черного Блоггера. Как бы случайно затронуть тему. И дать совет держаться от этого подальше. Мало нам сотрясения мозга? Хотел — и не сумел. Морализировать полез, старый дурак.

А ведь как все славно начиналось. Диван, книжка, Антошка…

2

Золотарь лежал на диване, притворяясь, что читает, и слушал пьесу для компьютера с оркестром, которую исполнял его сын. Вот он, ботаник. С увлечением тарахтит по клавишам. Дробное стаккато, стаккатиссимо, и вдруг — плавная кантилена. Глуховато шуршит мышка. Урчание вентилятора в системке. Второй голос винчестера. Бухтит принтер, выдав лист распечатки. Из колонок — фончик. Что-то современное.

К счастью, негромкое.

— О чем пишешь?

— Да так…

— Что-то важное?

— Ага…

Антошка был неразговорчив. Заночевать у отца он решил из-за ссоры с матерью. Вчера, согласно гневному монологу бывшей

— та звонила час назад — мальчик пришел домой пьяный в стельку. Глупо улыбался, дерзил. Беседовал с унитазом. Утром сбежал, не попрощавшись.

И даже не поздоровавшись.

Золотарь дал обещание повлиять. Когда сын заявился к нему на ночь глядя — честно сказал, что много пить вредно. Привел примеры из собственной молодости. С подробностями. На девятом примере — шашлыки, трехлитровая банка хереса, дуэль на шампурах — Антон сказал, что пошел в отца. Генетическая память. И неча на зеркало пенять.

Неча, согласился Золотарь. Пойду, сготовлю ужин. За яичницей он предложил сыну «поправить здоровье» — стопарик, а? — и тайком хихикнул, наблюдая не мальчика, но мужа в растрепанных чувствах. Аж позеленел от избытка воображения.

Отказался малыш. Категорически. Поел — и в норку.

В смысле, к монитору.

— Я гляну?

— Что? Угу…

— Ничего личного?

— Так, ерунда. Тебе можно.

Отложив томик Белля, Золотарь встал у сына за спиной.

Эй, кто-нибудь, пните Антика!

Неделю собираюсь накатать пост про доцента Шулько — не пишется. Месяц намереваюсь сделать пост для Рыженькой «пралюбов», и тоже мимо. Книжек не читаю. Планировал вернуться на тренировки и естественно не вернулся. Ы-ы-ы :-((Хотел к днюхе Розочки стишок наваять — не ваяется. Други! Катализируйте мой творческий процесс.

Зато я сегодня хорош собою, ибо после вчерашних возлияний встал со скрипом. В универ пришел больной, первую лекцию медитировал на угрызения совести. Но если Фраер теперь предложит мне дуэль на пиве и крепленом вине, я его сделаю. :-))

Мне тут пришла в голову супергениальная (да, я скромен!) идея. Хочу наваять фэнтези в соавторстве. Что-нибудь… ммм… хз какое. С приключениями, юмором и философией. Но не голый стеб, как Лилькин «Криптомаразмон». Кто желает в соавторы? Но помните, что я сцуко и ленивец…

— А ведь ты действительно перестал читать.

— Что? Ага. Увы.

— Почему?

— Со временем туго.

— Ты очень занят?

— Ага.
— Чем?
— Разным. Не продохнуть.
— А в школе читал…
— Так то в школе.
— Хочешь написать книгу?
— Что? Угу. Хочу.
— Фэнтези?
— Ага.
— И никогда не напишешь.

Золотарь сразу пожалел о сказанном. Сын поднял голову. На лицо Антошки вернулось осмысленное выражение. Казалось, слово «никогда» выдернуло провод, которым парень был подключен к системке. Некорректное действие, программе нужно сохранить предыдущие установки…

— Почему? Напишу.
— Вряд ли.
— Точно напишу. У меня идея есть.
— Есть? Садись, пиши.
— Прямо сейчас?
— Да.
— Шутишь?
— Ничуть. Пиши, я отредактирую.
— Не-а, сейчас не могу.
— Что тебе мешает?
— Да ладно тебе, па. Вот дела разгребу, и засяду.
— Какие дела?
— Разные.
— Ну, греби. Бог в помощь.
— Ты прямо как мама…

Антошке очень хотелось посмотреть на монитор. Там происходило что-то очень интересное. Важное. Самое важное. Но отвернуться от отца, да еще чувствуя себя виноватым за вчерашнее…

Так пьяница старается не глядеть на бутылку, выставленную для гостей.

— Как учеба?
— Ничего.
— Ничего — это ничего. Пустое место.
— Ну, хорошо. Ты решил меня повоспитывать?
— Нет.
— Ты еще скажи — поздно.
— Не поздно. Просто ты очень занят.
— Ага. Очень.

— Чем?

— Всяким…

Компьютер прислушивался к беседе отца и сына. Скоро ли кончится? Зараза, подумал Золотарь. Это ты? Ты здесь? И подумал, что стал похож на луддита. Крушителя станков. Разбить молотком все ПК на планете, и наступит мировая гармония.

Лев возляжет рядом с агнцем.

— У тебя новая юзер-пикчер?

— Ага. Правда, классная?

На картинке Антошка, искаженный широкоугольным объективом, вывалил язык до подбородка. Узкий, крохотный лобик. Глаза сошлись к переносице. Брови домиками.

— Классная. Народу нравится?

— Ага. Им нравится, когда дебил.

— Не понял?

— Прикольно. У нас многие рожи корчат. Типа клоун.

— У меня был знакомый клоун.

— Никулин? Карандаш?

— Ну, брат… Ты меня совсем в старики записал. Карандаш умер в начале 80-х. Я тогда в твоих ровесниках ходил…

Маленький человечек в котелке. Терьер Клякса.

За две недели до смерти — в последний раз на манеже.

Однажды Карандаша спросили, доволен ли он своей судьбой. Клоун улыбнулся:

— Никогда не задавайте такой вопрос человеку, который в семьдесят лет решил стать серьезным. Сорок лет я шутил на манеже. Теперь пришло время разобраться, над кем и над чем я шутил. У каждого вида искусства свой путь к истине, а у каждого художника свой путь познания истины. Я выбрал смешной путь.

— А говоришь, не был знаком…

Золотарь опомнился. Секунду назад он ясно видел лицо клоуна. Слышал слова: «Я выбрал смешной путь.» Нет, не слышал. И не читал. Слова возникли из бормочущей мглы — безвидные, беззвучные. Еще — фото. Черное-белое, крошечное, вроде Антошкиной юзер-пикчер.

— Я что-то сказал?

— Ага. Про Карандаша.

— Точно?

— Точно.

— Наверное, читал где-то. Нет, я знал другого клоуна. Не такого знаменитого. Он говорил мне, что к публике выходят, как дрессировщик — к опасному хищнику. Долго готовятся. Оттачивают мастерство. Настраиваются. Костюм, выражение лица, жесты. Реквизит. И все для того, чтобы не съели.

Публичность требует всего тебя, говорил он. Тебя в наилучшем виде. Тебя в боевой готовности. Без остатка. Иначе — съедят.

— Это точно.

— Тебе-то откуда знать?

Антошка кивнул на монитор:

— Да мы все это знаем. Считай, круглые сутки — на публике…

— С похмелья, — Золотарь чувствовал, что надо остановиться. И не мог. — В драной майке. С глупой рожей. Косноязычные. Раздраженные. Злые. Без тормозов. Случайные. С куцыми мыслями. С идеями-выкидышами. С желаниями, которым не сбыться. С никчемушней болтовней. Круглые сутки на публике. И круглые сутки она вас — нас! — жрет. Аж хруст стоит. Все-таки есть разница между публичностью артиста и публичностью девки…

— Пап, а у тебя ведь тоже дела? — вдруг спросил сын. — Да?

— Да.

— Какие?

Вот тут Золотарь понял, что влип. Честное слово, он не взялся бы объяснить сыну, какие у него дела. И дела ли это.

3

— Ой, а эта!

— Роскошь!

— Просто чудо!

Рита не утерпела: перебралась к Шизе. Теперь дамы щебечут над клумбой виртуальных орхидей.

— А вот еще лучше!

— Я всю галерею на закачку поставила.

— Сбрось мне на флэшку…

— Ага. Пока можем другие поискать…

Они, значит, в цветниках резвятся, а нам дерьмо разгребай! Словно прочитав мои мысли, Натэлла косится в сторону подзащитной. В синих, как озера из песни, глазах бегемоточки блестит неодобрение. Самовольно пропасть из поля зрения — кто разрешил? Никто. Но хватать и возвращать Натэлла не спешит.

— Етить-колотить…

Это, ясное дело, Карлсон.

— Нарыл что-то ценное?

— Так, фигня…

А пальцы-сардели по клаве — что твой пианист в Альберт-Холле. Трынь-трынь-трынь! Кнопочки в ответ: шур-шур-шур! И

мышка контрапунктом — клик-клик! Фигня, говоришь? Вон и принтер загудел, всосал лист бумаги.

— Я щас…

Колобок в джинсе катится за дверь. По дороге Карлсон судорожно дергает из кармана мобилку. Как назло, телефон застрял и не желает являться на свет божий.

— Что с ним?

— Не знаю, — басом вздыхает Натэлла. — Вы тут все психи.

— А ты?

— И я. Раз тут…

Возвращается Карлсончик через пару минут. Взъерошенный, глазки бегают. Сунулся к принтеру, схватил листок с распечаткой. Близоруко щурясь, уткнулся в него носом. А нос-то у тебя вспотел, дружище! Весь в росе, как огурец на грядке.

И снова — к компьютеру.

Меня заело любопытство. Откатываюсь вместе с креслом — так, чтоб видеть Карлсонов монитор. В сеть полез? Нет. Вывел на дисплей какую-то таблицу, сверяется с распечаткой. Губы пляшут качучу — беззвучно. Что ж ты нарыл, брат? И признаваться не хочет… Снова за телефон схватился. Тычет в кнопки.

Не отвечает телефон. Что делать будешь, охотник?

— Рита?

Решил находкой поделиться?

— У меня…

Не слышит Рита. В орхидеи зарылась.

— Рита!

— Что?

В голосе Риты звучит неудовольствие.

— Я нашел…

— Потом.

— Интересное…

— Потом.

— Хочешь посмотреть?

— Не хочу.

— Оно клевое!

— Я занята.

— Иди лесом, — подключается Шиза. — У нас интересного — зашибись.

— Рита! Ты такого еще не видела!

— Скинь по сетке!

Спелись дамы. В унисон.

— Не могу по сетке! — упрямится Карлсон. — Я большой файл на закачку поставил. Боюсь, зависнет.

Врет. Неумело и глупо. Что на него нашло?

Краем глаза замечаю: Натэлла тоже уставилась на Карлсона. Судя по выражению ее лица, фрекен Бок готова взяться за мухобойку. Неужели Карлсон импицирован?! Да или нет, но толстяк, не в силах усидеть на месте, винтом выворачивается из кресла. И я понимаю: один его шаг к шкафу, за которым притаилась Рита — и в «нижнем котле» начнется битва титанов. Натэлла, кто б сомневался, скрутит беднягу в бараний рог. Но в этот момент лучше находиться где-нибудь подальше.

В идеале, в Антарктиде.

Однако Карлсон за шкаф не спешит. Напротив, он демонстративно прикладывает палец к губам и начинает делать Натэлле странные знаки. Тычет кулаком в сторону шкафа, подмигивает, как припадочный, приплясывает на месте…

Натэлла, мягко говоря, изумлена.

Я, грубо говоря, хренею.

Может, именно так и ведут себя импы, прежде чем броситься на жертву? Или это у каждого индивидуально? Видя тщету своей клоунады, Карлсон, вопреки собственному призыву к молчанию, вновь подает голос:

— Ритуля! Не пожалеешь! Никуда твои кактусы не денутся…

И башкой мотает — то на шкаф, то на Натэллу.

— Карлсон, ты нас достал!

Шиза «на взводе». Она вообще заводится с пол-оборота. Пот заливает лицо Карлсона. А еще говорят «звездеть — не мешки ворочать»! Врут. Однозначно.

— Ритушечка! Ритунчик! Что тебе, трудно? Всего на минуточку…

— Ты и мертвого уговоришь…

Льда в голосе Риты хватит, чтобы остудить целый взвод разгоряченных Карлсонов. За шкафом возмущенное шуршат. Сейчас из норы явится разгневанная мышь! Я бросаю взгляд на Натэллу — и бегемоточка, словно только этого и ждала, начинает действовать.

С неподражаемой грацией.

— Дай и мне посмотреть!

— Эй, полегче!

Внезапный интерес телохранительницы более всего походил на торнадо. Вы когда-нибудь видели торнадо в отдельно взятой комнате? Вам повезло. Вспугнутыми птицами взвились бумаги. Отчаянно застонали половицы; Карлсона унесло вбок, на мое рабочее место. Он с трудом устоял на ногах, схватившись за стол. Смахнул на пол клаву с «мышью». И теперь зло пыхтел, налившись дурной кровью.

Вовремя я откатился!

Из-за шкафа возникла Рита. Симпатичный, но неумолимый айсберг надвигался на «Титаник». Но Натэлла Ритой пренебрегла. А злосчастным монитором — тем более. Она следила за действиями Карлсона.

— Ты чего?!

— Что ты нам хотел показать, Карлсончик?

Вот я и узнал, как мурлыкают боевые бегемоты!

— Показать? Айпишник! Посмотри айпишник, дура!

Внезапно Карлсон захохотал. Давясь, булькая, он продавливал слова сквозь смех, как фарш через мясорубку.

— Вот! Вот — распечатка! Смотри! Да прикрой же Риту!

— От тебя?

— Не от меня, дура! На айпишник гляди! Ты ж их все знаешь!

— Ну, допустим…

— Должна знать! Должна!

На какое-то мгновение Натэлла растерялась. Но — лишь на мгновение. Одной рукой она выхватила у Карлсона распечатку, другой махнула Рите: стань, мол, рядом! Не выпуская Карлсона из поля зрения, скосила глаза на бумагу, на монитор…

— Что там? — не выдержала Рита.

— Скачок траффика.

— Где?

— У нас. Ай-Пи… Шизина машина.

Натэлла кивнула на шкаф.

— Я ж говорил! Етить-колотить!

— Что ты говорил?

— Я знаки подавал! А ты!..

— Знаки?! Ты рожи корчил! Не мог по-человечески сказать?

— Так я ж… чтоб не спугнуть…

— И кого ты боялся спугнуть, дорогой?

В проходе, привалясь худым плечом к шкафу, стояла Шиза. С презрением она изучала трясущегося Карлсона. Так смотрят на бомжа, спящего в луже блевотины.

— Тебя, дорогая, — за Карлсона отвечает Натэлла. — Увы, тебя.

В какой момент она оказалась между Шизой и Ритой, задвинув подопечную себе за спину, я не уловил. Рокировку бегемоточка провела виртуозно.

— Твой Ай-Пи?

Натэлла протянула Шизе распечатку. Я уверился: сейчас она схватит Шизу за руку, заломает, скрутит… Ничего не произошло. Шиза взяла измятый лист бумаги, вчиталась.

— Я не помню… — растерянно шепчет она. — Не помню…

— Чего?

— Айпишник свой не помню.

— Твой! — не выдерживает Карлсон. — С гарантией! У меня таблица на экране.

— Так вы что?.. вы думаете…

Голос Шизы опасно дрожит.

— Я, по-вашему, имп?

— Никто ничего не думает! — вмешивается Рита, предупреждая истерику. — Был скачок траффика. Надо проверить. Сколько там в распечатке?

— Семьдесят три метра… — всхлипывает Шиза.

Терпеть не могу, когда женщины плачут. Встаю с кресла:

— Давайте я проверю! Шиза, иди на диван. Успокойся.

— Ага, успокойся…

— Может, и не было вброса? Может, внешники зря кипеш подняли!

К моему искреннему удивлению, Шиза подчиняется. Закрыв лицо руками, она, как сомнамбула, медленно идет к дивану.

— Кончай реветь, да? Разберемся…

Карлсон уже и сам не рад, что заварил эту кашу.

— Может, орхидеи? Их там много было…

— Сейчас гляну…

Проскальзываю в Шизин закуток. На экране — черная орхидея. Капли росы искрятся на лепестках. Красиво. И — запах. Ваниль? Точно ваниль. Чуть подгнивший банан. И еще что-то, неуловимое, знакомое…

Должно быть, духи.

Как файл называется? Orchid-Black.jpg. Ого! Здоровенный… Download Manager. Файлы на букву «О». Вот они! Подряд. Три десятка. Объемы в графе «Transferred»… Считаю сумму. Наверное, это можно сделать как-то по-другому, проще и рациональнее. Ну так мы чайники. Со свистком. Три метра… Один двести…

— Долго ты там?

— Закончу — скажу.

— Уроды… — плачет на диване Шиза. — Импецилы… импотенты…

— А не фиг в рабочее время цветочки качать!

— Не тронь ее, Карлсон…

— Да кто ее трогает?! Для вас же стараюсь…

Выходит, Чистильщик и его попросил звонить, если что? Сообщение на принтер, а сам — за телефон? Интересно, остальным шеф то же самое сказал? Умату? Шизе?!

Что ж это получается?

— Семьдесят три! Вроде сошлось.

— Точно?

— Плюс-минус корень квадратный. Отбой воздушной тревоги!

Довольный, выбираюсь из-за шкафа.

— Шиза, ты как? Все нормально, у тебя одни цветы. Не плачь, пожалуйста…

Глажу ее по голове, как ребенка.

— Что ты меня лапаешь? Ублюдок! Извращенец!

От крика закладывает уши. Отшатнуться я не успеваю. Шиза вскакивает, хватает меня за рубашку. Жарко дышит в лицо — ваниль, подгнивший банан…

— Я руками душила таких, как ты!

Ворот захлестывается, превращается в петлю.

— Будешь всю жизнь в пипетку мочиться, пидар!

В паху взрывается бомба. Задыхаюсь. Вместо крика — сиплый стон. Черная орхидея смыкает лепестки. Растворяюсь в ванильной кислоте. Господи, больно-то как! Шиза бьет коленом — еще и еще. Когда же она перестанет?

Перестала.

Пискнув, улетела на диван.

— Алло, Черный! У нас фиксация! Врачей! Срочно!..

Надо мной склоняется Карлсон. Его лицо плывет в тумане. Мерцает темный ореол. Протуберанцы мрака. Лепестки…

— Орхидея…

— Что?

Он наклоняется ниже.

— Орхидея, — хриплю я. — Черная. Ваниль. Выброс — там…

4

Боль ерзала между ног пьяной шлюхой. Пристраивалась, разевала губчатый, резиновый рот. Чмоканье. Вопль обезумевших нервов. Ураган адреналина в крови. Скорчившись зародышем, Золотарь мечтал о материнской утробе. Никаких вторичных половых признаков. Да и с первичными — не очень. Тихо, мокро, безопасно.

Объяли меня воды до души моей…

Сознание отплывало прочь на бумажном кораблике — и возвращалось, не солоно хлебавши. Мачта — спичка, парус — клочок газеты с некрологом. «Нелепый случай вырвал из наших рядов…» Озноб. Трясучка. В затылке бьют куранты. Нет, это оркестровые тарелки. Шопен, похоронный марш.

«Нелепый случай…»

Он не знал, какая здесь доля реальной травмы, а какая —

извечного мужского ужаса. «Будешь мочиться в пипетку! — шептал кто-то голосом Мышиного короля. — Будешь!.. всю жизнь…» Сунь голову в колени, брат, подсказывал Щелкунчик. Скрутись бубликом. Стань плоским, нездешним, бесполым ангелом…

Удар в пах. Последствия.

Поиск.

Медицинская подготовка телохранителя.

«Ушибленные половые органы охлаждайте снегом, водой или льдом. Гораздо эффективнее новокаиновая блокада, но лишь специалист сумеет ввести новокаин шприцем в семенной канатик. Жестокий удар перекручивает подвеску придатка яичка в мошонке. Необходима срочная хирургическая операция, иначе яичко омертвеет и станет бесплодным…»

Link: ФОРУМ и любовь. Знакомства. Поможем друг другу обрести любовь…

Уйди, хрипел Золотарь. Уйди, сволочь.

Он не знал, что хуже. Пока буквы складывались в слова, давая ценные советы, боль отступала. Ждала, пока останется тело и сознание, и никого постороннего. Жизнь без боли? — но и без жизни. Кажется, прокаженные не испытывают боли. Гниют заживо от любой царапины. Гниют, и не замечают.

Уйди!

Пусть болит!

«…факт размозжения яичка определяется лишь при операции. Снаружи мошонка выглядит невредимой, и даже ультразвуковая диагностика оказывается бессильна. Размозженное яичко подлежит удалению. Обилие кровеносных сосудов обеспечивает колоссальные гематомы в результате внутренних кровотечений…»

— Встать можешь?

— Ы-ы…

— Не может, етить-колотить. Ната, помоги мне. Надо посадить его.

— Зачем?

— Надо.

Золотарь и пикнуть не успел, как уже сидел на полу. Натэлла заглядывала ему в лицо, взволнованно моргая. Бегемоточка — телохранитель, подумал Золотарь. Небось, с медицинской подготовкой. Возьмет шприц, введет новокаин в семенной канатик…

— Выпрями ему ноги.

Над ухом сопел Карлсон. Туша толстяка громоздилась за спиной. Хотелось откинуться, лечь в мягкое, дышащее. Но злой Карлсон не позволял. Напротив, он коленом изо всех сил уперся

Золотарю чуть пониже лопаток. Лапы вцепились в плечи пострадавшего, оттягивая их назад.

Охнув, Золотарь выпрямился и прогнулся.

Карлсон ухватил его под мышки. Натужился, приподнял. Опустил на место. И снова. И опять. Вверх-вниз. Вверх. Вниз. Как в автобусе, прыгающем на колдобинах.

— Что ты делаешь?

— Кин-кацу.

Золотарь понял, что ему легчает. И что он сошел с ума. Карлсон делает ему кин-кацу. Чунгу-чангу. Хару-мамбуру. Народный папуасский метод реанимации.

Однако Натэлла что-то там поняла.

— Откуда знаешь?

Толстяк, пыхтя, застеснялся:

— Я в институте каратэ занимался. Немножко…

— Тебя часто били по яйцам? — догадалась Натэлла.

— Иди на фиг, жиртрест. Нас учили, как спасать.

— Сам жиртрест.

«…исходя из того, что мошонка является мышечным образованием, попытайтесь натренировать способность прятать яички в паховом канале. Специальные упражнения для этого проделывают десантники, чтобы уберечься от травм при прыжках с парашютом…»

— Хва-а… хватит…

— Что — хватит?

— Кончай меня-а… трясти…

Золотарь в жизни бы не признался, что говорит не пойми с кем. Требует. Настаивает, лишен возможности назвать собеседника по имени. Но мельтешение услужливой, черт бы ее побрал, информации прекратилось.

— Хорошо, — со знанием дела сообщил Карлсон. — Басит, етить… Слышишь, Натка? Басит. Значит, хорошо.

— Почему?

— Вот если бы дискантом, тогда хреново… Эй, Фаринелли! Ты как?

В другое время Золотарь послал бы Карлсона в задницу. Но сейчас, слыша, как срывается голос хохмача, как дрожат его руки… Карлсон боялся до мокрых штанов. И боролся со страхом, как умел.

— Живой… Как Шиза?

— На диванчике. В обмороке.

— Врача вызвали?

— Тебе?

— Нам.

— Ага. Едут, етить-колотить…

— Долго они… едут…

— В центре пробки.

— В жопе у них пробки…

От брани полегчало. Или от Карлсонова кис-киса? Боль сползла ниже, притихла, облюбовав себе внутреннюю поверхность левого бедра. Должно быть, сплошной синяк. Шиза во второй раз промахнулась. Или это он успел так ловко повернуться?

— Где Рита?

— В ванной. Макияж наводит.

— Нашла время…

— Дурак ты, — беззлобно сказала Натэлла. — Дурак с яйцами. Ой, слава богу, что с ними…

— Ты рукой, — дал совет Карлсон. — Потрогай. Сразу и выясним, что с ними.

Бегемоточка улыбнулась:

— Да я хоть чем. Лишь бы все в порядке. Я тебе нравлюсь, Золотарь?

— Ы-ы…

— Это значит «да»?

— Это значит отпусти мои ноги. Попробую встать.

5

— Ты куда?

— В сортир.

— Я с тобой!

— Брось, Натэлла…

— Это ты брось! Нечего стесняться…

— И что ты там будешь делать? Держать пострадавший орган?

— Понадобится, придержу. И вообще, не ходи никуда.

— Почему?

— Сперва ты должен показаться врачу.

— И что мне теперь? Терпеть до прихода врача?

— Да.

— Натэлла, ты лучше всех. С тобой цирка не надо.

— Золотарь, ты — упрямый баран.

— Значит, так. Я иду в сортир.

— А я?

— А ты сидишь здесь. Вы все сидите здесь. И не морочите мне голову…

Как ни странно, бегемоточка послушалась. Стараясь не

слишком хромать, я выбрался в коридор. Огляделся, чувствуя себя полным идиотом. Никого. Рита в ванной, остальные в «котле». Бдить не хотелось. Думать не хотелось. Ссать хотелось.

До чертиков.

«Будешь мочиться в пипетку всю оставшуюся жизнь…»

Есть такой образ — липкий страх. Это да. Это точно. Хуже горчичников. Нет у меня пипетки. Это все, о чем я думал, заходя в туалет. Закрывая за собой задвижку. Расстегивая брюки. Нет у меня пипетки. Что, если не смогу? Это пугало больше, чем призрак импотенции.

Смог.

Сперва закапало. Не вполне удачно — в смысле попадания. Черт, забыл поднять пластиковое сидение. Надо протереть его туалетной бумагой… Ага, вот и струя. А что? Вполне приличная струя. Желтая, напористая. Мама моя родная, никогда не думал, что буду радоваться акту мочеиспускания…

Все.

Все позади.

И тут меня тряхнуло так, что спазм закрыл краник в усталом организме. Почему я? Нет, действительно — почему я? Имп-Шиза должна была напасть на Риту. Это Рита — жертва. Живец. А я так, погулять вышел — консультант, советчик, придаток…

Куда ты смотрела, Зараза?

— …*тебя в морге родители не узнают*…

Я прислушался.

Голос был женский. Еле слышный. Но вполне узнаваемый.

Рита.

— Тебя в морге…

С кем это она? По телефону?

В ванной?!

— …родители…

— Рита?

— …не узнают… — она меня не слышала. — Тебя…

Я ударил в стенку кулаком. Ссадил кожу о шершавую плитку.

— Рита!

— …в морге…

Нас разделяла стена. Нас разделял целый мир.

— …не узнают…

Пулей я вылетел из туалета. Громоздкой, неуклюжей, трясущейся пулей. И срикошетил от стены коридора. Плечо взорвалось острой болью, когда я вынес дверь ванной — что называется, с мясом. Взвизгнула, отлетая, задвижка. Хрустнули петли. Как при этом я не пришиб Риту, одному богу известно.

— …родители…

Она стояла у зеркала. Тихая, благостная. Словно под кайфом. В правой руке Рита держала маникюрные ножницы. Очень острые, хищно выгнутые на концах. Казалось, она решила подровнять сломанный ноготь. Когда б не рот, залитый густой, темной кровью, не блузка на груди — багровая, масляная; если бы не лужица в мойке, лениво утекающая в слив…

Рита разрезала себе ноздри.

На меня она не обратила ни малейшего внимания. Выбитая дверь? — разразись в коридоре самум, начнись океанский шторм, она бы и этого не заметила.

— Меня в морге родители не узнают, — счастливо хихикнула Рита.

И поднесла ножницы к глазу.

Я вцепился в ее руку, как обезьяна — в спасительную ветку. Две мои руки — против ее одной. Две человеческие, плоть и кожа, и жалкие мышцы — против гибкой стали, и яростного пластика, и безумия, сошедшего с небес. Запах ванили наполнил ванную. Черные орхидеи прорастали в кранах. Ангел сорвал печать, и вода в трубах превратилась в кровь. Ножницы полоснули меня по щеке.

Нет, не ножницы — ногти левой, свободной руки.

— Тебя в морге родители не узнают, — предупредила Рита.

И ударила снова.

А в зеркале на стене, напротив Риты, была подворотня, и серый бетон, и мой Антошка с разбегу бился о стену головой. Первый случай жертвы и исполнителя в одном лице. Теперь уже — второй.

Со временем творились чудеса. Я дрался с ней вечность. Натэлла примчалась к нам мгновенно. Как это совместить, я не знаю. Как Рита не выцарапала мне глаза, не знаю. Как ножницы вспороли мне мочку уха, не знаю. А уж каким образом Натэлла ударилась оземь и превратилась в Чистильщика — не знаю и знать не хочу.

Огромный, деловитый, он оторвал фурию от дурака.

— В морге! — крикнула Рита.

— Да, — согласился Чистильщик и ударил.

В боксе это называется хук.

— Сдурел? — заорал я, глядя на бесчувственную Риту.

Она сидела, запрокинув голову, между мойкой и душевой кабиной. Ножницы валялись рядом. Неясно, куда пришелся кулак Вадима Петровича, но пришелся он кстати. Неземной покой снизошел на лицо женщины. Блестела кровь — на губах, на подбородке… Чуть дрожали ресницы. И рот — рот Джокера, терзающего Готем-сити — перестал бормотать про морг и

родителей.

— Нет, — ответил Чистильщик.

И ударил еще раз.

В боксе это называется бомба. Не спрашивайте, куда сел я. Или лег.

Не знаю. Не помню.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ
ПРИВЕТ ИЗ СИБИРИ

1

Выглядело это — как в кино.

Очень близкая дистанция. Перенос центра тяжести. Хитрый подворот тела. С ноги на ногу — раз! И кулак — снизу вверх, по красивой дуге. В подбородок. В чисто выбритый с утра, до боли знакомый подбородок. Черт возьми, мишень просто наделась на этот увесистый чудо-кулак…

— Апперкот, — с удовлетворением сказал Чистильщик. — Моя фишка.

Пальцы его легли на клавиатуру ноутбука.

— Ты на замедленной посмотри. Вот где класс!

— Зачем ты мне это показываешь? — спросил Золотарь.

Чистильщик удивился:

— А кто еще оценит? Если не ты?

— Я уже оценил.

Трагическим жестом Золотарь обвел палату. Грех жаловаться, палата была отдельная. Типа «люкс». С холодильником и телевизором. С выходом в Интернет, гори он синим пламенем. С видом на парк из окна. Беседки, мраморные нимфы, скамеечки…

Частная клиника «Доктор Сан» уважала своих пациентов. Случайные люди лечились в другом месте. И правильно — увидев счет от «Доктора Сана», случайный получал инфаркт.

— Мало. Вот, смотри: ювелирная работа.

— Ты мне зуб сломал.

— Не ври.

— Сломал.

— Ничего я не ломал. Тебе зуб наращивали, вот и откололось.

— Ты отколол, горилла.

— Скажем так: при моем участии. Давай еще раз прокручу.

— Иди в пень.

— Получишь удовольствие.

— Я уже получил…

Клинику оплатил «Авгикон». Золотарь торчал тут восьмой день. Каждый раз, когда он затевал разговор о выписке, улыбчивый врач спрашивал: вам у нас плохо? Хорошо, честно отвечал Золотарь. Но дома — лучше. Ведь я здоров? В целом,

соглашался врач. И переходил к частностям. Из них следовало, что только наблюдение специалистов спасет пациента от знакомства с гробовщиком.

Золотарь понимал: сбеги он из клиники, никто его силой возвращать не станет. Пожурят, и все. Сбегу, говорил он себе. Вот завтра и сбегу. Но здесь было так тихо, так спокойно… К обеду подавали графинчик каберне. Для укрепления сил. Перед ужином все гуляли в парке. Кроме Риты — она не выходила.

Ела она тоже отдельно.

— А что я должен был делать? — риторически спросил Чистильщик, в десятый раз любуясь своим апперкотом. Сейчас он крутил «покадровку». — Вы дрались. Ты бы видел, как вы дрались… Как звери. Я не знал, кто из вас импицирован. Я ничего не знал. Решил перестраховаться.

— Карлсон тебе звонил. Ты не брал трубку.

— Аккумулятор сел, мать его…

— Ты каждому из нас поручил звонить тебе?

— Ага. Все это время я не подходил к компьютеру. Во избежание. И Натэлла. И Черный. Ни дома, ни на работе. Нигде. Вот и пришлось завязать внешников на вас.

— Они тоже не могли к тебе дозвониться?

— Они звонили. Говорю ж, аккумулятор. Блин! Так все хорошо продумали, продублировали, обложились запасками… И нате-здрасте!

Подойдя к столу, Чистильщик взял яблоко из вазы с фруктами. Каждое утро круглолицая медсестричка приносила в палату эту вазу. Яблоки, апельсины, виноград. Бананы. Израильскую хурму «шерон». Золотарь знал этот сорт — им торговали круглый год в киоске на углу. Весной — еда для миллионеров.

Откуда узнали, что он душу продаст за хурму?

— Продумали они. Не чавкай! Раздражаешь…

— Нервный ты стал, Золотарь.

— С вами станешь…

— Да ладно! Ну, нокаут. Обычное дело.

— Обычное? Ты, терминатор! Ты хоть знаешь, что происходит во время нокаута?

— Что?

— В момент удара череп резко движется. Мой, между прочим, череп. Мозговые оболочки растягиваются — мои, между прочим, оболочки. Мозг по инерции тоже сдвигается.

— Твой, между прочим, мозг.

— Именно. И мой, между прочим, мозг ударяется о внутреннюю часть черепа.

— С образованием кровоподтека. Твоего, между прочим.

— Вот-вот. А тебе все хиханьки.

— Откуда такие подробные сведения? Про нокаут?

— Ночью приснилось.

Золотарь не врал. Приснилось — плоское, скучное.

— Бывает, — Чистильщик нахмурился. — Не морочь мне голову. Я и без тебя знаю анатомию нокаута. Ты мне еще про мозжечок расскажи. Который типа гироскоп и 3D-процессор.

— Правда? Мой мозжечок?

— У тебя нет мозжечка. Патология детства.

— Иди ты…

— Позже. Короче, извини и не злись. Что бы ты сделал на моем месте?

— Разобрался бы сперва…

На самом деле Золотарь валял ваньку. Приятно было корчить из себя униженного и оскорбленного. Видеть, как Чистильщик грубовато извиняется — не в лоб, а обиняками. Больше интонациями, выражением лица, чем словами. Пусть поерзает, кинг-конг. А так — считай, брат, отделался легким испугом.

Малой кровью, могучим ударом.

Мужское достоинство не слишком пострадало. Наверное, заслуга нокаута. Обнаружив, что верх в отключке, низ решил не усугублять. Два дня ныл ушиб бедра. Медсестричка — та самая, круглолицая — обихаживала травму. Смазывала, прикладывала, лелеяла, как родного. Не без курьезов — пациент очень стеснялся, когда не мог сдержать возбуждения. Медсестра хихикала. Больной, вы идете на поправку, смеялась она. Семимильными шагами. Пожалуй, в случае чего она не отказала бы. В лечебных, сами понимаете, целях.

Золотарь все собирался это проверить.

— Нет, какой апперкот! — Чистильщик не мог угомониться. — Класс! Надо Петровичу показать, он оценит.

— Там везде камеры? — вдруг спросил Золотарь. — У нас?

Чистильщик стал серьезен. Остановил просмотр. Перестал жевать. Лицо его прояснилось — так радуется учитель, когда любимый ученик с шестой попытки догадывается, что Волга впадает не в Ледовитый океан.

— В «нижнем котле»? Везде.

— И на кухне?

— Даже в сортире.

— А у тебя? В студии?

— И у меня. Вплоть до балкона. И в подъезде.

— Нас целый день снимают?

— Да.

— Значит, не мы исследуем? Значит — нас?

Чистильщик кивнул.

— А я все жду, — сказал он, закрывая ноутбук, — когда ж ты это сообразишь.

2

— Тебя это унижает?

— Нет.

— Задевает? Давит на гонор? Типа, тварь дрожащая?

— Нет.

— Врешь!

— Нет.

Я очистил банан. Привет, доктор Фрейд, банановый теоретик! Получив коленом в пах, выбирают самый большой фрукт — для компенсации. Говорят, есть вьетнамские кабачки — те вообще анаконды. Отрежешь кусок, новый вырастает.

— Я и раньше подозревал, что сижу под увеличительным стеклом. Занимаемся ерундой… Вынюхиваем. Фиксируем. Вмешиваемся по пустякам. Как пацаны, сражаемся с Черным Блоггером…

— Как пацаны? — переспросил Чистильщик. И подмигнул: — А что? Армия Трясогузки снова в бою. Мне нравится. Пацаны пацанами, а статистики мы натаскали — вайлом. Аналитики в ножки кланяются. Ты о другом подумай, Золотарь. Вот у тебя — нюх. На атомное дерьмо. И у меня нюх.

— На что?

Ответ я знал.

— На таких, как ты. Каждому — свое. А вот почему у нас нюх, откуда взялся, как работает… Для того и камеры присобачили. Обидишься теперь? Уйдешь?

— Ты еще скажи, что от нас уходят только вперед ногами.

— А если скажу?

— Гертруда, выпей яду. Никуда я не уйду… Изучайте на здоровье. Ты мне лучше скажи: как там Шиза?

Чистильщик некоторое время молчал, изучая огрызок яблока.

— Так тебе ж Карлсон звонил, — наконец сказал он.

— Звонил.

— И что сообщил?

— Что в целом — нормалек.

— Етить-колотить?

— Не без того.

— Ну и правильно. Амнезия у Шизы. Выборочная. То помнит,

это не помнит…

Мне вспомнилась биография Якова Голосовкера. Философ, литератор, знаток античной и немецкой поэзии. Задолго до Булгакова написал роман о Сатане на Патриарших прудах. Был там еще такой титан — Иисус. Рукописи не горят? — рукопись Голосовкера сгорала дважды. И судьба приложила руку, и друзья не поленились разжечь печку, пока автор хлебал лагерную баланду. Свет увидела третья переработка — сильно измененная, под названием «Сожженный роман». Свои дни Голосовкер закончил в психушке, как булгаковский Мастер. В халате, в шапочке. Память мудреца превратилась в дырявое сито. Забыл, как пишут. Забыл, как читают. Корчился от душевной боли, забыв греческий…

— Что значит — выборочная? — спросил я.

— Ты не волнуйся, ладно?

— Я не волнуюсь.

— Ну и хорошо. Все она помнит. В целом. Даже слишком. Помнит, как качала с Ритой орхидеи. Как Карлсон наехал на нее за превышение траффика.

— За что?

— За превышение. У Карлсона, по Шизиной версии, сетка начала тормозить. Народ на взводе, разосрались в полный рост. А тут ты… Ты только не волнуйся, да?

— Я тебя сейчас убью. Бананом.

— Короче, ты стал ее лапать. При всех. Ты давно на нее глаз положил.

— Я?!

— Ну не я же. Стал лапать — грубо и цинично. Она тебя ударила. Вас растащили, ты поднял кипеш…

— Я?

— Ты, брат. Ты вообще скандалист и бабник. Тут пришел я, весь в белом, и вступился за Шизу. Дал тебе по морде. На этом Шиза отрубилась и очнулась уже в больнице. Не здесь, в другой клинике. Она мне сто раз на день звонит. Спрашивает, как твое самочувствие. Костерит меня, обзывает гориллой. У вас с ней одинаковые представления о гориллах.

Чистильщик засмеялся. Слишком легко, слишком весело. Обаятелен, с харизмой, а актер из него никудышный. Это он меня успокаивает. Дескать, с Шизой — нормалек, вместо шока — ложная память, и слава богу… Разговор напомнил мне чат. Слова, слова, слова, как утверждал бедняга Гамлет. Палата, окно, ваза с фруктами — обои для монитора.

— Она хочет тебя проведать, — добавил Чистильщик. — Но стесняется.

— Думаешь, это Зараза?

— Амнезия? Удаление опасных воспоминаний?

— Да.

— Нет, Золотарь. Заразе на исполнителей плевать. Это Шизе просто повезло.

— Как Рита? — спросил я.

— Ты только…

— Иди к черту. Я знаю, что она в «Докторе Сане». Корпус «Березки», второй этаж.

— Ты был у нее?!

— Нет. Я у медсестры выяснил. Как она?

— Я ей Белова сосватал. Косметический хирург, гений. К нему очередь — как отсюда до Луны. Контурная пластика и все такое. Сделают в лучшем виде. Нос не глаз, спасибо тебе…

— Она не выходит. Сидит сиднем в палате.

— Женщина, Золотарь. Это мы, гориллы, хоть с носом, хоть без — по Невскому проспекту. Я с ней говорил. Она все помнит. Все. Абсолютно. Как резала ноздри. Как хотела выколоть глаз. Как радовалась увечьям. Представляешь? Радость. Удовольствие. И полная анестезия. Это она тоже помнит. Лучше б, блин, забыла…

— Для кого лучше?

— Для меня. Для аналитиков, понятно, хуже. Рита — аналитик. Курирует 3-й отдел. Живцом напросилась сама. Вроде тебя.

Он замолчал, отвернувшись. Ну конечно. Вот мы и подошли к главному.

— Я не напрашивался.

— Неужели?

— Ну хорошо. Напрашивался. И ты мне отказал.

— Не отказал. Это был эксперимент, Золотарь. Риту формально объявили жертвой. Рита стучала по клавишам. Рита зарегистрировалась в этом долбаном форуме. Ты сидел рядом и давал советы. «Живец» — и консультант. А шарахнуло по вам обоим. Ты понимаешь, что это значит?

— Выходит, Заразе по барабану, кто зарегистрировался, а кто советовал?

— Выходит, что так.

— Нам и Карлсон помогал! И Умат!

— Мало помогали. А то б и их накрыло.

Он взял второе яблоко. Ярко-красное, с желтым бочком.

…и сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: «не ешьте ни от какого дерева в раю»? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И

сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло…

Я зажмурился. Не помогло. Текст стоял не перед глазами. Исчезло лишь яблоко в пальцах Чистильщика. А фрагмент «Бытия» остался. Мартовской сосулькой он таял где-то во мне. В сотрясенном мозгу? В отбитом мозжечке?

Что бы на это сказала моя бывшая?

— Она не разбирает, Золотарь. Вы с Ритой для нее были единым целым. Это один из результатов эксперимента. Я бы сказал, самый важный. Формальности Заразе неинтересны. Она видит больше, чем написано на экране. Чукча номер 36 не знала, что вас двое. А Зараза попала в яблочко. В два наливных яблочка. Без промаха. Почему?

— Почему?

— Не гони картину. Над результатами работают.

— Значит, есть еще результаты.

— Конечно. Монитор Шизы.

— Шутишь?

— Ни капельки. Его разобрали по молекулам. Изучили под микроскопом. И знаешь, что? В момент импицирования настройки монитора изменились. Самопроизвольно. Изменения не ахти какие, так сразу и не заметишь. Но в комплексе…

Он сунул мне распечатку. Филькина грамота. Samsung SyncMaster 940N. Диагональ 19". Время отклика 8 мс. Контрастность 700:1. На второй странице вверху стояла большая «шапка»: КЛЮЧЕВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ. И ниже: разрешение, яркость, контрастность… цветовая температура… «черный шум»… черная орхидея…

Цифры в ассортименте.

— Ну и что я тут должен понять?

— Ничего. Я тоже чайник, — ухмыльнулся Чистильщик. Похоже, он уже стоял баран бараном перед каким-то спецом, вертя в руках эту распечатку, и теперь отыгрывался на мне. — Нам достаточно знать главное. Зараза импицирует объект с помощью монитора. Хотя есть предположения, что монитор — лишь один из способов воздействия. Работает все: вплоть до тембра гудения кулера…

— Так это же решение проблемы! Забить в железо невозможность самопроизвольного изменения настроек. В случае чего пусть антивирус поднимает хай. И отключает все нафиг. Это реально?

— Реально. Даже программку надзора состряпали. За день, на коленке.

— И как?

— Отлично. При наличии такой программы монитор сгорает в течение трех дней. Без видимых причин. Любая модель. Ведется работа по адаптации, но, думаю, впустую. Слишком простое решение. Пошли на воздух, что ли? Душно тут у тебя…

3

Парк выглядел в меру запущенным. Клумбы, урны, беседки. Фонтанчик. Дорожки аккуратно подметены, скамейки блистают свежей краской. И в то же время — лохматые шевелюры кустов, «живые гроты» из нависающих ветвей, паутина тропинок уводит в «чащу»… Такая благоустроенная дикость требует больше усилий, чем порядок «французских» парков с их выверенной геометрией.

«Доктор Сан» не бедствовал.

На одной из скамеек играли в шахматы. Двое пожилых гроссмейстеров словно перенеслись сюда из сада Шевченко, чудесным образом сменив пиджаки, скроенные по моде 70-х, на шикарные халаты. Увлечены партией, шахматисты пропустили бы 3-ю мировую войну, начнись она прямо сейчас. Зато в ближайшей беседке раздался торопливый шорох. Не удержавшись, Золотарь сунулся внутрь. На него затравленно таращил глаза здоровенный красномордый мужик в спортивном костюме от «Nike». Обнаружив, что это не врач, а свой брат-пациент, мужик плюнул в сердцах — и, отвернувшись, заново раскурил вкусный «бычок».

Углубившись в дальнюю часть парка, где, кроме них, никого не было, Золотарь с Чистильщиком остановились под липой — матерой, огромной. Одуряюще пахло весной. Воздух можно было резать ломтями и намазывать на горячий хлеб вместо масла.

— Что еще мы имеем с виртуального «гуся»?

— Полный комплект. Пух-перья летят, шкварки благоухают…

— И шкворчат так, что сатана в аду обзавидуется! — Золотарь машинально потер скулу. — Только это все феномены. Внешние проявления. Возбудители, импы, жертвы… Нюхачи, в конце концов! Следствия. Как насчет источника? Первопричины? Самой Заразы? Статистики, небось, уже терабайты скопились! Что, нет версий?

— Вы просите версий? — спросил Чистильщик голосом актера Копеляна. — Их есть у меня. Даже с избытком.

— Это плохо. Значит, ни одной правдоподобной.

— Есть одна. Основная, она же рабочая. На вот, почитай. Умный человек писал. Я все равно лучше не изложу.

Увидев канареечно-желтую папку с грифом «ДСП», Золотарь

ощутил разочарование. «Для служебного пользования»? А он-то губы раскатал на три нуля секретности! И цвет у папки несерьезный. Нет, чтоб черный. Или красный… Может, желтый — это намек? Цвет дурдома?

Сигнал ожидания на светофоре?

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА № 186

От координатора [тщательно зачеркнуто] отдела
Ямпольского М. А.
Директору [тщательно зачеркнуто]
Ясенюку Г. О.

Перечень и результаты анализа существующих версий природы сетевого феномена — так называемой «Заразы» («Тварь», «Морид», «Мизантропный транслятор», «Черный Блоггер» и т. д.); далее — СФ (сетевой феномен).

1. Группа внешних антропогенных версий:

а) «Мстители» — интернет-пользователи, мстящие «в реале» за обиды и оскорбления в сети.

б) «Черный Блоггер» (ЧБ) — маньяк (группа маньяков), отслеживающий угрозы в сети и приводящий их в исполнение.

в) «Вúртухаи» — тайная гос. организация, отслеживающая нежелательные высказывания, направленные против существующего гос. строя и отдельных чиновников и политиков. Устраняет неугодных, маскируя свою работу под действия ЧБ.

2. Группа внутренних антропогенных версий:

а) «Мизантроп». СФ является результатом преднамеренных действий хакера (группы хакеров). В сеть был запущен полиморфный вирус с нестандартными функциями.

б) «Цербер». СФ — вышедшая из-под контроля система защиты нового поколения, разработанная спецслужбами или военными программистами.

в) «Киллер». СФ — боевая программа, разработанная спецслужбой (ЦРУ, Моссад, ФСБ, китайская контрразведка). Сейчас проходят ее испытания в виртуальном пространстве перед целенаправленным использованием.

г) «Приблуда». СФ — непредусмотренный побочный эффект использования широко распространенной программы (комплекса программ).

3. Группа внутренних не антропогенных версий:

а) «Тварь». Самозарождение в сети неразумного виртуально-электронного существа. «Тварь» реагирует на определенные раздражители. Ее реакция — выбросы «черного шума». Здесь выделяются два подпункта:

а-1) Реакция «твари» — результат срабатывания инстинктов (условных рефлексов).

а-2) Реакция «твари» — безусловный рефлекс, вроде дефекации.

б) «Зараза». СФ — болезнь сети, возникшая естественным путем. «Черный шум» — «гнойные выделения» вирт-организма.

в) «Интеллект». СФ — компьютерный разум. Здесь выделяются два подпункта:

в-1) «Контактер». Выбросы «черного шума» — попытки установления контакта с внешним (реальным) миром.

в-2) «Геймер». Внешний (реальный) мир для СФ — «игровая площадка». Каждый «вброс» воспринимается, как задание для нового квеста: вычислить жертву, подобрать исполнителя и выполнить задание в точном соответствии с полученными установками.

4. Группа внешних не антропогенных версий:

а) «Пришелец». Внеземная цивилизация (ВЦ) пытается установить контакт с Человечеством посредством интернета. «Черный шум» — послания (обращения) ВЦ к людям. Ввиду несходства человеческого разума с разумом ВЦ, полноценный контакт установить не удается.

б) «Агрессор». СФ — программа-вирус, запущенная агрессивной ВЦ. Цель: уничтожение Человечества и последующий захват опустевшей Земли. Сейчас идут пробные испытания.

в) «Прогрессор». СФ — программа-вирус, запущенная высокоразвитой ВЦ. Цель: поставив Человечество в экстремальные условия, принудить к отказу от агрессии. Сейчас идут пробные испытания.

г) «Гибрид». Нематериальная составляющая (эгрегор) Всемирной сети вошла в соприкосновение со Вселенским Виртуальным Континуумом (ВВК). СФ — одно из проявлений этого контакта.

Примечание: религиозно-мистические версии (СФ — знамение Апокалипсиса, явление древнего (нового) бога, ангела, демона, Ктулху и пр.) отделом не рассматривались. Данные версии находятся вне компетенции сотрудников отдела.

Результаты анализа вышеуказанных версий:

Все внешние антропогенные версии природы СФ (п. 1) являются полностью несостоятельными ввиду несоответствия ряду зафиксированных фактов и обнаруженных между ними связей.

Все внутренние антропогенные версии природы СФ (п. 2) являются несостоятельными. Анализ перехваченных образцов «черного шума» и др. проявлений СФ показывает, что мы имеем дело с принципиально иным уровнем организации информации. Создание программных продуктов подобного типа на сегодняшнем этапе развития информатики невозможно. Рациональное зерно теоретически может содержаться в версии «Приблуда» (см. Аналитическую записку № 187: Рабочая версия).

Все внутренние не антропогенные версии природы СФ (п. 3) скорее всего являются несостоятельными. Версии «Тварь» и «Зараза» не согласуются с зафиксированной целенаправленностью выбросов «черного шума». Версии «Контактер» противоречит отсутствие попыток целенаправленного обмена информацией. Прямых опровержений версии «Геймер» нет, однако имеется ряд косвенных опровержений.

Внешние не антропогенные версии природы СФ (п. 4) корректному анализу не поддаются, но скорее всего являются несостоятельными. (Более подробные обоснования сделанных выводов см. в Приложении 1.)

Координатор [тщательно зачеркнуто] отдела Ямпольский М. А.

Приложение 1 отсутствовало.

4

— Это они всерьез? «Агрессор», «Прогрессор»…

— Стругацких читал?

— Обижаешь!

— Тогда должен помнить: «…нам разрешается прослыть

невеждами, мистиками, суеверными дураками. Нам одного не простят: если мы недооценили опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто не имеем права пускаться в рассуждения о молекулярных флюктуациях — мы обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами…»

— «…и принять соответствующие меры, — продолжил я. — Вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах.» Все это очень бла-ародно, но со святой водой у нас дело швах. Я правильно понимаю момент?

— Увы. Но над этим работают!

— Это, конечно, не может не радовать…

Помолчали. В ветвях над нами отчаянно галдели и дрались воробьи. На головы то и дело сыпался мелкий мусор. Хорошо хоть, не гадят. Не голуби.

— Состоятельные версии у нас есть?

— Угу.

— Добротные?

— Угу.

— Ты филином не прикидывайся. Записку номер 187 прихватил?

— Соображаешь. Не Яма, но…

— Яма?

Невпопад вспомнился индийский пантеон.

— Ямпольский Матвей Абрамович, координатор.

— Кто?

— Координатор отдела. Он же ЯМА.

— Бог смерти — в координаторах? А директор, значит, ЯГО… Давай сюда записку.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА № 187

От координатора [тщательно зачеркнуто] отдела
Ямпольского М. А.
Директору [тщательно зачеркнуто]
Ясенюку Г. О.

РАБОЧАЯ ВЕРСИЯ
природы сетевого феномена (СФ)

На основе анализа собранных данных предлагается следующая рабочая версия природы СФ, не противоречащая известным фактам и обнаруженным связям между ними:

1. СФ **не является** результатом намеренного или случайного воздействия на Всемирную сеть извне.

2. СФ **не является** результатом самозарождения в сети виртуальной псевдо-жизни: «вирусов», «существ» или «разума».

3. СФ **является** побочной недокументированной функцией Всемирной сети, включающей: средства коммуникации, программное обеспечение, подключенные к сети компьютеры — и работающих с ними людей.

Все аналогии, привлекавшиеся ранее для объяснения природы СФ, ошибочны. Наиболее близким упрощенным аналогом Всемирной сети является одиночный компьютер с устройствами ввода-вывода и работающим за ним пользователем.

Каков общий алгоритм работы с компьютером? Пользователь формулирует для себя задачу, которую хочет решить. Загружает в компьютер подходящую для решения задачи программу (либо задействует уже имеющуюся). Вводит с внешнего устройства (из т. н. «реала») исходные данные. Запускает программу. Ждет. Через некоторое время получает результат, который, опять же, может быть выведен вовне, «в реал» — к примеру, распечатан на принтере.

Исходя из этого алгоритма, рассмотрим механизм работы СФ.

1. Формулировка задачи: оскорбить, унизить, запугать оппонента — происходит сознательно на фоне мощной психо-эмоциональной установки.

2. Загрузка программы не требуется. СФ присутствует в сети перманентно (аналог. ранее установленной программе), обновляясь и совершенствуясь.

3. Ввод исходных данных осуществляется набором на клавиатуре соответствующего текста (например: «Я, тебя, урода, в дерьме закопаю!»). Здесь следует выделить два существенных аспекта:

а) *Декларируемая задача.* Определяется введенным текстом (см. пример) и является исходным заданием для СФ.

б) *Реальная задача.* В действительности вирт-возбудитель не собирается осуществлять свою угрозу (см. п. 1). Как правило, ему достаточно ответной эмо-реакции объекта.

Примечание: СФ, как любая программа, приступает к исполнению лишь формализированной (декларируемой) задачи.

4. Запуск программы осуществляется эмо-посылом, превышающим критический порог. На более слабые посылы СФ не реагирует. Следует учесть, что пороговый барьер по мере совершенствования СФ становится ниже.

5. Ожидание: СФ требуется время для обработки данных и решения поставленной задачи.

6. Решение задачи включает в себя:

— поиск «жертвы» на основе имеющейся в сети информации;

— определение оптимального пути воздействия;

— поиск подходящего исполнителя;

— подключение к «периферийному устройству» (исполнителю) и импицирование его «черным шумом».

7. Вывод результата: появление в сети информации о решении задачи «в реале».

Косвенными подтверждениями данной версии является ряд зафиксированных фактов, на первый взгляд не имеющих прямого отношения к СФ. Как то:

— случаи прямого получения людьми информации из сети (без применения технических интерфейсов и при отсутствии компьютеров в радиусе прямой видимости);

— феномен «нюхачей»;

— отсутствие повторных нападений на «жертвы» в случае невыполнения задачи с первого раза. СФ неспособен проявлять инициативу. В случае сбоя он ждет новой команды пользователя, каковой не поступает.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что практически все люди, хоть раз имевшие контакт с компьютером, соединенным со Всемирной сетью, в той или иной степени «подключены» к сети. Являясь ее пользователями, они одновременно являются ее же периферийными устройствами ввода-вывода. Шанс оказаться вирт-возбудителем, импицированным или жертвой есть практически у каждого.

Возникает ряд закономерных вопросов:

— Почему СФ воспринимает лишь узкий спектр эмо-«вбросов» — адресную ярко выраженную агрессию?

— Каким образом СФ воспринимает эмо-«вброс»?

— Возможно ли конструктивное использование СФ?

— Существуют ли методы противодействия?

— Каковы вероятные перспективы развития

ситуации в ближайшем будущем?

Координатор [тщательно зачеркнуто] отдела Ямпольский М. А.

— Хватит, — сказал Чистильщик. — Меня твой лечащий убьет.

— Оставь папку, — велел я.

5

Ночью приснились похороны.

Кладбище было из новых. Такие выносят за окружную, подальше: въезд, халупа администрации, и без видимой паузы — кресты, плиты, дешевые памятники, венки, черные с золотом ленты… Бабушки ленятся ездить сюда торговать цветами. Могильщики клянчат «лопатные» вяло, сморкаясь в разрытую яму. Бюро ритуальных услуг выделяет место без проблем. Похороны быстрого реагирования, шутил Кот.

Почему вспомнился Кот?

Погода стояла отвратительная. Шел дождь; как показалось, даже со снегом. Это май-баловник, это май-чародей… Что уж там случилось в небесной канцелярии, но май выглядел больным лагерником. Рыхлая земля дышала гнилью. Плакала женщина — ровесница Золотаря, вся в трауре. Хмурила брови редкая стайка молодежи. Один, самый нервный, закурил, испугался, затушил окурок о подошву — и все не знал: куда ж его, заразу, выбросить? Возле горбатого автобуса, лежал, дожидаясь своего часа, крест с прибитой фотографией.

Черно-белая эмаль, молодое лицо…

«Антошку хоронят,» — подсказал сон. Холодея, Золотарь кинулся — побежал? полетел? — к кресту. Нет, не Антошка. Совершенно незнакомый парень. Жидкие усики, взгляд исподлобья. Родинка на правой щеке. Ниже фотографии крепилась табличка:

«Никонов С. А. 1989–2009 гг.»

Сердце дало сбой только сейчас, когда стало ясно, что ничего страшного не произошло. Грех так говорить, но лучше пусть умирают чужие. Он где-то читал — китайский сановник заказал мурецу письменное благословение для своей семьи. «Дед умер, отец умер, сын умер,» — написал мудрец. «Сдурел? — возмутился сановник. — Что это за благословение?!» В ответ мудрец тихо спросил:

«Ты предпочитаешь, чтобы это происходило в другом

порядке?»

Кладбище закачалось, будто сон снимали на камеру. Без штатива, с рук. Изображение уменьшилось, вокруг образовалась рамочка. Возникла надпись — к счастью, не на китайском: «Провожаем Никона.» Ниже, в черной пустоте, распахнулось окно. На фоне цвета обожженной глины побежали слова — отрывок из ночного чата, бессмысленного и беспощадного:

Starway: *ага зарыли. Жалко.*

Poopson: *гад он был Никон. Нехорошо гнать на мертвых L Только гад, да.*

Starway: *гад не гад а заплатил. Мне Киса рассказывал Никона насмерть забили. Вечером, в парке Кирова. у фонтана. пять бандюков или шесть.*

Poopson: *Он там был, твой Киса?*

Starway: *у него братан в ментуре. капитан. Говорит, долго били. Экспертиза подтвердила. И все спрашивали: Кота знаешь? Это тебе привет от Кота. И били.*

Тася: *что ты все врешь. Братан блин капитан. Он рядом стоял?? слышал?*

Starway: *ларечница слышала. Она как раз ларек закрыла. С перепугу под скамейку залезла. Пряталась дура. Потом дала показания. Бандюки еще записку оставили. На теле. Привет, мол, от Кота. И морда с усами. Как в фильме про Жеглова.*

Калач: *кто такой кот?*

Starway: *не в курсах. Авторитет наверно.*

Калач: *на хрена авторитету никон? никто и звать никак. шушера.*

Starway: *мало ли*

Калач: *херня. никон только в нете крутяк. был. всем грозил.*

Poopson: *Тебе, что ли, грозил?*

Калач: *и мне. ubl_udoc с оружейки — это ж никон. писал мне чтонайдет и уши срежет. не знал кто я. я к нему на хату режь давай. он усрался…*

Золотарь сел на кровати.

«Японские» обои на стенах. Стол, ваза, фрукты. В окно тычется неразменный пятак луны. Тишина. Звукоизоляция в «Докторе Сане» на высоте. Все для блага пациентов. Если заорать во всю глотку, никто не услышит. Кроме дежурной медсестры — наверняка есть подзвучка. Прибежит, станет успокаивать, пропишет укол в задницу…

Далеко-далеко, в Новосибирске, похоронили Никона. Ублюдка с оружейного форума. Того самого, из-за которого

Антошка… Почему ты веришь сну, Золотарь? Шутки подсознания, последствия сотрясения; память вытащила стертую монетку из-под груды старого белья. Тысяча причин. А ты веришь, идиот. Бери пример со Станиславского:

«Не верю!»

Пример не брался. Хоть убей. И в землю закопай.

— Алло! Кот? Это я…

Мобильник плясал в пальцах.

— Х-х… хто?

— Я, Золотарь!

— Н-ночь… падла ты…

— Сам падла! Твоя работа?

— Х-х…

— Твоя, спрашиваю?!

— Х-хде?..

— В Новосибирске!

— Иди ты… в жопу…

— Отвечай!

— Работаем, старик… все сделаем…

— Ты уже сделал!

— Пацан сказал… корефан отзвонился: скоро уже…

— Что скоро?

— Ручки-ножки… охуречик… отломаем…

— Кот!

— Я помню, старик… все в ажуре…

И рядом с Котом — злой женский голос: «Какой гондон? Только заснула…»

— Его убили, Кот! Его на хрен убили!

— Х-х… кого?..

— Ублюдка! Новосибирского!

— Это корефа-а… пацан сказал…

— Убили, кретин! И записку оставили!

— Х-хахую?..

— Привет от Кота!

В трубке воцарилось молчание космоса. Исчезла квартира, постель, сонный Кот, баба рядом с Котом. Открылась бездна, звезд полна. Что бы ни вытворял режиссер Лукас, а в космосе ни черта не слышно. Хоть взорвись ядерной бомбой, хоть сверхновой полыхни; хоть все физики мира наизнанку тебя выверни…

— Старик! Ты меня слышишь, старик?

— Слышу.

— Это розыгрыш, да?

— Нет.

— Розыгрыш! Я же чую! Старик, я сдрейфил! Я усрался!

— Очень рад.
— Это смешно, старик! Это по приколу!
— Это не смешно, Котяра.
— Я же… я же мимо кассы… Я разыгрывал тебя, старик…
— Знаю. И раньше знал.
— Это не я!
— Знаю. Это я, Кот.
— У тебя что, крышу сорвало?
— Доброй ночи, адвокат. Сладких снов.

ublu_doc: *кто сомниващцо может проверить. забиваем стрелку и смотрим кто придет а кто зассыт! тока потом не абижаццо если репу отрехтую!*

Вход в форум.

Password… login…

Enter!

Antique: *Пиздец тебе, Ублюдок! Думал не встану? Не вычислю? Твой адрес в реале уже пробивают по ментовской базе. Кота знаешь? Его корешок, твой земляк, тебя уже заказал. А Кот зря воздух не гоняет. Понял? Жди падла. Недолго осталось.*

С размаху Золотарь ударил телефоном об стену. И еще раз. Он бил и бил, пока не прибежала взволнованная медсестра. Ничего, сказал он ей. Пустяки. Просто мне сообщили, что в Новосибирске умер мой знакомый. Близкий, спросила медсестра. Близкий. Друг сына. И знаете что? Это я его убил.

Успокойтесь, сказала медсестра. Я сделаю вам укол.

Это я, да. Еще в феврале.

Чепуха.

Честное слово.

Не говорите глупостей. Вам вредно волноваться.

Я. Я убил его тем, что выше слов.

Давайте руку. Вот так. Сейчас вы уснете.

Хорошо бы.

Конечно, хорошо. Утром все будет хорошо.

Утра не будет, сестричка.

Почему?

Утро не для всех.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ОДИН ИЗ НАС

И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят.

Бытие, 3

Но в насмешку над немощным телом
Вдруг по коже волненья озноб.
Снова слово становится делом
И грозит потрясеньем основ.

А. Галич

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
БЛУДНЫЙ СЫН

1

— …вот, — сказал капитан Заусенец.

Капитан Непейвода взял протянутую ему записку.

— Нарушал, — раздумывая, пробасил он. — Распивал в неположенных. Оказал сопротивление.

— Иди в жопу, — сказал капитан Заусенец. — Оформляй.

— Оказал, говорю. Сержант Шевчук в обиде.

— Шевчук на природу в обиде, дебил. Оформляй.

— У меня обеденный перерыв.

— Лёнчик, не буравь мне череп. У тебя в обезьяннике много народу?

— Один. Твой.

— Не мой, а ихний, — капитан Заусенец ткнул пальцем в потолок. — Ты записку прочти, а? У нас всеобщая грамотность.

— Ну, прочел.

— Оформляй и топай жрать. Пока не остыло.

Капитан Непейвода вздохнул:

— Хамло ты, Заусенец.

— Ага. Где Шевчук его нашел?

— В сквере Победы.

— Что он там делал?

— Портвейн хлестал.

— Какой?

— Крымский белый.

— Что еще?

— Ерунду орал.

— Какую?

— Что всех убьет из интернета. На хрен. И сам застрелится.

— Так и орал?

— Не знаю. Шевчук сказал — так.

— Что у него взяли?

— Кто?

— Шевчук.

— Обижаешь, Заусенец.

— Обижаю. Короче, верните.

— Мобильник.

— Бабки тоже верните.

— Не было там бабок. Слезы одни.

— Верни, Ленчик. По-хорошему.

— Слушай, Заусенец… Кто он? Алкаш, говно собачье. Псих. Шевчуку ухо расцарапал. До крови. А ты вот записки носишь. На меня рычишь. Обижаешь по-всякому. Я злопамятный, ты имей в виду.

Капитан Заусенец наклонился к капитану Непейводе. Казалось, хорек вот-вот вцепится в нос жирному барбосу. Дежурный хотел отодвинуться, но не смог. Помешала стена.

— Не грози мне, Лёнчик. Оформляй.

— Ой, как жалко, — всплакнула баба Галя. — Пропадет ведь.

Лариса Петровна закурила.

— Пропал, — бросила она, выпустив колечко дыма. — Уже.

— Так ведь жалко.

— Ни капли. Ни мизинчика.

— Приличный человек какой…

— Все они приличные. А потом хлоп, и жену зарезал.

— Он в разводе.

— Вот-вот. От такого ангел сбежит. Он со мной никогда не здоровался. Идет мимо, глаз прищурит — и хоть бы хны. Нет чтоб здрасте, Лариса Петровна…

Баба Галя достала из сумки вязание:

— Санечка с утра проморгается, и на угол. В рюмочную. Небритый, морда опухшая. Сотку «Чаклуна» возьмет и кофе. Я с Настасьей, продавщицей ихней, знакомая. Настасья мне и докладывает.

— У твоей Настасьи таких санечек — полрайона. Спаивает, курва. Бальзам из самогона варит. Коньяк, опять же… Палёный. Икота от него. И желудок.

— Наружу выберется, в подворотню, — баба Галя раздумала заводиться насчет Настасьи. Курва так курва. Всем жить надо. — Там и пьет, на свежем воздухе. Курить стал. Раньше-то некурящий был, как мой покойник…

— Людка говорит, на похоронах его видела.

— Кто умер?

— А никто. Людка на кладбище старается. В оградке прибраться, то да се. У кого времени мало, да денег много, ей поручают. Говорит, твой Санечка у могил ходит. Надписи читает. А если кого хоронят, беспременно рядом встанет. Смотрит. Завидует.

— Ой…

— Вот тебе и ой. Скоро уже.

— Чего скоро-то?

— Газом травanется. Или вены вскроет. Если газом, может дом рвануть. В Днепропетровске один такой рванул. В новостях показывали. Ты думай, Галина. Твой дом, тебе жить. Я ему не соседка.

— О-ой…

— Мой такой же был. Слова не скажи. Налево бегал, сволочь.

— От тебя?

— А то ты не знаешь… Жалостливая ты, Галина. Ездят на тебе. А на мне где сядешь, там и слезешь. Вот рванет дом твой Санечка, вспомнишь мои слова…

— Нет, ты понял! — сказал Квач. — Прикольный хмырь.

— Муйня, — возразил Тролль.

— В сраке у тебя муйня. А я слушал. Прикольно, да.

— Чё там прикольного? Наша Таня громко плачет…

— Не, Тролль. Не так. Вот у тебя муйня, это точно. А у него… — Квач нахмурился, вспоминая. — Привет, мой друг Татьяна, значит. Пусти меня в жильё… Красиво.

— Ага, в жильё. Перепихнуться.

— Тебе одно чешется. Нинка не дает?

— Не дает.

— Ну и не даст. А хмырь, он…

Квач поискал слово, не нашел и повторил:

— Прикольный. Другой бы забздел. Я ж вижу — бухарик. Щас бабла сострижем, по-легкому. Все бздят, когда их тормозят. А этот ржать начал. Типа мы ему клоуны. На фига вам бабки, братва? Это он нам, понял? На фига? Давайте я вам стихи почитаю…

— Я не клоун, — обиделся Тролль.

И пожалел, что не дал прикольному хмырю звездюлей.

— Ты вот так можешь? Привет, мой друг Нинка! Пусти меня в жильё! Тебя, мой друг Нинка, так мало я любил…

— Я ее ваще не любил. Не дает.

— И не даст. Ты ей стихов не читаешь. Вот хмырю она даст…

— Блин!

Тролль задумался. Наверное, Квач прав. Хмырь прикольный. Прикольному Нинка точно даст. Вон как вчера уши развесила. И глаз на слезе. Найду книжку, дал себе зарок Тролль. Заучу. Три страницы. Ну, две. Прочитаю Нинке, она даст.

— Я иногда думаю, Тролль…

— Ты? — решил подначить Тролль.

И получил в рыло.

— Вот думаю я иногда, — Квач изучил дело рук своих, и увидел, что это хорошо. — Говно ты, Тролль. И Нинка говно. И

Суслик. А я с вами тусуюсь. Прав бухарик.

— В чем это он прав?

— Не помню. В том-то и дело, Троллина. Не помню. Забыл.

— Мозгой тронулся? — опасливо предположил Тролль.

Квач не ответил.

2

— Как новенький?

Чувствовалось: Рите хочется спросить о другом. Но она не решилась. Оттягивала неприятный момент. Все равно придется, конечно. Может быть, Чистильщик сам об этом заговорит?

Прежде чем ответить, Чистильщик посмотрел в окно. Казалось, «новенький» обретался где-то там: сидел на верхушке пирамидального тополя, или летал на манер Карлсона, гоняя голубей. Нет, Карлсон — этажом ниже. Он не летает. И новенький — там же.

Часть створок «фонаря» была открыта. В «студию» волнами накатывала мягкая майская теплынь. Снизу долетали гудки машин и звон трамваев. Где-то лупила строительная «баба» — раз за разом. Весна в разгаре. Скоро полетит тополиный пух. Придется окна закрывать…

— Самоход? Приживается. Из парня будет толк.

Он поморщился, устыдившись фальшивой бодрости сказанного.

— Почему — Самоход?

— Сам к нам пришел. Ну, почти. Его врач направил.

— Венечка?

— А ты думала, это я его вынюхал? Представляешь? — заявился парень на прием. Доктор, помогите, у меня обаятельные галлюцинации! Ну, Венечка мне и отзвонился.

— Обаятельные?

— Ага. Перепутал обаяние с обонянием. Тяжелое детство, недостаток витаминов. А так — хороший парень. И нюх отличный.

— Ну да, конечно… Помню, Верка Степанова на уроке биологии выдала: «Рецепторы бывают вкусные, слушательные, зрительные, обаятельные и тактичные».

— Та самая Степанова?

— Та самая. Заведует отделением в педиатрии. Мамочки не нарадуются…

Помолчали. В окно влетела пчела, с недовольным жужжанием закружилась у Ритиной головы. Женщина замерла, не шевелясь.

Ей очень хотелось отмахнуться, но она терпела. Ждала, пока гостья уберется восвояси. Запах духов пчелу не удовлетворил. Мало ли что утверждает Кристиан Диор! — не бывает такого жасмина. С разочарованием вжикнув, пчела вылетела прочь.

Рита перевела дух.

— Я их боюсь, — призналась она. — У меня на пчел аллергия. Однажды укусила — меня всю раздуло. Как надувную игрушку. Жуть! Больно было… Мама говорит, еле откачали. Я сама плохо помню. Как в тумане… Не дай бог в лицо б ужалила — вся пластика насмарку!

Чистильщик не удержался, покосился на Риту. Белов не подкачал, лишний раз подтвердив свою репутацию. Пара розовых штрихов на подбородке. Тоненькая бороздка на правом крыле носа. Если специально не присматриваться… Скоро, уверял волшебник Белов, и этого не останется, не сомневайтесь.

Никто и не сомневался.

— Может, его врачам сдать? На принудительное?

— Кого?

Он прекрасно знал — кого.

— Золотаря. Не мальчик уже. Печень не железная…

— У кого она железная…

Вскочив, Чистильщик по давней своей привычке заходил по комнате взад-вперед. Руки он заложил за спину. Да, он знал, что похож сейчас на заключенного, от волнения меряющего камеру быстрыми шагами. Но ничего не мог с собой поделать. Так было легче.

— Нельзя его принудительно. Надо ждать!

— Ждать… — повторила Рита, что-то мысленно прикинув. — Чего ждать, Вадик? Он ведь с жизнью счеты сводит. Хорошо, насчет принудиловки — согласна. А если мягко, аккуратно?

— Не думаю, — ладонь, как шашка, рубанула воздух. — Не получится.

— У меня же с тобой получилось?

— Разные мы. Понимаешь? Разные!

— Не кричи. У тебя сигареты есть?

— Ты ж не куришь! — изумился Чистильщик.

— Теперь курю. Так есть?

— Есть.

Он выдвинул ящик стола.

— Гостевые. Тебе какие? «Camel»? «Vogue» с ментолом?

— «Vogue».

— Кури здесь. Окна настежь, выветрится.

Он вручил Рите тонкую пачку сигарет и пепельницу. Устроившись на подоконнике, Рита чиркнула зажигалкой,

сделала несколько торопливых затяжек и продолжила:

— Меня начальство теребит. Тебя утвердили координатором. Золотаря планировали на твое место. По твоей, между прочим, рекомендации. И нате-здрасте — наш протеже в глухом запое. На грани суицида. Что прикажете? Карлсона вместо него ставить? Умата? Шизу?

— А что? — буркнул Чистильщик. — Ставьте Карлсона.

— Не потянет. Шиза у него так и живет? Звонила?

— Живет. Я ей сам звоню. Каждый день.

— И как она?

Чистильщик вздохнул:

— Я не лезу в чужую личную жизнь. Я джентльмен.

— Джентльмен он. А у твоей Шизы стокгольмский синдром. Заложницы влюбляются в похитителей. Жертвы в мучителей. Бедная девочка. Когда неизбалована мужским вниманием… У нее закрепилось, что Золотарь к ней приставал. Лапал. Домогался. И она трансформировала это черт знает во что…

— Сама ей скажи.

— И скажу. А он что?

Оба знали, что ничего Рита никому не скажет.

— Не в курсе. Не ее же спрашивать, в самом деле! То ли терпит, то ли вообще не замечает. Она жалуется: не пристает. Большей частью молчит. Уходит, приходит… В сеть лезет. Пьяный. Потом отрубается.

— Говорить с ним не пыталась? По душам?

— Вряд ли. Ты ведь тоже ко мне не сразу пришла. Выжидала момент?

— Выжидала.

Раздался звонок — громкий, требовательный.

— Кого-то черти несут, — Чистильщик втайне обрадовался возможности прервать тягостный разговор. — Обожди в другой комнате, ладно?

— Ладно. А ты думай. Начальство ждать не хочет. Неделю я у них выцыганю. Потом будут решать, хотим мы того, или нет.

3

— Собаку завел, — всхлипнула бывшая.

Она достала из сумки платочек. Маленький, батистовый, с кружевами по краю. Крылось сейчас в бывшей что-то такое. Человеческое. Тургеневская девушка бальзаковского возраста. И морщинки в уголках рта. Очень располагающие морщинки.

— Большую? — заинтересовался Чистильщик.

— Будет. Когда вырастет.

— Ну, это не страшно.

— Я с соседями говорила. Он пьяный идет, шатается, а пес за ним. Без поводка. Один раз упал в палисаднике, заснул. Храпит на всю улицу. Булькает. Так пес к нему никого не подпускал. Щенок, а злобный. Рычал, кидался.

— Кого не подпускал? Мальчишек? Врачей? Милицию?

— Ну, я не знаю. Соседи так сказали.

— Чего вы от меня хотите? — спросил Чистильщик.

— Повлияйте.

— В каком смысле?

— Ну, вы же его начальник, — бывшая погрозила Чистильщику пальцем, и сама смутилась. — Ему нельзя так пить. У него желудок. Давление. Он зеленый весь. У него обмороки. Мне соседи… Не по-человечески это. Не по-христиански.

— Я агностик, — мрачно сказал Чистильщик. — Я дзен-уклонист. Как же вы не вовремя…

— Вы должны. Обязаны. Ему бомжи мобильники носят.

— Бомжи?

Представилась ужасная картина. Бомжи со всего района — грязные, испитые — сносят Золотарю мобильные телефоны. Десятками. Сотнями. Находят, воруют, отнимают силой у невинных детей. И несут…

— Ну, один бомж. Сумка у него клетчатая. Мне Лариса Петровна доложила. Явился, вокруг дома ходил. Интересовался, здесь ли живет этот… Описал — кто. Узнал, что здесь, стал код на подъезде спрашивать. Ваш, мол, мобилу потерял, так я принес. Жалко, если пропадет.

— Отдал?

— Ларисе Петровне? Нет. Дождался, пока… Короче, они потом напились. По-свински. Лариса Петровна сказала, что они под «Гаятри» буянили. Это интернет-кафе, у метро. Кричали, что здесь — притон зла. Геенна огненная. Их чуть не побили. Господи, надо ж так набраться…

— Как вы меня нашли?

— Я звонила. Спрашивала. Мне наш пастор помог. У него связи.

— Связи… Чаю хотите?

— Хочу.

— Черный? Зеленый? Желтый?

— Желтый… я никогда раньше…

— Не пили чаю?

— Желтого…

Чистильщик включил электрочайник. Достал из шкафчика

заварник и упаковку «Туманов Хуанг-Шаня». Хорошо, что бывшая согласилась на чай. Так легче. Он не знал, о чем разговаривать с незваной гостьей. «Студия» казалась западней. И ведь ходила, узнавала, искала; нашла.

Требует.

Если Чистильщик и боялся чего, так это встретиться с Золотарем. Пьяным, трезвым — все равно. Жадный, зубастый страх — заглянуть в зеркало и увидеть себя самого. Помнишь, брат? Ты сломал шпагу, а парень тихо выл, скорчившись под деревом. Джинсы бедняги пропитались кровью. Ты ничего не понимал, кроме главного — нельзя слушать этот вой. Обломок шпаги казался выходом — наилегчайшим, пуховым. Как крыло ангела. Потом была реанимация и психушка. И Рита. Спасла, перетащила на эту сторону.

Я не Рита. Я не сумею.

— Вот, — он придвинул бывшей чашку. — Пейте.

— Эта сучка, — вдруг сказала бывшая. — Она у него живет. Эта девка…

Господи, растерянно подумал Чистильщик. Она же его любит, бывшая. До сих пор любит. И развелась. Даю голову на отсечение, она сама подала на развод. Запилила насмерть, ушла, и нате вам — терзается. Принимает участие. Слава богу, Наташка ушла раз и навсегда. Я бы не выдержал вот так, по частям.

— Шиза не сучка, — сказал он. — Зря вы так.

— Да? — в голосе бывшей пробились резкие, визгливые нотки. — Тогда почему она Шиза? У нее есть нормальное имя?

— Есть, — Чистильщик напрягся, вспоминая. Он вечно забывал настоящие имена охотников. — Носова Алена Дмитриевна. А что?

— Носова? Нет, она Шиза. Натуральная. Она мне так и представилась: Шиза. Вы понимаете?

— Да.

— Он блюет, а она полы моет. Он спит, а она с него обувь снимает. С улицы уводит, когда он буянит. Готовит. Посуду моет. Она юродивая, да? Только не говорите мне, что это любовь.

— Я ничем не могу вам помочь.

Бывшая съежилась, словно вспомнив, зачем пришла. Я больше не буду, читалось на ее лице. Она жадно припала к чашке, обожглась, но стерпела. Лишь глаза снова заблестели от слез.

— Он сына видеть не хочет. Антончик к нему каждый день… А он дверь не открывает. Или эта ваша, Шиза… Откроет и говорит: извините. Александр Игоревич просит его не беспокоить. Антончик весь извелся. Кушает плохо. Себя винит. Я же вижу…

Чистильщик подошел к окну.

— Скажите сыну, что его вины здесь нет.

— А чья? Чья здесь вина?!

— Вы книгу Иова помните?

— Да, — растерялась бывшая. — Помню.

— Чья там вина?

— В каком смысле?

— В смысле Иова.

— Не кощунствуйте, — бывшая встала. — Каждому воздастся. И вам в том числе.

— Уже, — вздохнул Чистильщик.

4

Он даже обрадовался, когда в кабинет ворвалась Рита.

— Там… внизу…

Взволнованная, с красными пятнами на щеках, она быстро взяла себя в руки. Вспомнила, что они не одни. Поправила прическу, сухо кивнула бывшей:

— Добрый день. Я — коллега Вадима Петровича.

— Будьте благословенны…

— Что? Ах да, конечно. Вадим Петрович, внизу что-то происходит.

— Что?

— Какой-то шум.

— Шум? — Чистильщик прислушался. — Вроде бы нет.

— Это вам отсюда не слышно. Зайдите ко мне, в соседнюю комнату.

Рано обрадовался, понял Чистильщик. При виде Риты делалось ясно: если он сам пуще смерти боялся встречи с Золотарем, шарахаясь от зеркальности deja vu, то женщина с не меньшей силой боялась зайти в «нижний котел». Туда, где резала себе лицо — нет, теряла, с каждой секундой все больше теряла лицо, становясь не пойми кем.

Хорошо, если марионеткой.

— Извините, — он кивнул бывшей. — Обождите, я сейчас.

Да, действительно — в соседней комнате был слышен шум, несшийся снизу. Ремонтники, гады, напортачили со звукоизоляцией… Звук слабый, но внятный. Чистильщик прикинул, какой галдеж должен стоять в самом «котле», и содрогнулся. Снаряд второй раз в одну воронку не падает, напомнил он себе. И ответил: ты, брат, не воевал.

А вдруг падает?

— Можешь вывести охотничьи камеры на монитор? —

спросила Рита.

— Нет. Ты же знаешь, у меня нет кодов.

— Я? Нет, не знаю.

Кажется, она не лгала.

— Коды от камер — у внешников. Все записи идут к ним. У меня нет доступа к материалам. Это надо подавать запрос…

— Я могу позвонить Ямпольскому.

— Долгая история. Короче, я вниз. Жди тут.

Чистильщик кинулся к шесту. Проклятье! — шест обжег ладони. Свалившись в коридор «котла», он пулей влетел к охотникам. Разогнался, как на пожар. И сбил с ног идиота-Самохода. Новичок топтался в дверях — здоровенный, плечистый, не меньше самого Чистильщика.

Оба упали на пол.

— Вот! — назидательно произнес знакомый голос. — Вот оно, возмездие! А я вас предупреждал, юноша. Какого черта вы заняли мое место? Вас что, не уведомили?

— Не-а…

Самоход ворочался под непосредственным начальником, кряхтя и охая. Наконец он выбрался на свободу и сел Чистильщику на копчик. Поерзал, устраиваясь. И со вздохом повторил:

— Не-а. Мне сказали, тут свободно.

— Кто сказал? Я хочу видеть этого человека!

— Это не я, — заорал Карлсон. — Это Умат, етить-колотить!

Умат побагровел от такого предательства. И жестами показал Самоходу: вместе пропадем. Это, чувак, кранты. Без вариантов.

— Что ж вы, юноша, — продолжил голос с гестаповскими нотками. — Только ведь жизнь начинаете. Все дороги открыты. И вдруг — двери закрываются, конечная станция. Поезд дальше не идет. Знаете, где ваше место?

— Возле параши! — обрадовался подлец-Карлсон.

— За шкафом? — предположил Самоход.

— Может, ты все-таки слезешь с меня? — не выдержал Чистильщик.

И встал так, что Самоход улетел к окну.

— Привет, шеф, — сказал ему Золотарь. — Все, отгулы кончились.

Гладко выбритый. Бледный. Трезвый. Под глазами — мешки. Серый костюм с металлическим отливом. Галстук — синий в крапинку. Туфли начищены до одуряющего блеска. Редеющие волосы гладко зачесаны назад. На скулах — сеточка темно-красных капилляров. Лихорадка на нижней губе.

Пришел.

Чистильщик ухватил Золотаря за лацканы:

— Теперь моя очередь спрашивать. Знаешь, где твое место?

— Я! — Карлсон тянул руку, как школьник на уроке. — Я знаю!

Порыв толстяка был проигнорирован.

— В «студии». В моем кабинете, — Чистильщик обвел взглядом притихших охотников. — В твоем кабинете.

— Ну и правильно, — высунулась из-за шкафа Шиза. — Давно пора.

— А ты куда? — тихо спросил Золотарь.

— А Вадим Петрович идет на повышение, — ответила Рита. — В коорделы.

Она стояла в коридоре. Словно так и надо. Словно не она только что удавила свой страх. Не ее ноги меряли лестницу ступенька за ступенькой. Не ей хотелось — по шесту. И не этажом ниже, а ко всем чертям. Со свистом. Чтобы ветер в ушах.

Из-за спины Риты выглядывала бывшая.

— Санечка… доброе утро, Санечка…

— Ты что здесь делаешь? — изумился Золотарь.

— Я тебя…

— Ищешь, что ли?

— …спасать пришла.

Неприлично заржал Самоход.

— Ты, Вадим Петрович, мне вот что скажи…

Золотарь сразу забыл о бывшей. Заговорил еще тише, считай, шепотом. После запоя шепот выходил сиплым, свистящим. Как пищалка на дешевом воздушном шарике.

— Ты только не ври, ладно? Теракты уже имели место?

— Какие теракты? Совсем мозги пропил?!

— С применением Заразы. Не ври, шеф, не умеешь…

— Не здесь, — ответил Чистильщик.

5

Чистильщик поднимался из «котла» в «студию», как все — по лестнице. Один страх сменился другим. Он боялся выпустить Золотаря из поля зрения. Возьмет, алкаш, и сгинет — только отвернись! Ищи его потом по окрестным гандэлыкам…

В «студии» Золотарь деловито осмотрелся, углядел под потолком замаскированный глазок телекамеры — и показал наблюдателям фигу. Крепкую такую, бодрую фигу. После чего нахально оседлал стул и изобразил рукой приглашающий жест. Мол, в ногах правды нет.

Рита с Чистильщиком присели на диванчик.

— Значит, были теракты?

— Попытки, — ответила Рита.

Она всегда быстро понимала, о чем речь.

— Неудачные. Я так и думал. Все сходится.

— Что сходится?

— Теория с фактами. Знаете, когда много пьешь, хорошо думается. Мысли одолевают. Ты их гонишь, топишь — в водке! в портвейне!.. — а они всплывают. Они тебе даже сдохнуть не дают. Утром башка трещит, вот-вот лопнет, а ты все равно думаешь. Вадим Петрович, не в службу, а в дружбу… Сделай мне кофе. И побольше. Осточертел твой чай…

Все время, пока Чистильщик возился на кухне, Рита и Золотарь молчали. Косились друг на друга, отворачивались — без толку. Взгляды опять скрещивались, как шпаги. Те самые шпаги, о каких хотел бы забыть человек на кухне.

— Держи, пьяница. Не обожгись.

— Спасибо. Так вот, думал я, думал… Не в ту степь забрели ваши аналитики! Хорошо, *наши*, нет проблем. Все красиво, все верно… Только на пять румбов правее надо.

— В смысле?

Румбы, оценил Чистильщик. Портвейн. Ну да, конечно.

— Вопросы в конце 187-ой помнишь? Правильные вопросы. Небось, и ответы нашли? «Каким образом СФ воспринимает эмо-„вброс“?» Сели три мудреца в одном тазу, давай решать: суперпозиция полей, резонансный скачок при «вбросе»…

— Откуда ты знаешь?! Это из приложения, я тебе его не давал…

Золотарь без видимой причины возликовал:

— Вот! Не в корень зрим!

— А где корень? — вкрадчиво поинтересовалась Рита.

— В штанах. Дело в шляпе, а корень в штанах. Мудрецы пляшут от сетевого феномена: что, да как, да с чем его едят. Как его приспособить для нужд народного хозяйства? Ах, никак! Тогда как с ним бороться? Если не пришельцы, не искусственный интеллект, не хакеры, не спецслужбы… «Недокументированная функция Всемирной сети, включающей компьютеры — бла-бла-бла — и работающих с ними людей.» *Людей*! Железо — ерунда! Хлам. Мертвечина. А вот когда homo sapiens прикладывает к нему свои шаловливые ручонки…

Он принялся шумно лакать кофе. Чистильщик не поскупился — принес «сиротскую» кружку, скорее годную под пиво. Золотисто-алый мак цвел на фаянсовом боку.

— Чем люди друг на дружку воздействуют? Кулаки выносим

за скобки, — вынырнув из кружки, Золотарь подмигнул зарумянившемуся Чистильщику. — Словами, ясен пень. Вначале было слово, и по сей день, значит… Минуточку! Эйн, цвей, дрей!

С видом фокусника, собирающегося достать из цилиндра живого кроля, он подскочил к компьютеру. Шевельнул «мышь», пробуждая экран. Сунулся в поисковик — и забарабанил по клавишам, немелодично мурлыча себе под нос: «Я спросил у Яндекса, где моя любимая… Яндекс не ответил мне, дал ссылку на яой. Я спросил у Рэмблера, где моя любимая… обломался Рэмблер, завис, как неживой…»

— Вот. Идите сюда.

Австралийский специалист по «языку телодвижений» А. Пиз утверждает, что с помощью слов передается 7 % информации, с помощью звуковых средств (включая тон голоса, интонацию и т. п.) — 38 %, с помощью мимики, жестов, позы (невербальное общение) — 55 %. Иными словами можно сказать, что важно не что говорится, а как это говорится.

…Наблюдения показывают, что в процессах общения 60–95 % информации передается именно с помощью системы невербалики. Ее составляют: тон голоса, тембр, высота, скорость, интонация и другие различные характеристики… внешний вид, одежда, поза, выражение лица, улыбка или ее отсутствие, взгляд, движения, походка, глубина и скорость дыхания, жесты, кивки и мотания головой… прикосновения…

— Гр-р-ры!

Развернувшись в кресле, Золотарь ткнул скрюченными пальцами в адрес коллег. Чистильщик, занятый чтением «Пизанских выкладок», отпрыгнул позже, чем следовало, споткнулся и чуть не упал. Рита тоже подалась к окну, но не так резко.

— Сдурел?!

— Маленькая демонстрация, — как ни в чем не бывало, сообщил Золотарь. — Видишь, я тебе ничего не сказал, а ты все понял. Значит, если австралиец и привирает, то самую малость.

Пройдя мимо Чистильщика — тот с опаской посторонился — он вернулся на прежнее место, допил остатки кофе и продолжил:

— Но это при разговоре вживую. Вместо «не знаю» — пожимаем плечами. Вместо «неохота» — корчим гнусную рожу. Вместо «я возражаю»… — он рубанул ребром левой ладони по сгибу правого локтя. — Даже по телефону сохраняются интонации, тембр, тон. Паузы, наконец. А если перед тобой экран монитора? Или книга?

— При чем тут книга?

— Очень даже «при чем»! — взвился Золотарь; он словно

ждал этого вопроса. — Книга — область *моей* профессиональной деятельности. Так что слушайте и мотайте на ус. И вы слушайте, — он назидательно ткнул пальцем в камеру. — А главное, записывайте! Пригодится.

6

…Я с худлом давно работаю. С чем? Ну да, с художественной литературой. Правда, та, которая художественная, к нашему брату-редактору редко попадает. Пришлют текст, смотришь — худло! Натуральное. Ну, садишься. Правишь. Макияжик, причесон. Костюмчик перелицевать. Не есть пальцами. Не сморкаться под ноги. Не хохмить на похоронах. Не лепить по три прилагательных к каждому существительному.

Глядишь — заиграло! Ай да я!

…только не я это. Я так. Обслуга.

Выйдет книжица — начнутся отзывы в сети. Прётся народ. Тащится, добавки просит. Они ведь на самом деле сопереживают! Мысли находят, чувства, страсти. Ну, мысли — ладно. А страсти? Не у Шекспира с Бальзаком, не у Пушкина с Буниным — у Пукина с Букиным. В великой эпопее «Колдуны Черных Земель». Значит, есть там что-то, кроме буковок?

Плюйся, брани графомана — есть, и баста.

У писателя кроме слов этих треклятых, муравьев на снегу — ничего нет. Ни мимики, ни жестов, ни интонаций… Семь процентов полезной информации, если верить Пизу. А читателя на слезу прошибает. Комок к горлу подкатывает. Хохочет в голос, соседей в три часа ночи пугает. Готов в книгу влезть, героя за руку схватить: не ходи в темный лес! Как же так? Откуда?

Если только буквы? Только слова?

Значит, не только. Значит, архив. Жесты, поза, мимика. Тон с интонациями. Запаковано, в книгу вложено и читателю в магазине продано. Именно те жесты и мимика, которые этому конкретному читателю понятны и доступны. На которые у него слюна выделяется, как у собачки Павлова. Лежит архивчик между строк, ждет. Ему бы в чужое сердце влезть. В мозги. В бога-душу-мать. Там он уже сам — раскроется и сработает. Как мэйл-бомба.

Ничего не напоминает?

Мы, редакторы, лезем, правим… Но от перестановки мест слагаемых сумма не меняется. Наш причесон — он для проформы. Никто и не заметит — были мы, не были… Получается, эти чертовы девяносто три процента информации, которые выше слов, неистребимы? В любом случае никуда не

деваются? Иначе откуда слезы, смех, душа в клочья? Вживую мы это с ходу выдаем — звуком, движением. Палец показал — дурак смеется. Оскалился — трус убежал. А в книге… Кодируется оно, что ли? Хоть у Бунина, хоть у Букина. Просто мимика у них разная.

Особый дар — гримасу свою за буковками спрятать.

…интернет, спрашиваете? Та же бодяга, только в профиль. Здесь они, эти проценты. Все наши. Родные. Клубятся над текстом. Вокруг картинок. Жесты, мимика, прикосновения. Смайлики, дурацкие знаки препинания — это так. «+1», «пацталом», «ужоснах» — костыли. Главное — между знаками. Давление среды. Посредник между нами — и нами. Инфосфера второго рода. Едва заваривается срач, в ней собирается гроза. Народ звереет, страсти накаляются; копится критическая масса… Спектр узкий, эмоции примитивные, мощные. Клубятся тучи: косматые, в каждой — Зевсова эгида.

Бац! — молния.

Переход количества в качество.

Дикари рисовали на стене пещеры мамонта. Прыгали вокруг, орали, копьями размахивали. Верили — поможет! На стене кремневыми остриями истыкали — на охоте удача будет. Мы, просвещенные «юзвери» — дикари XXI века. Скачем перед изображением врага, ритуальные пляски устраиваем, бранимся — ни дна тебе, вражина, ни покрышки… Гримасничаем, жестикулируем — в душе. Никого мы «в реале» мочить не пойдем. Но в неосознанной глубине встает память предков: сейчас мы их копьем на стене — завтра в натуре заколбасим, изжарим и съедим! Не я, так Сын Голубой Устрицы добудет гада!

Шумим по-черному.

А СФ — виртуальная невербальная аура — реагирует. Слова — формальная программа. Все же остальное, кипящая надстройка — главный посыл. Гримаса, жест, поза. Взмах копья перед символом. «Вброс» — архивчик между слов. СФ его распакует и под козырек: принято к исполнению! Для начала — сверхпороговые агрессивные посылы в конкретный адрес. Самое простое. Самое понятное.

Что дальше? Не знаю.

…Теракты? Потому и не получаются, что посыл на человека нужен. Внятный. Персональный. От сердца к сердцу. Кто ж к президенту, премьеру, губернатору относится, как к человеку? Можно ли с таким взаимно разосраться? Лицом к лицу сойтись? Морду ему набить?

Дудки!

Это не люди — символы. Тотемы. Духи, если угодно. Вкопал

шаман идола перед пещерой. Все чурбану молятся, морду жиром мажут. А меня чурбан обидел. Жена от меня к Могучему Медведю ушла! Кто виноват? Дух, зараза! Что я ему сделаю? Жира пожалею? Углем рожу разрисую? Топором изрублю? Ну, допустим. Отведу душу. А толку?

Я ж нутром понимаю: он — дух. Не такой, как я.

Не от мира сего.

Можно страстно ненавидеть президента. Он страну развалил, все деньги украл и вообще урод. Можно горланить на форуме: «Ах вы чмошники толстожопые во главе с вашим ублюдком-гарантом! Сосатели народных сил! Попадитесь вы мне в темном переулке…» Слова есть. А с гримасой — плохо. С жестами — не очень. И поза не слишком грозная. Унылая поза, скажем прямо. Потому что в глубине, где живет дикарь, знаешь — нет шансов. Не достанешь, не испугаешь и даже не обидишь. Это ж не мамонт, и не Васька из соседнего подъезда…

Для охоты на духа нужен сильный шаман.

…что вы смотрите? Что?! Какого черта я битый час перед вами распинаюсь? Руками размахиваю, глаза таращу, клоуна из себя корчу?! Цирк, блин… Чтоб поняли, осознали, чтоб до печенок проняло! Нет, ничего… все нормально. Да, хорошо. Я тут полежу немного, и все пройдет.

Не надо врача…

ДЕНЬ ВТОРОЙ
ГОСТИ СЪЕЗЖАЛИСЬ НА ДАЧУ

1

Никогда раньше не ездил в джипах. Сегодня — впервые. И сразу понравилось. В салоне пахнет кожей. Места — завались. Откинулся на спинку с подголовником — гляди, брат, на мир сквозь тонированное стекло. Поплевывай с колокольни на «Жигули» с «Ауди», мелочь пузатую.

Наверное, я в душе олигарх.

За рулем — Натэлла. Матрешка: бегемоточка в бегемоте. Сидит, как влитая, будто в джипе родилась. «Они нашли друг друга!» А потом они нашли меня. И Риту с Чистильщиком. И все вместе мы поехали за город, на дачу. Чья дача, не знаю, но Чистильщик обещал шашлыки.

И велел одеться поприличней.

Очень интересно. Во что прикажете облачаться? В смокинг с «кис-кисом»?! Ладно, нашлась темная футболка с фирменным «крокодильчиком». Плюс черные джинсы. Демократично и не отсвечивает. Чистильщик молча одобрил. В последнее время я стал отслеживать «невербальные факторы». Взгляд, поза собеседника. Сцепленные пальцы. Брови, взлетевшие на лоб. Когда кругом — врачи-вредители, а от ноутбука уже тошнит…

У выезда на Белгородское шоссе мы угодили в пробку. Снаружи рявкали гудки, урчали двигатели на холостом ходу; неслась ругань водителей. Июньская жара маревом висела над машинами. Гарь, чад, вонь. Я еще раз оценил достоинства джипа. Окна закрыты, отсекая нас от грубой прозы. Кондиционер дышит прохладой.

Хоть целый день стой в пробке.

Нет, надоест. Не могу долго выносить безделье. Как по второй ходке угодил в «Доктор Сан» — волком взвыл. Отпустите душу на покаяние! Домой хочу! На работу хочу! Здоровый я…

Врач, подлец, соглашался. Принцип у них: не нервировать пациента. Конечно, вы здоровы. Мы вам только печеночку слегонца… и сердчишко… почечки… простаточку… Скажите на милость, нужен вам этот простатит? Вы же мужчина в самом расцвете! Слава богу, случай не запущенный.

Куда ваша работа денется?

Как я выдержал две недели медицины — не знаю. Спасибо

Шизе — каждый день навещала. Антошка приходил. И Чистильщик захаживал. Мол, не волнуйся. Считай это оплачиваемым отпуском. Грех жаловаться. Я и не жаловался. Даже зубами старался не скрипеть.

Еще и их, чего доброго, лечить заставят!

Неделю мне дали на акклиматизацию в «студии». Чистильщик подарок сделал: пачку визиток. Золотаренко А. И. Отв. дир. АС «Авгикон». Два телефона, факс. Е-мейл. Еще бы по шесту лазить выучиться. Вверх. Вниз-то мы запросто…

— …Ну наконец-то!

Стоявшая впереди «Газель» чихнула сизым дымом — и рванула вперед, оправдывая название. Выбравшись на оперативный простор, Натэлла легко обогнала микроавтобус. Джип шел мягко, мощно, скорость не ощущалась. Что там на спидометре? 150?

Не хило!

— Скоро будем на месте.

Джип басовито просигналил.

Над воротами шевельнулась телекамера. Серьезные ворота. И домик — не пряничный. Три этажа, мансарда, окна — пластик со стеклопакетами. Металлочерепица на крыше. Спутниковая «тарелка». Заборчик — полтора человеческих роста, с орнаментом. Белый кирпич по красному. В восточном стиле: Хорезм-Багдад, шахиды-гурии…

Ребристый лист металла с тихим гулом провернулся, открыв въезд в гараж.

— Добрый день. Вас ждут. Я проведу.

Очень вежливый молодой человек. До оскомины. Укладывать мордой в землю он будет так же вежливо? «Пожалуйста, не дергайтесь. За вами уже едут. А я вас придержу, чтобы вы ничего себе не повредили.»

Нервничаешь, Золотарь? Ты не шахид, ты даже не гурия с ее вечной, неистребимой девственностью. Ты — директор маленькой, но полезной конторки. Вышестоящее начальство желает познакомиться? Нет проблем!

Начальники — как собаки. Чуют, когда их боятся.

И наглеют.

Солнце без предупреждения бьет в глаза. Под веками пляшут огненные «зайчики».

— Здравствуйте. Ямпольский Матвей Абрамович.

Сухощавая фигура — угольно-черная. Вокруг головы — нимб солнца.

— Золотаренко Александр Игоревич.

Рука у Ямпольского жесткая, сухая. И сильная. Я это

чувствую, хотя Матвей Абрамович не пытается продемонстрировать свою хватку. Делаю шаг в сторону. Листва яблони заслоняет солнце. Черный силуэт превращается в хиппи лет шестидесяти. Очень ухоженного, надо сказать, преуспевающего хиппи. Рыжая (крашеная хной?) борода ассирийского царя. На затылке волосы собраны в длинный хвост. Шорты, сандалии. Легкомысленная гавайка: попугаи, море, карнавал.

Не таким я представлял себе коордела Ямпольского. Он виделся мне ровесником. Рыхлым, вальяжным, с брюшком. Поджарый хипарь шел вразрез — вразнос! — со сложившимся образом.

— Идемте. Шашлыки, как говорит молодежь, «in progress».

Мы двинулись через сад. «Хвост» хозяина мерно покачивался в такт шагам, создавая гипнотический эффект. «Следите за шариком…» В какой-то момент сад показался мне бесконечным. Эдемские джунгли. Будем вечно идти меж яблонь и вишен за бородатым проводником.

Земля до грехопадения…

Тут сад и кончился. Лужайка, пара столиков. На левом — блюдо с зеленью и горка тонких лавашей. На правом — чайник и чашки. Графин с лимонадом. У забора курится мангал. Усач-шашлычник раздувает огонь, помахивая фанеркой. На чурбане — шампуры. Длинные, как шпага д'Артаньяна. Из ведерка тянет маринадом.

Зверски захотелось есть.

— Знакомьтесь.

Навстречу из кресла легко встал лысый человек. Совсем лысый. До блеска. Если судьба определила Ямпольскому двойную норму волосатости, то с этим товарищем злодейка обошлась сурово. В остальном… «Он не низок, не высок, он не узок, не широк, он не молод и не стар…»

Рифму заело. «Superstar»? На «суперстара» лысый не тянул.

— Александр Игоревич? Рад, искренне рад!

Представляться он не собирался.

— Давайте сразу к делу? — вклинился Ямпольский. — На Востоке, правда, не принято говорить о делах, не накормив гостей… Но мы не на Востоке. Итак, если вы не возражаете…

Дожидаться моих возражений, равно как согласия, хиппи не стал. Он сделал знак шашлычнику — и тот принес ему ноутбук.

2

— Насколько мне известно, вы утверждаете, что вместе с эмоционально окрашенными текстовыми и визуальными сообщениями пользователи также неосознанно загружают в сеть сопутствующую невербальную информацию? — Ямпольскому без труда хватило дыхания на этот зубодробительный пассаж. — Которая может составлять до 93% от общего информационного потока?

— Я не утверждаю.

— Но суть вашей гипотезы такова?

— Да.

— Хорошо, — Ямпольский отбарабанил что-то на клавиатуре ноутбука. Пальцы летали вслепую, как у пианиста. — Исходя из этого, вы делаете вывод, что в сети сформировалась невербальная инфосфера второго рода?

— Не делаю вывод, а предполагаю.

— Ее наличием обусловлено появление так называемого «Сетевого Феномена»?

— Да.

— Как следствие из вашей гипотезы, выходит, что все люди, хоть раз работавшие с компьютером, подсоединенным к Всемирной Сети, так или иначе подключены к невербальной инфосфере. И посредством нее — к Всемирной Сети.

— Скорее всего, да.

— Таким образом, инфосфера второго рода является глобальным виртуальным интерфейсом, через который человечество большей частью подключено к ВС.

— Этого я не говорил!

— Вы возражаете?

— Нет.

— Вы согласны?

— Да.

Барабанная дробь.

— Сетевой Феномен, в свою очередь, как недокументированная функция ВС, является результатом комплексного взаимодействия инфосфер 1-го и 2-го рода. Он активируется узконаправленным смешанным — вербально-невербальным — импульсом высокой интенсивности. СФ воспринимает его, как задание.

— Это уже вы развили. Но в целом — да.

— Не развил, а уточнил и конкретизировал формулировки. Итак, мы имеем ряд фактов опосредованного физического воздействия человека на человека. СФ выступает в данном случае, как своеобразный «софт». Ключевую роль играет невербальный посыл «возбудителя». Вербальная часть формализует

программное задание.

— Одну минуточку! — прервал нас лысый.

Заговорила Валаамова ослица…

— Невербальный посыл? — он подергал себя за мочку уха. — Мимика, жесты, интонация? Все, кроме слов?

— Да, — согласился Ямпольский.

— Нигде кроме, как в Моссельпроме, — лысый оказался из эрудитов. — По-вашему, пользователь, отправляя сообщение, корчит рожи? Тычет в экран кукиш? Рычит и скалится?

Он последовательно изобразил все описанные действия.

— Где вы видели таких пользователей?

— Этого не требуется, — опередил меня Ямпольский. — То, что вы описали, происходит при разговоре вживую. Невербальная информация, по мнению Александра Игоревича, поступает в сеть в скрытом, архивированном виде. Без описанных вами внешних проявлений. Но она никуда не девается. В рамках данной теории я готов с этим согласиться.

Я почувствовал себя лишним.

— Ну, допустим…

Лысого Ямпольский не убедил. Хиппи это не смутило. Он ухватил стакан лимонада — правильного, с лохмотьями свежего лимона — одним глотком ополовинил его и продолжил:

— Согласно вашей теории, инфосфера 2-го рода и СФ, как ее порождение, продолжают развиваться количественно и качественно?

— Наверняка. Информация извне продолжает поступать…

— Понятно! — отмахнулся Ямпольский. — Значит, если сегодня мы наблюдаем реакцию только на узконаправленные пиковые вбросы агрессии, то завтра…

— Это не важно: агрессия или милосердие! — мне стало обидно за мою инфосферу и ее порождение. — СФ их не различает. Он, если угодно, безгрешен. Вне категорий добра и зла. Ненависть, сострадание — ему без разницы. Главное, чтобы посыл был мощным. И оформленным, а не размазней!

— Четкий вектор, и по модулю — выше критического значения? Знак роли не играет?

— Да!

— Примем за основу, — дробное стаккато изнасиловало клавиатуру. — Кто ж виноват, что именно агрессивный посыл в нашей реальности первым отвечает выдвинутым критериям? Основываясь на сказанном, я могу спрогнозировать два направления дальнейшего развития СФ. Базовое — это понижение порогового значения модуля инициирующего импульса. Приборами это пока не фиксируется. Но нюхачи

подтверждают: за год наблюдений пороговый уровень снизился. Тенденция налицо. Второе направление, напрямую связанное с базовым — это появление новых векторов действия СФ.

— Новые векторы? Это интересно, — лысый предпочел лимонаду чай. — Но откуда у вас такая уверенность, что все дело в невербальной составляющей? Что, если ее на самом деле нет? Или она настолько мала, что ею можно пренебречь? Чем ее, матушку, воспринимает компьютер? Какими-такими сенсорами?

Ямпольский пожал плечами.

— Чем «детектор лжи» воспринимает правдивость ответов? Нейрофизиология, элементарные реакции. При том, что детектор куда примитивнее компьютера…

— Угу, — задумчиво согласился лысый. — 1921-й год, Джон Ларсон… А вам известна фамилия человека, который в 33-м окончательно довел полиграф до ума? Запустил в серию портативный образец? Его звали Киллер. Леонард Киллер, ученик Ларсона. Можете справиться в интернете… Но полиграф под элементарные реакции «заточен» специально. В отличие от. Нет, не убедили.

На сей раз я успел раньше Ямпольского. Говорить, чувствуя за спиной молчаливую — *невербальную?* — поддержку хиппи, было на удивление легко.

— Про суперпозицию полей вам лучше объяснит Матвей Абрамович. Тут я не специалист. Что же до невербальной составляющей… Вы смотрели запись из «Авгикона»? Мой монолог?

Лысый сделал неопределенный жест.

— Значит, смотрели. Помните про дикаря? Который тридцать тысяч лет назад скакал с копьем перед изображением мамонта? Думаете, он куда-то делся? Цивилизовался? Нет, он дик, жив и здоров. Спит в каждом из нас. А в стрессовой ситуации просыпается. «В реале» наш дикарь вполне может оказаться трусом. Зато в сети, где опасности нет и не предвидится — о, тут он разворачивается вовсю! Не надо бить себя кулаками в грудь, не надо скалить зубы перед монитором. За тебя это делает дикарь. Там, внутри. Вот его гримасы и уходят в сеть. «Бойся, враг! Дрожи! Мы зубами, мы клыками, мы копытами тебя!» И едва мы поверим нашему дикарю, сольемся с ним хоть на миг…

— Происходит «вброс» черного шума, — закончил Ямпольский.

И хлопнул в ладоши. Раз, другой, третий.

Я не сразу понял, что хиппи аплодирует.

Мне.

— Это все хорошо, — вдруг сказал лысый.

Привстав, он дотянулся до блюда с зеленью и ухватил веточку укропа.

— Это все замечательно.

Судя по лицу лысого, он лгал и не краснел. Все было никак не хорошо. Ни разу не замечательно. Похожий на кузнечика, лысый вдруг стал похож на саранчу. Я где-то читал, что в наших широтах путают этих насекомых. То, что мы называем кузнечиком — саранча. То, что считаем саранчой — кузнечики. Правда это или нет, но метаморфоза лысого производила впечатление.

«Из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих…»

Судя по всему, у меня печать отсутствовала.

— Не стану вас обманывать, Александр Игоревич…

Хорошее вступление, подумал я. Убедительное.

— Я был против назначения вас директором «Авгикона». Вы не кажетесь мне ответственным человеком. В отличие, к примеру, от Вадима Петровича. Я и сейчас против. Интеллигенция, придя к руководству, разваливает доверенный ей объект. А вы — интеллигент чистой воды. Со справкой. Чуть что, в запой…

Мне захотелось дать лысому в морду. В те углы, тени и морщины, которые служили ему мордой. Чуть что, значит. Пустяки, не стоящие внимания настоящих людей. Настоящие весело хоронят своих мертвецов. И чужих. И вообще — гвозди бы делать из этих людей.

— Меня убедили. Я доверяю товарищам по работе. Но и чутью своему я тоже доверяю. Поэтому хочу вас предупредить, Александр Игоревич. Заранее. Чтобы между нами потом не возникло разногласий…

Веточка укропа нацелилась в меня.

Ба-бах!

— Я буду внимательно следить за вашими действиями. Контролировать в мелочах. Отдачу на работе. Успехи и просчеты. Особенно — просчеты. Моральный облик. Если вы полагаете, что ваш моральный облик — не наше дело, вы сильно ошибаетесь…

Слова катились колесом с горы. Скакали плоской галькой по воде. Зубцами шестеренок цеплялись друг за друга. В них было мало смысла. Вы мне не нравитесь, Золотарь — вот и весь смысл. Угрожающий оскал стократ информативней этого монолога. Но

скалиться лысый почитал дурной манерой.

Он даже улыбался. Тоже оскал, если вдуматься.

— Мы придаем большое значение этому проекту. Вы понимаете, что я имею в виду? Обойдемся без формальностей. С вас не станут брать подписку о неразглашении…

— Не поздно ли? — огрызнулся я.

В душе закипал чайник. Со свистком.

— Нет, не поздно. Кем вы были раньше? Рядовым нюхачом. Шестеркой, извините за вульгарность. Распусти вы язык… Кто вам поверит? Решат, что вы псих. Тем более, что именно такое впечатление вы и производите. Свяжись вы с прессой, выйди с заявлениями в интернет… И что? Еще один, сгоревший на работе. Жертва Черного Блоггера. Встанете в один ряд с беременными от пришельцев и гостившими в брюхе Лох-Несского монстра. Сейчас же — другое дело. Сейчас вы на должности. Это — статус. И мы…

Лысый закусил стебелек. Зеленая метелка свисала ниже подбородка. Очень белые, наверное, вставные зубы. Очень зеленый укроп. Очень характерный прикус.

— Мы категорически против вольностей среди ответственных сотрудников. Повторяю, обойдемся без подписок. Я беру вас на личный контроль…

— Как вас зовут? — спросил я.

— Это неважно.

— Важно. Вот вы обращаетесь ко мне по имени-отчеству. Чем я хуже?

— Это неважно, — с нажимом повторил лысый. — Мое имя вам ничего не скажет.

Все молчали, внимательно следя за нашим разговором. Как стая хищников, обступив двух драчунов. Нахмурился Чистильщик. Поджала губы Рита. Не моргал Ямпольский. Шашлычник у мангала — и тот затих, прикидываясь мебелью.

— Скажет, — возразил я. — Еще как…

Свисток взорвался от злости.

Поиск по фотографии.

Enter.

Туруханов Глеб Юрьевич, родился 24 июня 1960 года в г. Змиеве, Харьковской области. Образование высшее: инженер-электромеханик. Кандидат физико-математических наук. В 1980–1983 годах — секретарь Змиевского горкома комсомола. С июля 1983 г. — служба в органах госбезопасности. Окончил Высшие курсы КГБ СССР. Перед избранием в парламент 2-го созыва (1994 г.) занимал должность заместителя отдела по борьбе с организованной преступностью Управления СБУ по Харьковской области. Полковник СБУ. Лауреат регионального рейтинга

«Харьковчанин года» за 2002 г.

— Вы мне угрожаете, Глеб Юрьевич? Зря.

— Не зря, — ответил лысый.

И расхохотался — громко, басисто, со вкусом.

— Тридцать две секунды, — сообщил Ямпольский. Я и не заметил, откуда в руке координатора объявился спортивный хронометр. — Хорошее время. Обратите внимание на компактность информации. Ничего лишнего. Кстати, про Высшие курсы я не знал. И про «Харьковчанина года». Вы просто звезда, Туруханов.

Честно говоря, я не помнил, чтобы говорил что-то вслух.

Может, прав лысый? Про психа?

— Извините, Александр Игоревич, — лысый подошел ко мне. Легкая, невесомая ладонь коснулась моего плеча. Морщинки у глаз смеялись, хотя лицо лысого стало серьезным. — У меня не было выбора. Вы выходите на связь второго рода, только если возбуждены или взволнованы. Вас надо испугать, зажать в угол, вынудить защищаться. Спровоцировать. Короче, без наезда — никак. Пришлось обеспечить наезд.

— Откуда вы это знаете?

— От вас.

4

— Я ничего вам не рассказывал!

Представилось: я под гипнозом сижу в полуподвалах СБУ — и выкладываю лысому всю подноготную. Все свои «выходы на связь второго рода». Гопники избивают бомжа. Чукча номер тридцать шесть у поликлиники. Рита примеряется ножницами. Я, значит, излагаю, а «бэушники» пишут на диктофон.

Потом я выхожу на улицу — и не помню ни арапа.

— Верно, — кивнул лысый. — Вы лично мне ничего не рассказывали. Но вы, Александр Игоревич — не единственный нюхач. И ваши проблемы отнюдь не уникальны. Нашлось, кому рассказать, уж поверьте… Итак, факт подтвержден на наших глазах. В состоянии возбуждения нюхач способен получить доступ к информации, хранящейся в инфосфере 1-го рода. Без прямого контакта с компьютером. Каким образом? Стоит предположить, что через инфосферу 2-го рода. Отсюда и потребность в психическом возбуждении. Реакция на острый вербально-невербальный раздражитель. Интересные дела творятся в городе Эфесе…

Я не сразу вспомнил — откуда цитата. Ну да, Горин. «Забыть

Геростратa». В «Вышке», небось, ставили. В самодеятельности. Народный театр «Маузер» им. Ф. Дзержинского.

— Интересно девки пляшут, — переиначил цитату Ямпольский. Видимо, для доступности широким массам. — Александр Игоревич, а как вы видите 2-ю инфосферу?

— Никак, — честно признался я.

— А 1-ю? В каком виде воспринимается информация?

— В плоском. Как текст на экране. Иногда с изображением.

— Объемным? Реалистичным? Аниме?

— Типа юзер-пикчерз.

— Динамика присутствует?

— Нет.

— А как вы в этот момент, — Ямпольский задумчиво разделил бороду на два крыла. Сейчас взмахнет и полетит, — воспринимаете окружающий мир? Людей? Природу?

— Плоско. Как чат. Слова, слова, слова…

— В привычном для нет-общения, упрощенном виде?

— Да.

— Вот вам и мечта, — вмешался лысый. — Мы-то рассчитывали войти в виртуальное пространство и строить там дворцы. Жонглировать галактиками. Рядиться в бархат и парчу. Оборачиваться сизым соколом. Фантасты на говно изошли — извините, Рита Евгеньевна! — сочиняя одну красотищу за другой. И что на практике? Виртуальность сама вошла в наше пространство. Какие мы теперь? Плоские. Как чат. Ники, текст, урод-смайлик. Мечта? Вирт-скафандр, чтобы срать, не выходя из «Одноклассников» — вот наша мечта… Знаете, Александр Игоревич, я вам верю. Вот верю, и все тут. Ничего другого и быть не могло.

— А вы правда заканчивали Высшие курсы КГБ? — спросил я.

Лысый еще раз кивнул:

— Правда. А что?

— Просто интересно. Чему вас там учили?

— В «Вышке»? Организации массовых расстрелов.

— Да ну вас…

— А чего вы ожидали? Оргий кровавой гэбни? Разному учили, Александр Игоревич. «Введение в специальность», «Основы научных исследований», «Гигиена умственного труда»… Первые два спецкурса назначили как раз при мне, в середине 80-х.

— Зачем?

— Дань велениям времени. И согласно требованиям министерства.

— Вы учились в Москве?

— Почему в Москве? В Казахстане, в Алма-Ате, — он снова

расхохотался, видя мое изумление. — Алма-Атинские курсы повышения квалификации кадров КГБ СССР. В 83-м их переименовали в Высшие курсы КГБ. Готовили сотрудников оперативно-технического профиля. Вам не кажется, что мы отвлеклись?

— Кажется, — за меня ответил Ямпольский.

И состоялись шашлыки. Без паузы, как по мановению волшебной палочки. Деловые разговоры, подначки, намеки и угрозы — все растаяло. Сгинуло. Растворилось в благоухании. Я даже удивился, что забыл, простил — и вцепился клыками. Никакой варварской грызни с шампуров. Все на блюде, товар лицом. Вот это баранина. С пригорелым бочком. А это свининка. С корочкой на сальце. Телятинка? Нежней детского поцелуя. На косточке. Курица? Филейчик? В жизни не поверил бы…

Кинза, укроп, петрушка. Черемша. Горстями, пучками. Хрупхруп. Джан-баклажан. Сеньор-помидор. Чав-чав. Лук-чиполлино — колечками. Лаваш. Ткемали. Сацебели. Ням-ням.

…ф-фух…

Пили чай. Соки. Нарзан. Спиртного не было. Сперва я решил, что это из-за меня. Боятся совратить алкоголика. Вскоре увидел — нет, ошибочка. Так здесь принято.

Отвалившись в первом пароксизме насыщения, предались воспоминаниям. О чем? — о еде. О шашлыках юности. Как мариновали мясо — способы вспоминались один другого экзотичней. Ямпольский предложил майонез. Добавить горчички, уксуса, вымазать мясо — и под гнет. У Риты обнаружилась родня в Австралии. Заварить крепкий черный чай, разбавить кипяточком, процедить и залить ошеек кенгуру. Вместо дров — бумеранги. Я поднапрягся и рассказал, как Кот в качестве маринада использовал портвейн. Чем дешевле, тем лучше. «Таврический», «Агдам»…

— Вах! — не выдержал шашлычник. — Жужмарь?

— Ага, — подтвердил я.

— В шашлык? Обидно, да!

Прозвучал монолог. Лимонный сок. Гранатовый. Алычовый. В дедушкиных пропорциях. Дедушка жил сто десять лет, умный был, да. Шашлык-машлык три раза в день кушал. Хмели-сунели. Соль-перец. Руками перемешать. Пальцами давить. Чтоб потекло. Мясо, лук — давить. Какой гнет, да? Пальцы…

— Ты нас голодом решил уморить? — лысый пустил слюну.

И ткнул пальцем в опустевшее блюдо.

— Никак нет, Глеб Юрьевич, — у шашлычника вдруг пропал акцент. — Бегу, Глеб Юрьевич. На боевую позицию. Уголек в самый раз. Славный уголек.

— Это радует.

— Быстро сварганим. Добавочку…

— Интересная теория, — врастяжечку сообщил лысый. Сияя, он глядел, как шашлычник хлопочет у мангала. Я и не сразу-то сообразил, что лысый обращается ко мне. — Хорошая у вас голова, Александр Игоревич. Невербальная, значит, инфосферка… Рожи корчим, ручками сучим. Виртуальненькими. Проверять будем?

— В каком смысле? — удивился я.

— В прямом. Замутим экспериментик?

— Я против, — Чистильщик встал. Он был такой высокий, что мог, наверное, транслировать свое неодобрение на ближайшие телевизоры. — Мы еще от прошлого эксперимента не отошли. Матвей Абрамович, вы-то должны понимать…

— Безопасный, — сказал лысый.

Рот его лоснился от жира.

— Я против.

— Простенький. Типа амебы.

— Против.

— Для проверки гипотезы. Под мои гарантии, а?

— Я…

— Ну и ладушки, — сказал лысый.

5

Вечер мне запомнился эпизодами.

Он распадался на волокна, этот вечер. Как жаркое из хорошо протушенной, но жестковатой говядины. Мы едем с дачи. Натэлла за рулем травит анекдоты. Бородатые, как Ямпольский. С национальным колоритом. «Не дождетесь!», «Яка краина, такие и теракты…», «Пачиму гризли? Руками душили…» Рита вежливо посмеивается. Чистильщик мрачен.

Я дремлю.

Джип плывет в сумерках. «Наутилус» в пучине океана. За окнами начинается дождь. Капли вприпрыжку бегут по стеклу. Лобовое стекло — обычное. Боковые — тонированные. У Натэллы прямо по курсу — вечер. А у меня за правым плечом — ночь. Хотите машину времени? Ставьте правильные стекла…

> …душа мудреет, а плоть стареет, и что-то реет, а что-то — так,
> Лежит во прахе, глядит во страхе, как бабы-пряхи прядут не в такт.

И мне, о боже, налей того же, хочу итожить, хочу молчать,
Пока во мраке сцепились в драке ладонь и знаки, ключ и печать…

Антошка играет с Талейраном.

Черт его знает, зачем я назвал цуцика Талейраном. А уж где я его подобрал — этого и черт не знает. Проснулся утром, в башке конный парад, а он рядом на кровати. В ногах деликатничает. И храпит, как Фальстаф. Откуда, как — ничего не помню. Кучерявый, лобастый. На прошлой неделе ходили с ним к знакомому кинологу. Тот ржал, как конь. Сказал, что черный терьер, бернская овчарка и барбос Кабысдох.

Породу изобрел: собака Франкенштейна.

Вон, рычит. Вцепился в искусственную кость, тянет к себе. Башкой мотает. Антошка хохочет, типа отбирает. Вспотел от натуги. Он теперь у меня каждый вечер околачивается, ботаник. Ужинает, выгуливает Талейрана. Ночевать не остается.

Потому что — Шиза.

— Знаешь, папа, — неожиданно говорит Антошка. Рычание Талейрана вторит ему контрапунктом. — Я свой ЖЖ убил.

— Чего вдруг? — удивляюсь я.

— Так, ерунда. Я зарок дал. Когда ты пил, а потом — в больнице… Ну, короче, я подумал: если обойдется, убью ЖЖ. Глупо, правда?

— Глупо. В мое время девчонки руки резали…

— Зачем?

— В знак верности. Парень в армию уходит, а она по руке ножом — чик! Чтоб верил: дождется. Шрамы оставались — тоненькие, белые.

— Ждала?

— Как когда. Бывало, через полгода — замуж. Со всеми шрамами…

…текут чернила, как воды Нила, и крокодилы зевают всласть,
От их зевоты всем ясно: вот ты, и главный кто тут, и чья здесь власть,
И что по чести, а что — прочесть бы, да против шерсти рванет судьба,
По кромке бездны, и друг любезный споет для бесов: «… там правит бал!»

Шиза возится на кухне.

Гремит посуда. Течет вода. Шуршит мочалка. Шиза аккуратна до икоты. У меня никогда не хватало терпения так мучить несчастную тарелку. Сейчас она закончит, вернется в комнату, устроится в кресле с ногами — и будет читать. Если нет, то мы поговорим о чем-нибудь.

Она скажет: почитай мне стихи, Золотарь.

Спит Шиза в кабинете, на диване. Смешно сказать — между нами по сей день ничего не было. Как в сентиментальном романе XIX века. Даже когда я возвращался бухой в дрезину. А врач утверждал, что я — мужчина в самом расцвете. Врал, лекаришка. Когда Шиза перебралась ко мне, ни сказав ни слова, я сперва… Что я сперва? Ну, не знал, что делать. А там привык. И Антошке она нравится. Золотарь ты, Золотарь, хренов Казанова… Она старше твоего сына на семь лет. Она все придумала, выстроила замок на песке, на пустом месте. Фикция, мираж; шуточки СФ.

Однажды она уйдет.

Или я приду к ней в кабинет.

> …а как мечталось, и как леталось, но что-то сталось, а что-то — нет,
> Как знать, где старость, а где усталость, где просто жалость, где звон монет?
> И в реку с моста уже не просто, и струп-короста на миражах,
> И что ни слово — укор былого, и что ни песня — укол ножа…

Во дворе рычит и ворочается дракон. Это мусоросборочная машина. Волей злого чародея она всегда приезжает глубокой ночью. Взревывает мотор, хлопают крышки. Захват лязгает о мусорные баки. Грохот, тоскливый скрежет. Дракон хочет нормальную, сочную девственницу. А приходится жрать всякое дерьмо.

Кто угодно превратился бы в монстра.

Талейран вскидывается, ворчит в ответ. И ложится обратно. Он привык быстрей меня. У меня на это ушли годы, у него — дней десять. Чихать он хотел на дракона. Просто сам не прочь порыться в мусоре. Вот и ревнует.

— Спи, — говорю ему для проформы.

Чтоб знал, кто в доме хозяин.

— Ага, — отвечает Талейран. — Сплю.

> …и мне, Всевышний, дай это дышло, чтоб боком вышло

из-под ребра,
Чтоб там, где бьется, где тонко рвется — покой и солнце… Спасибо, брат.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ
ОДИН ИЗ НАС

1

Лысый никуда не торопился. Критически изучал дисплей, словно хотел вымыть его с мылом. Обидно! Будто нет ему никакого дела до эксперимента, который сам же и предложил «замутить». Ни до «Авгикона», ни до его ужас какого ответственного директора…

Я бродил по «студии», чувствуя себя полным идиотом. Хотя в идиотах, по идее, должен был ходить лысый. Да, моя теория — завиральная. Но эксперимент для ее проверки… Бред сивой кобылы. Я поймал себя на том, что хожу, заложив руки за спину — как Чистильщик. Убрал руки из-за спины. Мотыляются. Сунуть в карманы? Вульгарно. Продеть большие пальцы в петли для ремня? Уже лучше. Но за спиной — все равно удобнее.

Место требует? Должность давит?

Обезьянничаю?

— Хотите чаю?

— Хочу, — лысый отрывает взгляд от дисплея. — Красного, если есть.

— С сахаром?

— Без.

— Сей минут, начальник.

На кухне звякает, отключаясь, электрочайник. Когда я успел его поставить? Только провалов в памяти мне не хватало! Ты, начальничек, ключик-чайничек… отпусти до дому… Дух Чистильщика незримо витал над нами. Над жестянками и пакетиками с чаем. Над керамическим заварником. Над двумя кофеварками. Над чашками из дешевого фаянса, чисто вымытыми бабой Нелей.

— Вот, пожалуйста.

— Спасибо.

Смеркалось, как сказал классик. Июнь, темнеет поздно. И не скажешь, что седьмой час. Все наши разошлись по домам, одна Шиза в «котле» варится. Ждет, пока я освобожусь. Про эксперимент я ей не рассказывал. Но, как говорил актер Джигарханян, разве бабу обманешь? Она сердцем чует.

Как закончим, спущусь за ней.

Эй, лысый? Чего резину тянешь? Молчит лысый. Не реагирует

на мои красноречивые взгляды. На покашливание с намеком. На сто двадцать восьмой круг по «студии». Чихать он хотел на «невербальное общение». Специально мне нервы мотает?

В нужное состояние вводит?

Кот рассказывал: у него приятель — режиссер. Так он на репетициях актеров тиранит — чистый Калигула. Умеет, гад. То одну актрисулю в себя влюбит, то другую. И бросает перед премьерой. Они потом Офелий играют — закачаешься. Метода такая. Герой-любовник однажды не выдержал, пошел режиссеру морду бить. А у того черный пояс по каратэ. И по печени любовника, по печени — хлобысть! Лицом герою работать надо, а печень не жалко. Печень он давно пропил…

Интересно, как лысый себе представляет «невербальное воздействие на объект через инфосферу второго рода»? В теории вроде бы складно выходит… У Ямпольского все складно. Мы с ним это дело обсуждали. Мне предоставляют чат, где на кого-нибудь наезжают. Наездов в инете — как гуталину. В любое время суток. Я выбираю объект: главного «наезжателя» или, смотря по ситуации, сразу нескольких скандалистов. И пытаюсь их успокоить. Невербально. К клаве не прикасаюсь, в чат не пишу. Вхожу в инфосферу второго рода — и воздействую.

«Как?» — спросил я Ямпольского.

«Поговорите с ними. Постарайтесь убедить. За мимикой и жестикуляцией не следите. Это только повредит. Представьте, что объект — рядом с вами. И не стесняйте себя в средствах. Все, что угодно. Все, что придет вам в голову.»

Миротворческая, значит, миссия. Толстовцы и пацифисты аплодируют стоя. Преподносят нимб с крылышками. На тарелочке с голубой каемочкой.

— Ну что, Александр Игоревич? Приступим?

Лысый уже на ногах. От движения «мышки» мой компьютер просыпается. Открыв браузер, Глеб Юрьевич лихо кликает по ссылкам. Мелькают открывающиеся «окна».

— Приехали. Наша площадка для игр.

2

Красотуля: *В цветочном магазине мне вручили два шикарных фаленопсиса. Но у одного при хорошей листве и шикарных зеленых корнях абсолютно сухая и черная сердцевина. Его можно реанимировать?*

Гелла: *Даже знаю, какой магазин… Я бы внимательно посмотрела вглубь точки роста фалов. Все гнилое режем,*

присыпаем углем или корицей.

Penelopa: *Осторожней с влажностью. На их «братьях» обнаружена бяка в виде темных водянистых пятнышек. В благоприятных условиях она быстро развивается.*

Красотуля: *Ох, я уже и сама не знаю зачем я их взяла… Чувство сродни тому, когда в холодную зиму подбираешь голодного котенка. Я в магазине вообще-то коры попросила для орх. Мне ее из этих горшков вытряхнули и в коробку насыпали. Говорю, а их куда же… сказали в мусор. Я и забрала…*

— Где тут работать? — спросил я. — Вы бы еще меня в розарий отрядили.

Лысый почесал кончик носа.

— Ничего, сойдет. Хорошее место, тихое. Все свои.

— В каком смысле? — с подозрением спросил я.

Лицо лысого смешно наморщилось. Казалось, он собирается чихнуть. Но вместо чиха он нелепо, по-детски хихикнул.

— Вы неверно меня поняли, Александр Игоревич. Я не в том смысле. Нейтральный форум. Красотулечки-дендрофилочки, божьи одуванчики. Цветут и пахнут.

— Не пахнут, — упорствовал я. — Тут не с кем иметь дело. Это манная каша.

— Да ладно вам! Хлеб да каша — пища наша…

— Давайте переберемся.

— Куда?

— Я вам сейчас изображу. Проникнетесь. До печенок.

Подвинув лысого, я взялся за мышку. Рабочие ссылки я знал наизусть. Ага, вот. Главное, чтобы обитателей здешней помойки не посетил сегодня тихий ангел. Они, правда, и при ангеле — те еще бандерлоги. Но хочется же показать товар лицом!..

Krocodile: *как же я всех вас ненавижу! стая уебищных нытиков, говнюков и прыщеблядков. считаете себя нереально крутыми, а на деле вы сраная серая масса. мы вас уничтожим. будем на ваших спинах устанавливать столы и давить ваши никчемные головы с гнилыми мозгами.*

Poohes: *Улыбнул … спасибо … да кстати соси шнягу :)))*

Krocodile: *чтоб у тебя ебальник треснул от улыбки, гниль.*

Poohes: *да ты печальный арлекино…. полупидор-полузлыдень :)*

Krocodile: *я ссу тебе в рот, а ты глотаешь.*

Poohes: *тебя бы за яйца в коридоре повесить — гостей смешить :)*

Krocodile: *а тебе в жопу бы лопату вставить. очколиз.*

Poohes: *Бля, сука, я крысу выкину, тебя держать буду… ты прикольней :)*

Krocodile: *говорю ж, вы все говно. вы будете дохнуть.*

В нос шибануло, как на скотобойне.

— Оценили? — я забыл, что лысый не ощущает запаха. — Букет!

— Букет, — согласился он, вчитываясь.

— Вот где работать!

Лысый улыбнулся.

— Вы словно хвастаетесь. Как мамаша своим вундеркиндом…

Я смутился. А ведь прав, зараза… Хвастаюсь. Горжусь в душе. Ишь, какую клоаку нарыл! Всем стоять смирно и восхищаться. Профессиональная гордость, черт бы ее побрал.

— Оставляем?

— Нет. Верните, пожалуйста, розарий.

— Да ради бога…

Tan'ka: *Купила фалик. Живой красивый. Чернеет основание верхнего листа. Что делать?*

Марго: *Вычистить до здоровой ткани и прижечь зеленкой.*

Penelopa: *Я бы после чистки замазала кашицей из фундазола…*

— Они ж все, как после курса «Ново-Пассита». Кого тут успокаивать?

— Не волнуйтесь, Александр Игоревич.

— Я не волнуюсь.

— Вот и не волнуйтесь.

— Вы меня нарочно заводите, да?

— Ни в коем случае. Откуда вы знаете про «Ново-Пассит»? Принимали?

— В сети прочитал. Кто-то спрашивает: какое есть сильное успокоительное? А ему одна дура пишет: у меня, мол, подруга пила «Ново-пассит», когда у нее бабушка умерла. И упокоилась.

— А в чем юмор?

— Не успокоилась, а упокоилась.

— Кто? Бабушка?

— Подруга!

— А-а… смешно. Расскажите еще что-нибудь.

— Закажите клоуна. Пусть он вас веселит.

— У меня брат — клоун. В цирке. Не верите?

— Нет.

— Ну и ладушки. Скоро уже.

— Еще чаю хотите?

— Хочу.

Он позвал меня, когда я был на кухне.

Красотуля: *Марго купила у меня фаленоп. Фотки, выложенные мной, она видела. Орху забрал ее муж. Назавтра Марго «разочаровалась» в орхе. Меня она обвинила в том, что я не вытряхнула растение из горшка и не посмотрела на корни. Я ответила, что на момент пересадки у растения было два растущих корня. И согласилась забрать растение и вернуть деньги. Марго потребовала оплатить ей такси в обе стороны плюс стоимость её трудового дня. Я отказалась. И отказала клиенту, желавшему купить эту орху. Умерив амбиции, Марго предложила вернуть мне растение через мужа. Потакать ее капризам я не захотела. Тогда Марго через своих «адвокатов» пригрозила, что «прополощет» меня на форуме. Марго, начинайте полоскание. Я готова.*

— Подсадка? Провокация?

Лысый так долго смотрел на меня, что я смутился во второй раз.

— Нет, я рад, — наконец сказал он. — Рад, что вы такого высокого мнения обо мне. О нашей конторе. Это, значит, лет пять назад мы специально внедрили на сайт своего человечка. Оперативный псевдоним: Красотуля. И год за годом ждали, пока вы, Александр Игоревич, осчастливите нас экспериментиком. Вы что, не видите? — это здешняя жительница. Завсегдатай. Ее многие знают. Давно. Дальше объяснять, или сами поймете?

— Оно не пахнет.

— Совсем?

Я принюхался.

— Почти. Так, ерунда.

— Приведите аналогию.

— Девушка вспотела от жары. Слабая нотка в облаке косметики. Если девушка привлекательна, вы и не заметите. Отвлечетесь на ее ножки.

— Вы поэт, Александр Игоревич. Подождем.

— Чего?

— Вдруг девушка не только вспотеет? Вдруг она еще и пукнет?

— А вы циник…

Tan'ka: *Наберитесь терпения! У меня тоже был неудачный опыт продажи растюх!!! Вам еще повезло, Вы с покупателем в*

одном городе. А у меня была междугородняя продажа…

Марго: *Лучшая защита — это нападение. (с) Очень интересно написано, только правды ни на грош. Я действительно купила Phal. Про растюху мне сказали по телефону, что есть два хорошеньких корешка. Муж привез растюху вечером и я была «приятно» удивлена. Живых корней и в помине нет. Об этом Красотуля утаила.*

Красотуля: *Я говорила о наличии растущих корней на момент пересадки растения. На момент продажи я в корни не заглядывала.*

— Я же вам говорил, — ухмыльнулся лысый. — Ваш выход, Александр Игоревич.

И подмигнул мне:

— Поработайте «Ново-Пасситом».

— Димедролом, — возразил я.

3

Зачем ругаетесь, девочки?

Ну ведь ерунду городите. Были корни, не было корней. Одной — такси оплатить. Другая — не желаю потакать капризам. А всех дел — встретиться и аннулировать сделку. Вы ж, небось, не первый день знакомы. Вместе обсуждали черные сердцевины. Гнильё чистили, зеленкой мазали. Этим, как его… Фундазолом. Давайте почистим, а? Черную сердцевину?

Как у Шиллера:

«Обнимитесь, миллионы! Слейтесь в радости одной…»

(…это не они. Это я ерунду горожу.)

Давайте я вам улыбнусь. Не то чтобы у меня была особенная улыбка. Не Жерар Филип. Даже не Бельмондо. Просто я напомню вам, что улыбка — не обязательно оскал. А теперь вы улыбнитесь. Нет, не мне. Кто я такой, чтобы мне улыбались две прелестные дамы? Случайный прохожий. Вы друг другу улыбнитесь, а? Зачем сраться в оранжерее? Конечно, растения удобряют дерьмом. Это вы правы. Но у нас ведь другой случай?

(…аж самому смешно. Клоун.)

Смотрите сюда. Я вам и ручкой сделаю. И ножкой шаркну.

(…кретин!)

И носиком шмыгну.

Марго: *Это Вы должны думать, как забрать свой не качественный товар. Вы с самого начала не хотели его брать обратно. А полоскать Вас нет смысла, Вы же не тряпка. Просто*

надо быть честной с людьми.

Красотуля: *Не хоти я забрать орху, я бы Вам первая этого не предлагала. Ваши амбиции затмили здравый смысл? Это Ваши проблемы. И зачем Вы Настю, порядочного человека, в это дело впутали как своего «адвоката»?*

Марго: *Вы хоть понимаете, что пишете? У меня ощущение, что я общаюсь с капризным ребенком. Ему говоришь — нет корней, а тебе в ответ — были. Надо умерить свою раздутую гордыню и извиниться. Но Вам лучше повозиться в грязи.*

Мне бы вас сюда, в студию. Наладили бы чайку, сгоняли бы лысого за вином. И торт пусть прихватит, жлоб. Вам нельзя торт? Бережете фигуру? Ну, ради такого случая — можно. Я и мертвого уговорю. Хотя… Если честно, никогда не умел с дамами. Комплименты делаю — не верят. Меня в юности, на ялтинском пляже, одессит Миша учил:

«Комплимент дамочке любой сообразит! Не становись в эту очередь, тюха! Ты ей — колкость. С подвывертом. Одну, другую. Третью. Подначишь — она твоя. Миша — язва, они под Мишу штабелями ложатся…»

(Что-то я отвлекся.)

Черт с ним, с Мишей. Вы мне вот что скажите, милые. Как вам мои невербальные средства? Доходчиво? Пробирает? А то лысый в окно смотрит. Губу кусает. Чтоб не заржать конем. Пошел он лесом, наблюдатель хренов… Раздражает. Мне вас, виртуальные вы мои, успокаивать, а я на его лысину смотрю. И хочется мне взять чайник, примериться…

(«Вы это бросьте, Александр Игоревич. Нашли время…»)

Можно ли трахнуть женщину через инфосферу 2-го рода? Не обращайте внимания, девочки. Это я так. Это у меня характер портится. Работа вредная. Чувство юмора, как корыто у старухи. Совсем раскололось. А нового, золотые вы мои рыбки, у моря не выпросишь.

Красотуля: *Вы отвергли второй шанс уригулировать дело миром. Опять Ваши амбиции. Извиняться мне не зачто. Возню начали Вы с «оплатите мне такси». И сильно расстроились когда я отказала.*

Марго: *Это Вы должны были приехать за растюхой. Пот. что заведомо сказали не правду и продали не качественный товар. А Настя взрослый человек. Я что связала ее и засавила Вам написать? Вы пишете, что Настя порядочная и тутже выставляете ее беспомощным младенцем. Не хорошо девушка.*

Красотуля: *Ничего я Вам не должна, очнитесь. Вы бы ещё*

персоональный самолёт к подъезду велели подать. Скромнее надо быть. И гдея говорила что Настя — младенец? Бредите?

Ну что ж вы, а?

Уже и пишете с ошибками. Хамите. Желаете уязвить. У вас все цветы нафиг завянут. Конечно, до Крокодила с его «прыщеблядками» вам далеко. Но лиха беда начало. Вы меня слышите? Ну хоть капельку? Ни черта вы не слышите. Я тут пляшу перед вами, как перед мамонтом. Умные вещи говорю. Типа худой мир лучше доброй ссоры.

(…аж сам себя стесняюсь…)

Уволит меня лысый. За профнепригодность. Что мне для вас сделать? На вальс пригласить? Вальс де-труа, Штраус в гробу перевернется. Изобразить пантомиму? Я ведь всю эту ересь несу, а нутром чую: мимо кассы.

Стихи вам почитать, что ли?

Однажды приходит октябрь, а за ним — дожди,
И вместе с дождями — тоска, депрессняк, хандра,
Все кажется, что на облаке кто-то сиднем сидит,
И льет нам помои на голову — вон он, гляди! —
Из ведра.

Он вертит пригасшим нимбом, зацепленным за рога,
И курит бычок до фильтра, и смачно плюет в зенит,
И морось ему, мерзавцу, немерено дорога,
И в ухе его есть колокол, который — да сгинь же, гад! —
По нам звенит.

Penelopa: *Девочки! Не ругайтесь! Я с удовольствием заберу это растение. Красотуля, есливам вернут его, напишите мне в личку.*

Гелла: *Ну вот Вашу проблему мирно и решили.* J

Красотуля: *Говорю сразу в прямом эфире — растение заберу с того же места, где я его отдавала. Время определите сами и сообщите.*

Однажды приходит ноябрь, а за ним — метель,
И скрип под ногами, и снег, и морозные витражи,
И кажется, что теплее нет рифмы нам, чем «постель»,
И двери срывает с петель, а может быть, и с петель —
Дрожи!

Однажды проходит жизнь, и приходит смерть,
И гроб, и поминки, и водка, и с ливером беляши,
И надо, брат, изловчиться, загнуться крюком, суметь
Остаться нелепой искрой, сварганить Костлявой месть —
Пляши!

Penelopa: *Красочка, расслабься. Вариант забора ты предложила. Если человек сумел его получить, значит, сумеет и вернуть.*

Красотуля: *Как по мне, Марго вообще не стремится вернуть орху. Это такой способ развлечения — разборки. Человек отклонил первое предложение, выставив нелепое условие. На второе предложение — новая волна склочного вздора…*

Пляши до прихода марта, вприсядку беги в апрель,
Из сора, из груды пепла хоть как-то, а прорастай
Побегом, стрелою, кукишем — врежься, как в стену дрель,
Лай псом подзаборным, рыбой на зорьке плесни в Днепре —
С моста.

Рыбак одинокий глянет, докурит святой бычок,
Надвинет поглубже кепку, светящуюся как нимб,
Копытом пристукнет в раже: мол, плаваешь, дурачок?
А я-то шагаю мимо, а я-то здесь ни при чем —
Тони!

Гелла: *Проблема яйца выеденного не стоит. Решили бы всё мирным путём и разошлись.*

Марго: *Не все так просто.*

Гелла: *Если одна готова отдать а другая забрать, так в чём вопрос?*

Красотуля: *В нежелании пойти навстречу.*

Гелла: *Девочки, при всём уважении, я пыталась договориться в личке, без публичных перебранок….. но какие же все упертые…*

И снова мелькает лето, и снова октябрь дождит,

И снова на зябкой туче скучает рыбак шальной,
И снова душе морока: не бойся, не верь, не жди,
Не спи — я, душа, замерзну! Расплескивай, береди —
За мной!

4

— Не получается.

— Скромничаете, — возразил лысый. — Еще как получается.

И с нетерпением махнул мне рукой:

— Продолжайте, Александр Игоревич.

— А я вам говорю: ерунда. Что, Данила-мастер? Не выходит каменный цветок? — я закряхтел, как в анекдоте. — Качели какие-то… Чуть-чуть наладится, и снова — срач.

— Ничего, ничего. Качели — это нормально. Продолжайте.

Лысый был доволен, как слон. Ему нравились качели. Ни малейшим проявлением он не выдавал этого удовольствия. Разве что взмах рукой… В остальном же… Осанка. Излом брови. Блеск глаз. Морщинка на лбу. Изгиб запястья. Ничто не говорило мне, что лысый возбужден, как рыбак, почуявший клев.

И поэтому говорило все.

— Вы чудесно работаете, — он словно почуял мой интерес. Так собака виляет хвостом. — Я же вижу. Просто замечательно.

— Сомневаюсь, Глеб Юрьевич. И в себе, и в результате. Как мы узнаем, где — итог моего воздействия, а где — чистая случайность? Допустим, цветочницы просто устали грызться. Допустим, одна решила пойти навстречу. Сама, без внешнего давления. Где подтверждение, что был контакт? Что он вообще есть, этот чертов контакт?!

— Вы где стоите? — странным тоном спросил лысый.

— Я? У окна.

— Чем заняты?

— Смотрю в окно.

— Что видите?

— Стройку. Крыши. Спутниковые тарелки.

— Еще?

— На Пушкинской ремонтируют проезжую часть.

— От кого была последняя реплика в чате?

— От Марго.

— Что она написала?

— «Красотуля, не вам про склоки писать. Вы эту тему открыли. Вам, наверное, слово „амбиции“ нравится, раз Вы его

так часто употребляете…»

— Слово в слово. И куда вы при этом смотрите?

— В каком смысле?

— В прямом.

— Я ж сказал, в окно.

— Сейчас 18.57. Реплика Марго появилась в 18.55. Все это время вы смотрите в окно. Любуетесь стройкой. И что-то бубните себе под нос. Один раз обернулись, уставились на меня. Ладно, это не в счет. Вы, Александр Игоревич, вообще в течении сеанса не приближались к монитору. Продолжать, или сами сообразите?

— Тогда откуда я знаю последнюю реплику Марго?

— Вы у меня спрашиваете?

Он хихикнул. Не оборачиваясь, я знал, что на верхней губе у него блестит капелька пота. Слегка раздулись крылья носа. Указательный палец двинулся было ко рту, но замер на полпути. Наверняка он грызет ногти, когда остается один. Лысый стал для меня раскрытой книгой. Присланной в работу рукописью. Пожалуй, я смог бы его редактировать.

Как срач в чате.

За моей спиной зашелестели клавиши ноутбука.

Сявка — Яме:

В действиях Плюса выделяются три фазы. В начале эксперимента был зажат. Очень старался. Переигрывал мимикой. Обильно жестикулировал. Так разговаривают с умственно неполноценным ребенком. Результат — отрицательный. Реакция — нулевая. С началом второй фазы Плюс перестал отвлекаться на меня. Мимика стабилизировалась. Жестикуляция — в пределах разумного. Говорит внятно, но тихо. Текст бессвязен. Предполож., внутренняя логика. Результат — проявлен в небольшой степени. Реакция — слабая, но отчетливая. Третья фаза характеризуется отсутствием мимики. Жестикуляция прекратилась. Поза расслабленная, невыразительная. Перестал ходить по кабинету, смотрит в окно. Произносимый текст ритмизован. Звучит очень тихо. Внешние проявления сократились до минимума. Результат — усиливается. Резко выраженный конфликт двух векторов. Реакция — высокая, с учетом противодействия.

Яма — Сявке:

Подтверждаю. В действиях Минуса выделены аналогичные фазы.

Продолжаем.

— Кто такой Минус? — спросил я.

— Не ваше дело, — ответил лысый. — Продолжайте.

Если бы он заюлил, стал открещиваться; заявил, что знать не знает никакого минуса, кроме арифметического знака…

— Сявка ты, Глеб Юрьевич. Натуральная.

— Перестань копаться в моих записях, Александр Игоревич. Тебя мама не учила, что некрасиво читать чужие письма?

— Мама? Нет, не учила.

— Почему?

— Ей было не до воспитания. Мама много работала.

— Вот и ты работай. Много. Смотри, они без тебя опять срутся…

Марго: *Красотуля, не вам про склоки писать, Вы эту тему открыли. Вам наверно слово «амбиции» нравится, если Вы так его часто употребляете. Что Вы только о моем такси и говорите? Примите валерьянку и успокойтесь. Жизнь — штука сложная, нервы беречь надо…*

Красотуля: *«Полоскать» меня намеревались Вы. Тему я открыла для Вас. Амбиции — именно то определение, которое характеризует Вашу манеру общения. Ваше «такси» не задело, а рассмешило меня. Не вижу смысла в дальнейшей дискуссии. Если Вы серьёзно намереваетесь вернуть орху, советую Вам взять себя в руки. И определиться со временем. Если до воскресенья от Вас не будет вестей, обмен не состоится.*

Качели набирали размах. Подколки чередовались с предложением мировой. Щелканье клыков — с вилянием хвоста. Минус — с плюсом.

И минус — братец Минус! — перетягивал.

«Исходящее из уст — из сердца исходит; сие оскверняет человека,» — произнес где-то рядом голос бывшей. Я слышал ее слова так отчетливо, как если бы держал возле уха трубку телефона. Тон у бывшей был такой, словно она лет двадцать проработала налоговым инспектором.

Анютина Глазка: *Цитата: <Tan'ka: У меня тоже был неудачный опыт продажи растюх…> Дорогая Tan'ka, если уж вы пишете для всех, добавьте, что фаленоп, который вы мне продали, оказался без точки роста. В объявлении об этом не было ни слова. Кстати, много раз покупала орхи у Красотули. Все растюхи отличного качества. Красочка, не расстраивайся!*

Гелла: *У меня тоже такое было. Продала фалик, горшок был прозрачный виднелись 2 корешка. Его купили а через 4 дня пишут что я без корней продала. Встретились я ей денежку а она мне мой фалик. Дома обнаружила что в горшке нет коры. Ненормальная*

ограбила меня. Нервы дороже! Удачи Красотуля!

Красотуля: *Девочки! Чмоки! Сто раз!*

Havroshechka: *Ой, это ж я ограбила! Я ненормальная! И получила письмо с таким заголовком, когда написала, что растение только что из заказа, а продавалось втридорога в качестве адаптированного… С обкромсанными под ноль корнями. Помню-помню. Вам коры принести, чтобы Вы успокоились? Чего вашей душеньке угодно?*

…чего нашей душеньке угодно?

«Разноименные знаки притягиваются,» — подумал я, прежде чем шагнуть в окно, навстречу братцу Минусу. Лысый не стал меня удерживать. Да и не мог, если по чести.

Такие окна открываются не для всех.

5

Когда познаешь смысл бытия,
Планета станет маленькой, как шарик.
И все, что вознесению мешает,
Уйдет навеки, словно «ты» и «я».

Грозовой фронт озарился сполохом далекой зарницы. Тучи заклубились, потекли акварельными размывами. Акварель набухла, загустела, обретая насыщенность темперы — и расползлась колоссальной лужей.

От горизонта до горизонта?

Горизонта не было. Не было неба и тверди. Ни вод морских, ни светил для отделения дня от ночи. Хаос царил вокруг, и тьма над бездною. Не было даже слова, которое в начале. Вот уж чего-чего, а слова так точно не было.

…нет, не хаос.

Среда.

Подвижная, изменчивая, она являла собой колыбель зыбких, ежесекундно возникающих и распадающихся форм. Вот обозначился просвет, и из него серпантином пролилась радуга. Вместе с ней хлынул ливень страстей. Имбирный жасмин — радость. Апрельский изумруд — любовь. Первая. Смешная, как лопоухий щенок. Лимонный, текучий желток — праздник. Верней, его предвкушение. Запах мандаринов и шоколада «Аленка» — детская улыбка. Еле слышная дробь барабанов — близость.

От нее вибрировали тучи.

На перехват радуги, исходя шипящим паром, взметнулись грязевые гейзеры. Завистливые кляксы испятнали бирюзу. Серная вонь вцепилась в сандал и ладан. Клыки, острые как ненависть, сожрали «Аленку» вместе с фольгой. Дробь барабанов изменила ритм — тревога, ссора, разрыв.

Похоть.

Контрапунктом наслоился умиротворяющий шелест волн. Жар гнева, дрожь страха. Чернильная струя злорадства. Вонь солдатского нужника. Фиалки, взращенные на гноище, сражались до последнего лепестка… Потоки запахов, струи красок сталкивались, разлетаясь мириадами брызг. Смешивались, закручивались водоворотами ярости — и опадали без сил, чтобы взвихриться в другом месте.

Оркестр-исполин играл симфонию безумия. Разуму, как и слову, здесь места не нашлось. Бедные родственники, они топтались за порогом. Молодецкий посвист ветра сплетался с пронзительным взлетом трубы. Гром бешеных литавр. Контрабас крадется на мягких лапах. Несутся вскачь скрипки. Хохочут альты. Подмигивает ксилофон. Хмурятся недоверчивые виолончели. Пляшет в зените эхо колоколов…

Не борьба, а способ существования.

Mobilis in mobile. Подвижное в подвижном. Динамика, действие; изменение, возведенное в закон. Мир жестов, гримас, интонаций — рожденных и не родившихся. Невербальная инфосфера, прослойка между человеком — и нулем с единицей. Квинтэссенция невысказанного, биение мух, угодивших в паутину Всемирной Сети.

Меня влекло сквозь всплеск и паузу, звук и запах, тон и взмах. Плюс тянется к минусу? Среда растворяет в себе чужака? Заманивает, чтоб расправиться? Глупо приписывать ей наши стремления. С другой стороны, разве не из них она и состоит?

Может ли копилку, в которую годами бросают монеты, обуять жадность?

Внизу, сквозь туман, который пахнет жареным луком, проступает клумба. Яркие мазки под кистью-невидимкой набухают зрелыми бутонами, расцветают — и вянут, осыпаясь дождем быстро чернеющих лепестков. Мертвецов сменяют живые. Они мерцают, гаснут, вспыхивают снова…

Гелла: *У меня тоже такое было. Продала фалик, горшок был прозрачный…*

Красотуля: *Девочки! Чмоки! Сто раз!*

Havroshechka: *Ой, это ж я ограбила! Я ненормальная!..*

Клумба-чат пульсировала, билась, как сердце дряхлого бегуна. Черные сердцевинки пожирали цветы изнутри. Стебли налились свинцом. Потянуло гнилью, мокрой землей.

Не надо, попросил я.

Жестом, тоном, черт знает чем.

Penelopa: *Девочки, давайте жить дружно!*

Марго: *Делать мне больше нечего, как препираться из-за копеечного фаленопсиса. Я, как все понимают, его только для того и приобретала, чтобы вернуть обратно. Развлекаюсь я так. Спорить дальше не вижу смысла. Меня все равно не слышат и слышать не хотят…*

Напротив, в бурлящем киселе, возникло темное уплотнение. Сгустилось, напряглось — я физически ощутил исходящее от него давление — и с натугой извергло аморфный ком нечистот. Ком завис над клумбой, лопнул и стек вниз охристой жижей.

Здравствуй, Минус.

Встретились.

После пароксизма дефекации Минус расслабился. «Сброс» дался ему нелегко. Гадил он без энтузиазма, как нанятый. Вот, совсем расплылся. Вспучился по краю дорожкой нервных пузырей. В центре проступила тонкая сеть прожилок — багрово-синих, как свежий кровоподтек.

«Етить-колотить, — поплыло ко мне, шевелясь и плеща. — Золотарь? Ты что здесь…»

«…Карлсон?!»

Яма — Сявке:

В действиях Минуса наблюдается ряд особенностей. Мимика исчезла. Жестикуляция прекратилась. Он молчит. Не двигается. Смотрит в стену. Дыхание практич. незаметно. Ближ. аналог — глубокая медитация. Камерами слежения зафиксирована реплика. Я не разобрал. Дважды прослушал запись при усилении. «Золотарь? Что ты здесь делаешь?» Преполож., намеченный результат эксперимента достигнут. Нуждается в проверке.

Сявка — Яме:

Плюс — аналогично. Застыл у окна. Меня не воспринимает. На всякий случай предупредил медбригаду. Готовность № 1.

Чихать я хотел на их переписку.

Плоские слова, безликие ники. Но где-то там, за словами, сотканными из цифр, был кабинет, заставленный книжными

стеллажами, диван, где ждал внимательный хиппи Ямпольский, и стена, у которой истуканом замер толстый охотник Карлсон. Еще минуту назад он бегал туда-сюда, выполняя задание. Грозил кулаком. Рубил ребром ладони по локтевому сгибу. Выкрикивал разные гадости. Корчил рожи. Злил, подначивал, стравливал. А что? Работка — не бей лежачего, прикольно. Ток-шоу «Черная орхидея». И премиальные обещаны.

Сперва — никак, и очень глупо.

Потом — как-то, и чуточку странно.

Следом — ух ты, и даже забавно.

В финале — ни черта себе, и что мы здесь оба делаем…

Я не знал, каким он видит меня. Я боялся даже предположить, какими нас воспринимает среда. Минус и плюс. Два идиота, сцепившихся в борьбе за души, заточённые в чате. Два начала. Две силы. Жест, мимика, интонация. Львиная доля выразительности. Жирное зло, запойное добро. На глазах слепого хаоса, в присутствии безликости. В четыре руки мы кормили среду яблочком. За маму, за папу, за дядю Яму…

Кушай, маленькая. Чавкай. Пускай слюни.

В этом и была соль эксперимента — чтобы мы увидели друг друга.

6

Сявка — Золотарю:

Я не знаю, дойдут ли до тебя эти слова.

Все-таки надеюсь, что да. Какими-нибудь окольными путями, которые мы еще только нащупываем. На звук моей речи ты не реагируешь. На прикосновение… Скажу честно, я испугался. Встал, подошел к тебе, протянул руку — и отступил. Черт его знает, как ты отреагируешь. Ты бы видел себя… Нет, так вроде бы ничего. Обычный. Просто очень уж выразительный.

Я и не подозревал, что неподвижный, молчащий, погруженный в себя человек может быть так выразителен. Монолог без единого слова. Пантомима без единого жеста. Угроза, приветливость, вопрос, подозрение, бешенство, умиротворение… Не шевельнув и мускулом. Не издав и звука.

Пожалуй, лучше тебя не трогать.

Медики ждут. Один мой звонок, и через три минуты здесь будет реанимационная бригада. Надеюсь, до этого не дойдет. Мы не предполагали такой реакции. Эксперимент задумывался целиком и полностью безопасным. Мы с Ямпольским… Мы не лгали тебе. Просто не сказали всей правды. Это было важнейшим

условием чистоты эксперимента. Да, параллельно с тобой работал охотник Карлсон. Из Яминой квартиры. Да, вы не знали друг о друге. Карлсон должен был ссорить, ты — мирить.

Но не ваше предполагаемое воздействие на чат являлось финальной целью.

Ямпольский прав. Ты знаешь, что в юности он брился наголо? Я же, напротив, отращивал ужасающие патлы. Мы учились в одном классе… Извини, отвлекся. Яма — умница. Даже если реакция объектов будет коррелировать с воздействием, сказал он, мы не будем до конца уверены в результате. Объекты могут возбудиться или успокоиться просто так. По личным, неизвестным нам причинам. Синусоида их настроения может частично совпасть с внешним воздействием. Случай еще никто не отменял.

Тогда мы должны провести десятки экспериментов, сказал я. Накопить статистику. Проанализировать. И лишь потом делать выводы.

Ускорим процесс, сказал Яма. Статистика — это хорошо. Но мы пойдем дальше. Чат — косвенный объект. Двое охотников, плюс и минус — вот кто настоящие субъекты и объекты эксперимента. Если есть инфосфера второго рода, если через нее можно получить доступ к инфосфере первого рода… Значит, через нее возможен прямой контакт.

Принцип распределенной сети: минуя центральный сервер. Слышал про P2P-сети? Person to person. Человек с человеком.

Homo homeni lupus est.

Если плюс и минус законтачат напрямую, невзирая на разделяющее их расстояние, не зная друг о друге, и тем не менее узнав друг друга… Тогда мы уверимся в существовании этой сферы. В возможности работать с ней. Исследовать. Пользоваться. А статистику накопим. Потом.

Такие дела, Золотарь.

Давай, возвращайся. Пусть медики спокойно уедут. Яма пишет, с Карлсоном та же морока. Да, чуть не забыл. Ерунда, пустяк, но почему-то меня он смущает. Если тебе доступно сказанное мной, загляни в чат. Красотуля — это охотник Шиза. Носова Алена Дмитриевна. По моей просьбе Чистильщик договорился с ней, что она будет ждать тебя в «котле» — и в указанное время зайдет в чат. Насчет остального она не в курсе. Просто болтает со своими цветочницами.

Не могу сказать, что чувствую себя виноватым. В конце концов, она же не на линии огня. Сидит в сети, язык чешет. Она и раньше ссорилась с чатланками. Яма проверял. Шиза — это его идея. Сперва я не понял, зачем. Подошла бы любая кандидатура.

Конечно, лучше знакомая — опросить после эксперимента, то да сё… Но Яма заявил, что Шиза — это рычаг. Если что, сказал он, мы таким образом достучимся до тебя. Может, он и прав.

Разозлись, Золотарь. Только возвращайся, а?

* * *

Лысого бросило к двери.

Он не знал, откуда взялся страх. Мощный, ледяной, властный. Казалось бы, ничего особенного. Просто человек у окна повернул голову. Медленно, словно страдал остеохондрозом. Крылось в обыденном движении черт знает что. Какие-то дикие страсти. Шипение разъяренной кошки, прищур снайпера, оскал клыков.

Лысому даже показалось, что воздух в «студии» стал цветным.

Когда-то, давным-давно, лысому в руки попались воспоминания Мейерхольда. Великий режиссер рассказывал, как в провинциальном городке на Волге он пошел на «Гамлета». Играла гастролирующая антреприза, в главной роли — Мамонт Дальский. Прославленный Мамонт, трагик от Бога. Сидя в зале, Мейерхольд увидел, как на сцену вышел датский принц — старый, толстый, обрюзглый пропойца с сальной копной волос. На публику он не смотрел вовсе. Сделав несколько шагов, Мамонт вдруг повернул голову.

«Из его глаз ударила молния, — закончил рассказ Мейерхольд. — Она попала в меня. И я стал смотреть трагедию…»

За точность цитаты лысый не поручился бы.

Но за молнию — легко.

ЭПИЛОГ

1

Несогласные хоть в чем-то
Несогласных по-любому
Чаще посылают к черту,
Реже посылают к Богу.

Мне их не переиначить,
Не осалить, не ославить…
Не туда послали? Значит,
Не хожу, куда послали.

Не иду в поход за Богом,
Не иду в поход за чертом…
Только что ж за мной, убогим —
Черный с белым, белый с черным?

2

— Есть чем порадовать вас, дети мои! — лихо соскользнув по шесту, Золотарь ворвался в «нижний котел», весь буря и натиск. — К нам едет стажер.

— Шо, опять?!

— Не опять, а снова. Не вижу радости на лицах!

— Если меня с ним на качели поставишь, — буркнул Карлсон, — чур, я плюсом буду.

— Указываешь начальству?

— Ага. Пальцем.

— Его еще тестировать надо. Выяснить базовый знак. Объявится, тогда и поглядим…

Бздын-н-н!

Нож на дюйм вонзился в центр мишени.

— Дискриминация! — пару секунд Карлсон любовался результатом броска. Затем, крутнувшись в кресле, развернулся к «начальству». — Как трипперу, так и тесто, и место. Какой знак изволите, юноша? Етить-колотить! Нас с тобой, между прочим, никто не спрашивал: «Кем желаете быть?» Вогнали в зоосферу, как кол в упыря…

Золотарь погрозил наглецу кулаком. И подумал, что в «Авгиконе» стремительно формируется новый жаргон. «Качели», «триппер», «зоосфера», «плюс-минус»… Некоторые словечки его раздражали.

Особенно — «зоосфера».

То, что официальный термин «невербальная инфосфера 2-го рода» в обиходе не приживется, было ясно с самого начала. Еще после первого «трипа» Ямпольский имел неосторожность выдать в присутствии Карлсона словечко «Золосфера». По имени, значит, первооткрывателя — господина Золотаренко. Добрый Карлсон, естественно, тут же сократил это дело до «зоосферы».

Ляпнет, жиртрест, при посторонних: «Вчера с триппером из зоосферы возвращался…» Объясняй потом, что это за «зоосфера»! И что «tripper» по-английски — «турист» или «экскурсант», и в «котле» так стажеров зовут…

— Тебе еще очень повезло, между прочим. Начали бы мы в сфере воевать…

Золотарь зажмурился — от ужаса или от удовольствия, неясно. И со вкусом закончил:

— Надрал бы я тебе задницу! По-нашему, по-голливудски.

Карлсон хмыкнул.

— Отходняка, — продолжил шеф, — не было. В «нырь-ванну» не вляпались…

Толстяк примирительно махнул рукой:

— Знаю, не маленький. Это я так… Бурчу. От зависти. Мы-то сами шишки набивали! А этих на готовенькое приводят…

— Хочешь раздать им наши грабли?

— Я ж сказал: бурчу… так просто…

Разговор повторялся с дивной регулярностью, став традицией. Сейчас Золотарю следовало выдать сакраментальное: «За „так просто“ попадешь на полста!» — и зафигачить в мишень нож из ближайшего стаканчика. Увы, шеф проигнорировал ритуал.

— Охотник Самоход! Бездельничаете? Отчет за вас кто писать будет?

— Пушкин, — подсказал вездесущий Карлсон. — «Сказка о попе и его охотнике Балде».

— Напишу, Александр Игоревич! К вечеру сдам…

— Точно?

— Максимум, завтра утром…

Единственный в «Авгиконе», Самоход все еще обращался к директору на «вы». И страстно завидовал ветеранам. «Явился на мою голову!» — читалось в его напряженной позе. Толковый парень, подумал Золотарь. Прав был Чистильщик. А что робеет —

это хорошо. Нахалов и так хватает!

«Валил бы ты, шеф, к себе. Не видишь, отходняк у меня?»

Разумеется, ничего подобного Самоход вслух не произнес. Но нервное ерзанье «мышки» выдавало его с головой. Парень недавно вернулся, и сфера еще не отпустила его до конца. На выходе он зацепил краешек «нырь-ванны», к счастью, выскочив самостоятельно, без поддержки. Умата в августе едва вернули, и на неделю уложили в «Доктор Сан». Умат отбивался и орал, что здоровей всех здоровых.

Тогда же и выяснили: лучшее средство от эмо-отходняка — работа.

— Вечером жду отчет! И без выкрутасов!

«Давай, дурачок, — добавил Золотарь про себя. — Трудись. Твой час на первичную адаптацию истек.»

«Блин, попал! Не отстанет…» — Самоходовы руки взлетели над клавиатурой.

— Тормозишь? — рявкнул Карлсон.

Самоход испуганно замер.

— Инструкцию забыл? ВВС возьми.

Картинно хлопнув себя ладонью по лбу, Самоход нога за ногу — походка «как же вы меня задолбали!» — поплелся в соседнюю комнату за ноутбуком. «ВВС» — «вещь-в-себе». Так Шиза окрестила три выданных внешниками спец-ноута. Опломбированные, без интернет-программ, модема и сетевой карты. К сети ВВС не подключались в принципе. На них составлялись все отчеты о трипах.

Карлсон звал ВВС — девственницами.

Не прижилось.

Когда начались эксперименты по считыванию информации из сферы-1 через сферу-2, «авгиконовцы» на первых порах только и делали, что писали отчеты. Исследовали возможности. Потом тему передали кому-то другому. Золотарь подозревал — кому. Золотое дно, если подойти с умом. Ну и ладно. Воруйте, торгуйте, шантажируйте — флаг в руки! Другого человечества у нас все равно нет, как и другого глобуса.

Наиграемся — приспособимся.

Секреты станут хранить в ВВСах, и ветры вернутся на круги своя.

Он проводил взглядом Самохода. Очень хотелось пойти следом. На людей, вернувшихся из сферы-2, интересно смотреть. Они становятся до чертиков выразительны. Шевельнулся, изменил позу, двинул бровью… И ты сразу все понимаешь. Даже больше, чем все. Словно целый спектакль прошел перед тобой. Впрочем, эффект длится недолго. Шесть-семь часов, и финита ля

комедия.

Но пока человек в таком состоянии…

В сентябре Карлсон, взвинченный после трипа, ехал домой на своей «KIA». Возле ДК Строителей напоролся на гаишника. «Сержант Петров! Предъявите ваши…» И сгинул сержант, как ветром сдуло. Это Карлсон из окна высунулся.

Старушка мимо шла, в обморок бряк…

Когда в первый, памятный раз я из «студии» в «котел» свалился — Шиза тоже сходу все поняла. Не про эксперимент — это я уже потом ей рассказал. Про другое. Я ж тогда как открытая книга был. С картинками. Вечером она сама ко мне пришла. А на следующий день переехала насовсем. Горшков с цветами навезла — прорву. И здоровенного кота по кличке Барбос.

Кот с порога «построил» ошалевшего Талейрана и принялся верховодить. Как-то, забывшись, я позвал кота: «Эй, Барби! Жрать хочешь?» — и едва успел спрятаться в туалете. Думал, все, хана! В клочья разорвет, тигра.

Ничего, обошлось.

Так и стали жить: я, Шиза, Барбос с Талейраном — и орхидеи на всех подоконниках. Антошка от их компании просто тащился. Парню нравилось все: и проказы «сладкой парочки», и оранжерея. Но больше всего он любил встречать меня, когда я возвращался домой после трипа. Можно было не разговаривать. Понимание возникало само собой. Редчайшая штука, если вдуматься…

Прав Карлсон. К чему зверю слова? Поза, оскал, рык. Визг, запах.

Зоосфера — очень даже…

В первых числах октября вдруг заявился Кот. Трезвый, без своих дурацких приколов. Глядя в пол, поздоровался. Смущаясь, выставил на стол бутылку «Мартеля». Это тебе, сказал Кот. Я, старик, завязал. Четвертый месяц сушу весла. Я чуть не заржал конем, любуясь кислой физиономией Котяры.

И поставил чайник.

За чаем мы просидели часа три. Заветной, мучившей обоих темы старательно избегали. Кот только спросил в конце, как бы между прочим: ты в курсе, да? Я ведь был ни при чем. В курсе, кивнул я. Кот просиял. Спасибо, старик. Знаешь, как камень с души. И вприпрыжку ссыпался вниз по лестнице. Что он там себе решил, что высмотрел во мне — какая разница?

Тем вечером я был после очередного трипа.

В кармане заверещал мобильник.

— Привет, Саша!

— Рита? Добрый день.

— Там наши вам новую программку залили. Апгрейдную

версию. Скажи, чтоб на всех машинах установили. Вместо старой.

— Сколько процентов?

— Сорок три. Пытались сорок пять отладить — глухо. Горят мониторы.

— Хорошо, скажу. Как у тебя вообще?

— Потихоньку. Ой, извини, шеф вызывает! Я тебе перезвоню…

Программу стабилизации параметров монитора сделали в августе. Пришлось пожертвовать жесткостью части установок. Первая версия держала 22 % настроек. Вторая — 29 %. Новая — пятая. От импицирования не гарантирует, но эффект ослабляет. Уже были случаи. Кто-то сам справился. Кто-то к врачам прибежал: доктор, у меня навязчивые идеи! Иных накрывало по-прежнему, на полную катушку.

Да и внедрялись программки со скрипом…

Работы — непочатый край. Завтра стажера принимать. Они думают, мы в сферу-2, как к себе домой, ходим? Трипы мотали нервы даже опытным охотникам. Для гарантированного входа требовался конфликт. Плюс и минус, два полюса. Homo homeni… Должно быть, Среда запомнила первый случай — записался он у нее, что ли? — и свободно пропускала лишь пары антагонистов. С «сольными» трипами получалось через раз, как карта ляжет.

Зараза, она и есть зараза.

— Дама и господа! Убрали наушники… Охотник Шиза!

— А?

— Наушники сними, да?

— Угу.

— Довожу до сведения масс: нам прислали свежую версию «Антиимпа»…

Убедившись, что охотники заняты делом, Золотарь подошел к окну. Прислонился лбом к холодному стеклу. Снаружи ветер гнал по небу стадо кудлатых туч. Срывался дождик — мелкий, колючий. Хорошо, что вчера заработали батареи. До этого народ спасался обогревателями, рискуя спалить проводку и учинить пожар.

«Пойду в студию. Надо бы и себе новинку установить…»

3

В коридоре громыхнуло.

Из кабинета Золотарь вылетел раньше, чем сообразил, как это глупо. Задним числом браня себя — курсистка, блин! кисейная барышня… — он смотрел на откинутую крышку люка.

Ее открыли снизу, мощным толчком.

— Привет! Как жизнь молодая?

Чистильщик висел на шесте. Голова его возвышалась над полом, а плечи скрывались в «лифтовой дыре». Он напоминал Саида из «Белого солнца пустыни».

«Чайник принести, что ли?» — подумал Золотарь.

— Приличные люди стучатся. Не в курсе?

— Я приличный, — с уверенностью отрезал Чистильщик. — Я очень приличный.

— С чего взял?

— Я стучусь.

Подбородком Чистильщик указал на крышку.

— К ребятам забежал. По старой памяти. Ты, говорят, зверствуешь?

— Кто ябедничает?

— Все. Дисциплинка, да?

Кряхтя, Чистильщик полез наружу.

— Старею, — огорчился он, завершив процесс. — Хватку потерял. А ты?

— Что я?

— Говорят, тренируешься…

«Убью, — пообещал Золотарь неведомому стукачу. — Найду и убью.»

По вечерам, выгнав всех к чертовой матери — кыш, шпана, конец рабочего дня! — он минут двадцать уделял шесту. Пыхтя и матерясь. Поражаясь собственному идиотизму. Как мальчишка, радуясь достижениям — с конца сентября удавалось залезть из «котла» в «студию». Но так, что лучше этот маневр никому не показывать.

Пронюхали, сволочи.

— Ты дверь открой, — бывший шеф посмотрел на часы.

— Открыто.

— Я не про люк.

— А я про люк. Вызову слесаря, велю щеколду поставить.

— Зачем?

— Чтоб не лазили всякие.

— Не слесаря. Столяра.

— Точно?

— Вроде бы, — Чистильщик задумался. На лбу его блестели капельки пота. — Лишь бы не сантехника. Открой, они уже идут.

В дверь позвонили.

— Кто идет?

— Санитары. Яма идет, не бойся. С ним там еще один… Сам увидишь.

Хиппи вежливо поздоровался, входя. Он был при параде: легкий плащ, костюм, галстук. Туфли начищены до умопомрачительного блеска. Даже хвост на затылке схвачен не резинкой, а шикарной заколкой.

Эмалевый дракон дразнился, высунув язык.

За Ямой прятался второй костюм с галстуком. Спутник хиппи нервничал и озирался. Казалось, он все время ждет подвоха. Выскочат, схватят, закуют в кандалы… Молодой, оценил Золотарь. Слегка за тридцать. Где они его взяли?

— Знакомьтесь, — представил спутника Ямпольский. — Нестеров Петр Семенович. Член правления банка «Основа». Не волнуйтесь, Петр Семенович. Здесь вам помогут. Пройдемте в кабинет.

От слова «пройдемте» Нестерова чуть не хватил кондратий.

В кабинете Ямпольский по-хозяйски уселся к компьютеру. Не вмешиваясь, Золотарь следил за самоуправством. Дело пахло жареным. Тут к гадалке не ходи.

— Этот счет? — пальцы хиппи обласкали клавиатуру.

Нестеров вгляделся.

— Да.

— Александр Игоревич, взгляните и вы.

Germany
Bootman Irina
Konto: 65 940 259 00
BLZ: 276 600 41
Drezdner Bank
BIC: DRES DE FF 276
IBAN: DE84 5342 0021 9746 5412 00
Ust.-ID-Nr.: DE 122 107 264

Бухгалтерия, понял Золотарь. Тоска зеленая.

Он лгал себе. Тоска тоской, но запах… Банковский счет пах яблочным соком. Свежим, только что выжатым. Страшно захотелось пить.

— Вы с ними связывались, Петр Семенович?

— Да.

— И что?

— Опоздали. Деньги были зачислены — и сразу ушли герцогу Карлу Теодору.

— Кому?! — ахнул Золотарь.

Началась фэнтези, бессмысленная и беспощадная.

— Извините, — вздохнул Нестеров. Банкир стал похож на ослика Иа-Иа, которого на день рождения запрягли в груженую телегу. — «Drezdner Bank» перечислил наши деньги на счет офтальмологической клиники герцога Карла Теодора Баварского.

Это в Мюнхене…

Фэнтези превратилась в фарс.

— Будете опротестовывать? — спросил Ямпольский.

— Сейчас решаем. Не хотелось бы огласки. Сумма не смертельная, но сам прецедент…

— Александр Игоревич! — хиппи набрал новую ссылку. — Обратите внимание. Как ни крути, это по нашей части…

Малыш Никита отчаянно борется за свою жизнь. У него опухоль глаза. Для операции требуется 150 000 евро, уже собрали около 70 тысяч. Люди, помогите, кто чем сможет! Счёт идёт на дни. Путсь ребенок получит ещё один шанс с вашей и Божьей помощью.

Вот реквизиты…

Реквизиты пахли яблоком. Яндекс-Деньги. Сбербанк. Почтовые переводы. PAYPAL. И «Drezdner Bank». Золотарь вгляделся. Все совпадало.

— Не думал, что это будет так примитивно, — сказал он.

— А чего вы ждали? — бросил Чистильщик. В присутствии Нестерова он перешел на «вы», для солидности. — Многоходовой комбинации? Ангела с крыльями? Это только начало. Примитивное, лобовое. Деньги ушли малышу Никите. Перечисление оформлено надлежащим образом. Даже платежка сброшена на принтер.

Нестеров ослабил узел галстука.

— Сброшена, — подтвердил банкир. — На ней, правда, нет подписи.

— Вы клерков проверяли? — спросил Золотарь. — Тайный альтруист, а?

— У нас нет альтруистов. Все божатся, что ни при чем.

— Вы им верите?

Нестеров лишь вздохнул в ответ.

— Кто-то мог быть импицирован, — предположил Золотарь.

— Проверим, — кивнул Ямпольский. — И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сделали себе опоясания. Что-то долго глаза открывались… Октябрь на дворе. Я предполагал, что начнется с августа.

Чистильщик сел на диван.

— Может, и с августа, — буркнул он. — Мы ж не всезнайки.

— Я пойду? — Нестеров боязливо отступил к дверям.

— Да, конечно, — кивнул Ямпольский. — Я вас провожу.

…Малыш Никита отчаянно борется за свою жизнь…

— Не туда смотришь, — дождавшись, пока Яма уведет банкира, Чистильщик занял место хиппи. — Это, конечно, новый фронт работы… Во вторник совещание по поводу. Имей в виду:

быть как штык. Но я о другом. Не хотел показывать, пока этот здесь…

Он взялся за мышку.

— Это в комментариях. В принципе, обычная дрянь. Но охотник Кафка…

— Кафка? — оценил я.

— И не надейся. Она просто шепелявит. Кашка, манная… Короче, Кафка подала докладную. Божится, что был еще один вброс. Не вполне обычный.

— В смысле?

— В смысле, безадресный. Широкополосный. Но пик четко пронюхивается.

В нос шибануло раньше, чем я наклонился к монитору.

Darklo: *Заебали раковые больные в топе яндекса, пропавшие безвести и все эти сраные больные детки, которым просят помочь.**ДА КОГДА УЖЕ ВЫ БЛЯДЬ ВСЕ ПОДОХНИТЕ И ЖЕЛАТЕЛЬНО В КОРЧАХ? ШЛЮ НА ВАС ОГРОМНЫЕ ЛУЧИ ПОНОСА!!!!!***

Read comments:

Люто, бешено поддерживаю.

Хотелось бы посмотреть на твою дочурку подыхающую в корчах.

Больше ненависти! БОЛЬШЕ!!!

Ты есть мразь и падла, коли так думаешь!!! Подохнуть тебе не желаю — живи долго и мучайся от того что говно ты немилосердное и вша поганая! Человек должен быть милосердным!

— Сохрани мне ссылку, — сказал я.

— Уже. Что собираешься делать?

— Потолковать с ними.

— Поздно.

— Не каркай.

— Если был вброс — поздно. После драки кулаками не машут.

— Машут. Есть у меня одна мыслишка. Про драку и кулаки.

— Ты хочешь об этом поговорить?

— Очень.

— Чаем угостишь? — спросил Чистильщик.

Февраль-май 2009 г.